

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

8 • 2008

Москва

ΨΛ

УЧРЕДИТЕЛЬ – Учреждение Российской академии наук Институт
языкознания РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Ф. Тарасов – главный редактор
Т.В. Ахутина
В.Е. Гольдин
В.А. Виноградов
А.А. Залевская
В.И. Карасик
Д.А. Леонтьев
И.Ю. Марковина
Е.Ю. Мягкова
И.Г. Овчинникова
Е.С. Ощепкова – ответственный секретарь
Ю.А. Сорокин
И.А. Стернин
Н.В. Уфимцева
В.И. Шаховский
Л.А. Шкатова

Редактор-составитель выпуска – Е.Ф. Тарасов

Научный журнал теоретических и прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Перепечатка материалов из журнала
допускается только по согласованию с редакцией

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ.....	6
<i>Е. Ф. Тарасов. Образ мира</i>	6
<i>В. М. Павлов. К вопросу об отношениях лингвистики и психологии</i>	11
<i>Т. Н. Ушакова. Полисемия как отражение семантических процессов вербальной сферы человека.....</i>	16
<i>Ю. А. Сорокин. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор).....</i>	29
ОБРАЗ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	41
<i>О. В. Балясникова, А. А. Нистратов, Е. С. Ощепкова, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. Общечеловеческие ценности: русско-украинские параллели</i>	41
<i>А. А. Григорьев А. А. Нистратов. Я и другой как носители ценностей: сопоставительный анализ семантических пространств ценностей литовцев и жителей Сыктывкара</i>	46
<i>А. Е. Тарасов. Образ России как элемент внешнеполитического планирования</i>	54
<i>И. В. Журавлев. Методологические проблемы исследования образов сознания (на примере образа мужчины).....</i>	66
<i>Е. С. Ощепкова. Исследование образа России на примере социальной сферы</i>	74
<i>П. Н. Яшин. Сопоставительный анализ образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан</i>	85
<i>А. Д. Палкин. Образ богатства в русской и японской культурах.....</i>	93
<i>А. П. Василевич. Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции.....</i>	101
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	107
<i>Ly Toan Thang, Nguyen Thi Thanh Huyen. The Vietnamese way of viewing and thinking about the world (based on animal and plant puzzles)</i>	107
<i>Е. А. Елина. Изобразительное искусство как феномен «удвоенной коммуникации»... ..</i>	112
<i>Н. А. Павлюк. Грамматическая категория рода в этнопсихолингвистическом аспекте</i>	124
<i>К. И. Долотин. Количественная оценка эмоционального напряжения говорящего по временным параметрам квазисегментной структуры речевого сигнала (психофизическое шкалирование).....</i>	128
<i>А. А. Боронин. Проекция фикциональной коммуникативной ситуации (экспериментальное исследование).....</i>	133
<i>Ю. Б. Грязнова, М. В. Рау. Как нам читать?</i>	142
НАШ АРХИВ	147
<i>Е. Д. Поливанов . Рифмология Маяковского</i>	147
РЕЦЕНЗИИ	161
ABSTRACTS OF ARTICLES	164
ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ.....	168

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Этот номер журнала «Вопросы психолингвистики» имеет традиционную структуру. Открывается он разделом «Теоретические и методологические проблемы психолингвистики», в котором помещены четыре статьи. Е. Ф. Тарасов в статье «Образ мира» пытается обосновать различие понятий «образ мира» и «картина мира», которые, к сожалению, часто употребляются как синонимы, хотя для этого нет достаточных оснований. Статья В. М. Павлова, стоявшего у истоков отечественной психолингвистики, посвящена важной и еще не решенной окончательно проблеме соотношения лингвистики и психологии в психолингвистике. Т. Н. Ушакова в статье «Полисемия как отражение семантических процессов вербальной сферы человека» изложила итоги интересного экспериментального исследования. Ю. А. Сорокин сделал ретроспективный обзор методик анализа текста.

Второй раздел журнала «Образ России: проблемы исследования» имеет особое значение. Для понимания целей этого раздела необходимо знакомство с некоторыми обстоятельствами жизни современной России.

Современный тип научно-технического развития, ориентированный только на западную систему ценностей, вступает в противоречие с жизнью планеты как глобальной экосистемы, в которой человек есть только ее часть.

По мнению исследователей, новый тип рациональности, формирующийся в науке и технике, требует нового соотношения добываемой истины и нравственности, такого соотношения, которое давно сложилось в восточных культурах. Проблема соотношения истинности и нравственности особенно остро стоит в России и формулируется

как «проблема ценностного обеспечения российских реформ» [Степин, Толстых 2007: 24]. Эта проблема обусловлена деформацией или разрушением ценностных ориентиров, вызванных потерей государственного контроля над экономической и нравственной жизнью общества в 90-е годы 20 века.

Можно согласиться с тезисом, что кризис национального духа и самосознания в России, вызванный неудачами коммунистического (1917-1991 гг.) и неолиберального (1991-2000 гг.) экспериментов, привел к разрушению ценностных ориентиров, а в итоге - к утрате смысла не только индивидуальной жизнедеятельности, но и смысла исторического движения целой страны под названием Россия. Не вызывает сомнения достаточно распространенная мысль, что современное положение России не имеет аналогов в ее истории: старая система ценностей официально отвергнута (но живет в сознании старших поколений), а новая система ценностей еще не сложилась как институционально, так и в профанном сознании молодого поколения.

Перед наукой, изучающей языковое сознание, в форме которого существуют ценностные ориентиры жизнедеятельности членов общества, стоит задача изучения ценностей современного российского социума и выработка рекомендаций для их формирования.

Представляемый номер журнала содержит раздел - первый в серии публикаций об образе России, преимущественно о ценностях современного российского общества.

Раздел «Экспериментально-теоретические исследования» открывается интересной статьей Ли Тоан Тханга - выпускника Московской психолингвистической

школы – с соавтором. М. А. Павлюк в статье «Грамматическая категория рода в этнопсихолингвистическом аспекте» пытается решить одну из труднейших задач в психолингвистике. В статье К. И. Долотина излагается новый метод количественной оценки эмоционального напряжения говорящего.

Статья Боронина А. А. «Проекция фикциональной коммуникативной ситуации» содержит интересные экспериментальные данные.

Раздел «Дискуссии» содержит проблемную статью на всегда актуальную тему «Как нам читать».

В разделе «Наш архив» помещена статья Е. Поливанова с авторской правкой.

В разделе «Рецензии» опубликована рецензия Ю. А. Сорокина на последнюю книгу Сигала К. Я. и Юрьевой Н. М. «Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях».

Тарасов Е. Ф.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Е. Ф. Тарасов

Образ мира

Понятия «картина мира» и «образ мира» часто употребляются как синонимы, хотя для этого нет серьезных оснований. Картина мира — это научное представление о бытии. Образ мира — это совокупность знаний личности, служащих инструментом восприятия.

Ключевые слова: картина мира, онтология, образ мира, конструкт, поверхностный уровень восприятия, ядерный уровень восприятия

В практике анализа знаний, функционирующих в обществе, интенсивно используются понятия «образ мира» (ОМ) и «картина мира» (КМ). Эти понятия часто используются как синонимы или, по крайней мере, как близкие по содержанию. Для такого сближения нет достаточных оснований. Цель данной статьи — показать общность и различие в их содержании.¹

Само понятие ОМ является в определенной мере аналогом понятия КМ. Последнее было введено в философии, а затем закреплено в методологии науки и в отдельных теоретических дисциплинах. Понятия ОМ и КМ часто невзыскательно употребляются как синонимы, хотя они не совпадают по своему содержанию и принадлежат к разным понятийным парадигмам: КМ — это общеметодологическое понятие, которое получает теоретическое толкование, например, в физике, или в лингвистике, ОМ — это частично частнометодологическое психологическое понятие, на теоретическом уровне используемое прежде всего в психологии восприятия и в психолингвистике для объяснения восприятия речи.

Современная жизнь понятия «картина мира» начинается, вероятно, с Гонория Отенского (Honorius Augustodunensis), фи-

лософа и теолога, жившего в 1-й половине 12 века. В философском трактате «Картина мира» («Imago mundi») он изложил сумму знаний по различным наукам, сформированную к тому времени. [Grabmann 1956].

Проблема КМ уже в Новое время начинает разрабатываться в философии в форме проблемы **онтологии** как части философских систем, где конструируются представления о бытии как о мире, не зависимом от познающего субъекта.

Декарт впервые попытался показать, что онтология как совокупность представлений о КМ обусловлена наличным уровнем знаний, продемонстрировав исторический характер (изменяющийся во времени) любой научной «картины мира».

Гегель усилил эту точку зрения, представив логику как учение о бытии, как «гносеологическую онтологию». По Гегелю, развивающееся мышление — «познающий себя дух» — это познавательная деятельность, разворачивающаяся во времени по законам бытия. Следовательно, исследование развивающегося мышления равносильно исследованию как форм бытия, так и форм познания.

Для наших дальнейших рассуждений важно определить соотношение онтологии и гносеологии, так как понятие КМ исследуется в рамках онтологического учения. Если

Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант № 06-04-00550а и № 08-04-9504а/чел

исходить из представления, что онтология — это данное нам в познании бытие человека, т. е. познанный нами мир, то тогда, по мнению Н. Матрошиловой, «онтология обнаруживает свою действительную функцию в развитии научного познания: функцию специально построенного средства, при помощи которого исследователь «видит» мир как некоторую расчлененную цельность, данную ему в определенной системе философских категорий» [Матрошилова 1960-70: т. 4: 143].

Современные представления о КМ, а также об «образе мира», сформированные А. Н. Леонтьевым, связаны с идеей исторической изменчивости, с идеей об обусловленности этих понятий наличными знаниями. Эта идея получила развитие при заимствовании понятия КМ в другие науки, например, в лингвистику, где сформированы такие дериваты этого понятия, как «национальная картина мира», «языковая картина мира».

«Национальная (этническая) КМ» предполагает, что она содержит знания о мире, сконструированные носителями определенной национальной (этнической) культуры, осуществляющими некоторый набор деятельности для обеспечения бытования в своем природном ландшафте.

«Языковая картина мира» — это представление о мире, знания о котором во внешней форме зафиксированы при помощи языковых и неязыковых знаков. Знаковая фиксация представлений о КМ является обязательным условием существования КМ в обществе. Европейская живопись, особенно живопись эпохи Возрождения, является примером фиксации при помощи визуальных (иколических) знаков современных, либо античных представлений о мире.

Например, известная картина Никола Пуссена «Танец человеческой жизни» состоит из визуальных знаков, значения которых образуют содержание представления о человеческой жизни: на переднем плане статуя двуликого Януса воплощает разделение жизни во времени на две главные части: прошлое (молодость) и будущее (старость); у подножья статуи младенец пускает мыльные пузыри — символ бренности земного существования; юноша и три девушки танцуют, образуя круг, интерпретируются

как времена года, сам танец выражает концепцию кругового космического времени, размеченного непрерывной сменой времен года; справа старик играет на цитре, звуки которой определяют ритм существования; у ног старика сидит младенец, держащий песочные часы — классический атрибут Времени, указывающий на необратимость его бега [Батистини 2007: 78-79].

Знаковая фиксация знаний, содержащихся в КМ, ее характер — языковая, визуальная и их сочетание — является важной стороной того средства познания, каким является понятие «картина мира», так как эта фиксация — наиболее удобное средство доступа к содержанию «картины мира».

Может быть поставлен вопрос об эвристических возможностях понятий КМ и ОМ. Этот вопрос целесообразно ставить при использовании этих понятий в конкретной научной дисциплине, где возможно их применение как альтернативных понятий.

Очевидно, что оба понятия могут найти применение как методологические понятия в их онтологическом качестве для очерчивания границ наших знаний в рамках решения какой-либо конкретной проблемы.

Понятие КМ в качестве категории предельной абстракции только обозначает границы наших знаний при этом предполагается, что дальнейшая его экспликация достигается собственными средствами конкретной дисциплины. В лингвистике, например, понятие КМ в форме языковой картины подталкивает исследователя к выводу об этнокультурной специфике исследуемого фрагмента в языковых КМ у носителей двух этнических культур, а далее должен следовать в зависимости от задач, компонентный, т. е. сугубо лингвистический, анализ сопоставляемых языковых единиц из фрагментов двух этнических языковых КМ.

Понятие ОМ кроме использования в своей онтологической функции допускает использование других психологических понятий, адекватных для анализа знаний и находящихся в системных связях с понятием ОМ.

Особо следует подчеркнуть, что использование понятия КМ не налагает никаких ограничений на процесс отображения содержания этого понятия, использование этого

понятия имеет для исследователя только смысл указания на наличие знаний в КМ, не связанных ни с какой конкретной формой этих знаний. Каждая научная дисциплина, использующая методологическое понятие КМ, на теоретическом уровне раскрывает его содержание своими собственными средствами: заведомо очевидно, что содержание физической КМ описывается иной понятийной системой, чем содержание, например, этической КМ.

При использовании понятий КМ и ОМ неизбежно встает вопрос об их познавательном статусе: какие выгоды дают исследователю эти понятия. Попытки ответить на этот вопрос неизбежно приводят к необходимости рефлексировать над функцией сознания в научном исследовании.

Вероятно, наиболее адекватное представление о роли сознания в познавательной деятельности сформировано культурно-исторической школой Л.С. Выготского, где формирование и функционирование сознания связывается с трудом в его культурно обусловленной форме. Труд как продуктивная деятельность нацелена на достижение результата, который в качестве образа результата в сознании субъекта деятельности должен быть сформирован еще на этапе планирования деятельности, чтобы у субъекта имелась возможность сопоставлять достигнутое с запланированным результатом. Становление сознания происходит в процессе формирования субъективных представлений о предмете труда, т.е. об объекте воздействия, о продукте труда, т.е. о преобразованном в ходе деятельности предмете труда, об орудиях труда, о действиях, направленных на объект воздействия, о сотрудничающих с субъектом других людях. Формирование сознания происходит в результате интерпретации перцептивных данных, получаемых от органов чувств, при помощи знаний, сконструированных субъектом деятельности и познания в ходе овладения своей **национальной (этнической) культурой**.

Следовательно, в культурно-исторической школе Л.С. Выготского и теории общепсихологической деятельности А.Н. Леонтьева обозначены детерминанты процесса форми-

рования сознания как психического отражения мира: оно обусловлено деятельностью в ее конкретно-исторической определенности.

КМ схватывает аспект культурно-исторической обусловленности знаний исследователя, оперирующего, естественно, своими наличными знаниями, сформированными научным сообществом в рамках определенной научной парадигмы и усвоенными исследователем.

Для психолингвиста, изучающего «языковую КМ», необходимо получить ответ на вопрос о путях объяснения национально-культурной специфики этой картины мира, так как эмпирические наблюдения показывают, что наличие такой специфики не вызывает сомнения.

Деятельностная детерминация КМ очевидна, а культурную определенность деятельности детерминации также трудно подвергнуть сомнению, отсюда следует, что национально-культурную специфику «языковой картины мира» нужно искать именно в специфике набора деятельностей, практикуемых конкретным этносом, проживающим в определенном ландшафте. Специфика одной и той же деятельности, практикуемой разными этносами, обитающими в нетождественных ландшафтах, обусловлена несовпадением способов осуществления этой деятельности.

Следует предостеречь от неверного представления, формируемого у исследователей, некритически воспринимающих идеи гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа о том, что наше поведение обусловлено языком. Наше поведение во всех его проявлениях обусловлено не языком, а нашим сознанием, т.е. нашими знаниями о мире, иначе говоря, КМ, а язык — это только одно из средств внешней фиксации этого знания, удобное средство организации процесса формирования новых знаний и, следовательно, средство регуляции процесса выработки новых знаний у другого коммуниканта, который конструирует из имеющихся знаний содержание воспринимаемых им речевых сообщений. Другими словами, можно утверждать, что знания не передаются, не транслируются в пространстве

и времени, а каждый раз конструируются заново при восприятии речевого сообщения, так как речевое сообщение — это совокупность сигналов, т. е. совокупность только тел знаков, которая служит лишь средством регуляции деятельности сознания реципиента по конструированию содержания воспринимаемого речевого сообщения.

Вывод, который следует для обсуждаемой проблематики «языковой КМ», может быть таким: знания о мире, входящие в КМ, «живут» только в сознании людей. Общность знаний у членов конкретного этноса, позволяющая им понимать друг друга в ходе знакового общения и сотрудничать друг с другом, обусловлена общностью присвоенной культуры, эти знания во внешней форме **зафиксированы** при помощи знаков и, в частности, при помощи языковых знаков.

Следующая часть нашей статьи посвящена целиком анализу понятия ОМ с целью показать, что оно есть сугубо психологическое понятие, сконструированное для анализа процесса восприятия. Мы акцентируем внимание читателя на том, что это понятие сконструировано не только для нужд анализа познавательной деятельности, но сконструировано средствами психологической науки, более того, оно построено в рамках одной психологической теории — общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева.

ОМ, по А. Н. Леонтьеву, — это знания, формируемые каждым человеком в процессе существования в мире. Эти знания не являются результатом специальной познавательной деятельности, они предшествуют любой познавательной деятельности (как специализированной целенаправленной активности). ОМ — это результат практической «вовлеченности» (термин В. В. Петухова) человека в процессе жизни. Знания, называемые ОМ, а также представлением мира как результат «сопричастности» человека его природной и социальной жизни, являются основой его любой познавательной деятельности.

Два человека с несовпадающим ОМ, участвующие в совместной познавательной деятельности, придут к несовпадающим результатам. Это несовпадение может остаться неотрефлексированным, если оно не является препятствием для организации

совместной деятельности. В данном случае возможность организовать совместную деятельность является критерием достижения взаимопонимания.

ОМ — это пятое психологическое измерение мира и, следовательно, это сознание личности. Детерминантами процесса формирования ОМ личности является воспринимаемый объект и субъект восприятия, помещенный в открытый для субъекта реальный мир, уже освоенный субъектом и служащий для него системой ориентиров. А. Н. Леонтьев и его ученики исходят из того, что в каждом конкретном акте восприятия его предпосылкой является ОМ, уже сформированный ранее и ставший амодальным. Один из наиболее активных исследователей проблемы ОМ С. Д. Смирнов писал в 1983 году: «Образ мира является тем постоянным и никогда не исчезающим фоном, который предваряет любое чувственное впечатление и на основе которого последнее только и может приобрести статус составляющей чувственного образа внешнего объекта» [1983: 61].

В акте восприятия каждый субъект имеет дело с перцептивными данными, которые образуют поверхностный уровень восприятия, тот чувственный материал, который позволяет строить гипотезы о его сущности (его содержании) на основе прежнего опыта, т. е. на основе имеющегося амодального ОМ, этот же чувственный материал позволяет корректировать гипотезы, заимствованные из ОМ. При этом субъект восприятия корректирует актуально формируемые гипотезы об ядерном уровне объекта восприятия на основе общественно выработанной системы сенсорных эталонов и нормативных действий, следовательно, он действует в соответствии со своим ОМ.

В качестве промежуточного вывода можно утверждать следующее: представление об ОМ, сформировано для объяснения процесса **восприятия**; основываясь на эмпирических и экспериментальных данных, исследователи различают, с одной стороны, **поверхностный уровень** восприятия, поставляющий **сенсорный материал**, позволяющий строить гипотезы о **сущности** воспринимаемого объекта, корректируемые уже освоен-

ной и общественно закреплённой **системой перцептивных эталонов и нормативных познавательных действий**, а, с другой стороны, **ядерный уровень** — **сущность** воспринимаемого объекта, представление о нём, состоящее из знаний, **выработанных общественной практикой**.

Самой существенной онтологической характеристикой ОМ, которая никогда не должна ускользать от внимания исследователя, является его сконструированность: ОМ — это социально сконструированная реальность. Эта характеристика ОМ обуславливает важные выводы для практики использования ОМ в лингвистических исследованиях.

Во-первых, амодальность ОМ и его онтологический статус как социально сконструированной реальности неизбежно предполагает наличие в нём сверхчувственных качеств: функциональных качеств (вскрываемых не при анализе субстанции воспринимаемого предмета, а при наблюдении за его использованием людьми) и знаковых (вскрываемых при анализе использования предмета в социальных отношениях людей).

Во-вторых, ОМ как социальный конструкт формируется из психологических смыслов и значений. Появление терминов «психологический смысл» и «психологическое значение» при описании содержания ОМ провоцирует исследователя на формирование суждения: сущность познаваемого объекта восприятия — это знания, выработанные в общественной практике и использованные для конструирования представления о нём, и которые являются его значением. Это суждение часто ведёт неявным образом к представлению, что между познанным объектом и сконструированным значением существуют знаковые отношения, при которых объект есть тело знака и, следовательно, отношения между объектом как источником сенсорного

материала и ядерным уровнем, содержащим сущностные свойства объекта, являются произвольными, что противоречит реальному положению дел, т.к. сконструированное значение содержит не произвольные, а закономерные для конкретного уровня развития общественной практики сущностные знания об объекте. Но эти знания могут иметь и действительно имеют статус значения, т.е. входят в структуру знака, если они **ассоциированы** с предметом, известным в конкретном социуме в функции тела знака.

Таким образом, знания о познанном объекте, сконструированные при помощи ОМ, имеют, во-первых, статус сущностных свойств объекта, а, во-вторых, статус значения, ассоциированного с телом знака, замещающего в общении сам объект.

Знаковые отношения, включающие в себя знания, сконструированные при познании объекта, возникают с большой вероятностью, т.к. эти знания, будучи сконструированными даже в индивидуальной познавательной деятельности, предназначены прежде всего для общественной практики (для осуществления совместных деятельностей).

Теперь хотелось бы сделать вывод, к которому подводим читателя: понятия КМ и ОМ — это разные понятия, которые непозволительно смешивать.

Список литературы

1. *Батистини М.* Символы и аллегории. - М., 2007.
2. *Смирнов С.Д.* Образ мира как предмет психологии познания. // Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду психологов СССР. Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. - М., 1983, ч. 1.
3. *Grabmann M.* Die Geschichte der scholastischen Methode. Bd. 2. В., 1956.

В. М. Павлов

К вопросу об отношениях лингвистики и психологии

В статье рассматривается вопрос о соотношении языка и речи, начиная с работ Ф. де Соссюра и заканчивая их определением в современной лингвистике и психолингвистике. Уточняются основные единицы языка и речи. Очерчивается круг объектов изучения лингвистики и психолингвистики.

Ключевые слова: язык и речь, Ф. де Соссюр, лингвистика языка и речи, слово и лексема, объект лингвистики, объект и предмет психолингвистики

Фердинанд де Соссюр, провозгласивший, что объектом лингвистики является «язык в себе и для себя», заложил основу современной подлинно научной лингвистики? Мы представили это мнение в виде вопроса. Положительный ответ на него получил в XX веке широчайшее распространение. Вместе с тем, вокруг этого вопроса и позиции самого Соссюра по отношению к нему накопилось много путаницы. Соссюр не прояснил однозначным образом в «Курсе общей лингвистики» свое понимание объекта лингвистики — языка. С одной стороны, элементарная «клеточка» языковой системы, а именно языковой знак, определяется как целиком — в плане соединения («ассоциации») акустического образа и «понятия» — психическое образование («язык отлагается в нашем мозгу»), а лингвистика как часть семиологии входит в состав психологических дисциплин [де Соссюр 1977: 52, 53, 57]; с другой стороны, «язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению», причем «язык» — «это речевая деятельность [langage] минус речь» [там же: 53, 109]. Ср. также определение речи как явления индивидуального в противоположность социальности языка; в результате психологию — наряду с антропологией, нормативной грамматикой, филологией «и т. д.» — «мы строго отграничиваем от лингвистики» [там же: 47]. Нельзя не усмотреть противоречия между привязкой языка к мозгу и «строгим отграничением» лингвистики от психологии. Соссюр стремится преодолеть это противоречие, подчеркивая социальность языка в отличие от индивиду-

ального характера «речевой способности» и, соответственно, всякой речи.

Теоретическое наследство Соссюра разрабатывалось, в основном, тремя научными школами — пражской, американской и копенгагенской. Только одна из них, пражская (в которой значительную роль играли русские эмигранты — последователи Бодуэна де Куртенэ), сумела возвыситься до понимания того, что столь привлекательные соссюровские дихотомии, включая, в частности, противопоставление языка и речи, представляют собой результат вычленения аспектов единого целого, которые не только подлежат дифференциации и изолированному рассмотрению («лингвистика языка» и «лингвистика речи»), но на следующем этапе изучения могут и должны стать предметом синтеза — в многоаспектное представление «природы» объекта под названием «язык», точнее — «язык-речь» (по-немецки — «Sprache» в дососсюровском нетерминологическом понимании этого слова). Относительно других структуралистических направлений мы ограничимся упоминанием того, что в них, напротив, доминировал в каждом случае один аспект языко-речевой действительности, наиболее показательным образом — в американском дескриптивизме, стремившемся «отвлечься» в описании языка от всякой «семантики».

Стоит ли вообще вспоминать сегодня этот этап развития лингвистических воззрений? В моей памяти хранятся эпизоды, относящиеся к концу 50-х — 60-х годов, когда при моих публичных выступлениях критике подвергались аргументы, в которых упоминалось «языковое сознание» или просто

«сознание». Велся бой с «психологизмом», за чистоту собственно лингвистического подхода к языковому материалу. А. А. Леонтьев, основатель отечественной психолингвистики, наделил статусом ее объекта «языковую способность» индивида и — естественно, его же — «речевую деятельность»; «язык» же (языковая система как «языковой стандарт») как явление социального порядка остается, по А. А. Леонтьеву, в ведении лингвистики как таковой [Леонтьев 1965: 53–60].¹ Это подразделение воспроизводит противопоставление (социального) «языка» и (индивидуальной) «речи» у Соссюра, оставляя без ответа вопрос о том, где и каким образом осуществляется то сопряжение социального и индивидуального, которое обеспечивает функциональную эффективность речевой деятельности, всегда диалогической. Очевидно, что это сопряжение имеет место, и единственное звено структуры процесса речевого взаимодействия, в котором этот синкрет социального и индивидуального может быть локализован — это индивидуальная человеческая голова с встроенным в нее прижизненно формирующимся языком как органом речи. Диалектическая мысль представляет себе на этом этапе «кодовых переходов» [Жинкин 1964] так называемое «раздвоение единого», и ничего неожиданного и невероятного в этом нет, и это не единственное «раздвоение единого», с которым лингвисту (и психолингвисту) приходится иметь дело, ср. из фундаментальных проблем проблему взаимосвязи

универсально-языкового и конкретно-языкового (идиоэтнического) в семантическом содержании речевых образований (глубинных и поверхностных структур) [Михайлов, Павлов 1991].

Казалось бы, о времени, когда исходные положения были упорядочены весьма прямолинейным соотношением «индивидуальная языковая способность» (со всей ее психологической подоплекой) — «социальная языковая система» («в себе и для себя»), можно было бы уже и забыть. Однако время от времени раздаются голоса сторонников такого разгораживания предметных областей лингвистики и психолингвистики, при котором они принципиально не пересекаются (или пересекаются лишь в самой незначительной мере). Соссюр воздерживался от того, чтобы причислять психику к явлениям «внелингвистического» порядка (ср. в «Курсе» главу «Внутренние и внешние элементы языка»). Авторы же одного из новейших «Введений в языкознание», напротив, идут в отстаивании самобытности объекта языкознания дальше Соссюра. Они относят психолингвистику к дисциплинам «внешней лингвистики», в которых «язык изучается в его связи с внешними, внеязыковыми факторами» [Глинских, Петрова 2005: 9]. Исходная посылка, на которую опирается это положение, нам уже знакома. Это окаменелое до неподвижности противопоставление индивидуального и социального: «Язык и речь соотносятся как социальное и индивидуальное, как общее и единичное, как устойчивое и подвижное ...» [там же: 18]. Не менее определенно высказывается по аналогичному поводу И. А. Стернин: «Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания» [Стернин 2003: 264].

Независимо от того, придерживаться или не придерживаться этой «традиционной» позиции, зададим себе вопрос, возможно ли вообще «отвлечение от психологии» при обращении к языку в каких-либо его проявлениях. В теоретических конструкци-

1. В порядке модификации разработанных Л. В. Щербой положений о «тройном аспекте языковых явлений» А. А. Леонтьев предложил триаду «языковая способность» — «языковой процесс» — «языковой стандарт» (последнее звено этой триады совпадает с «языковой системой» Л. В. Щербы и представляет «язык» как явление социальное). Существенно, что А. А. Леонтьев, определяя «психолингвистику» как «теорию речевой деятельности» [Леонтьев 1967: 111], вместе с тем вслед за Э. В. Ильенковым настаивал на широком понимании психологии как науки «об активном отношении общественного человека к миру во всех формах этого отношения — как непосредственно производительной, так и теоретической, и во всех формах детерминации этого отношения», что влекло за собой признание объекта лингвистики частью предметной области психологии [там же: 110].

ях можно, разумеется, ради концентрации на одних сторонах предмета исследования отвлекаться (на определенных этапах исследовательской работы) от любых других сторон того же объекта. Но сейчас речь идет об «объемном», «синтетическом» онтологическом образе объекта, от которого исследование отталкивается и к которому оно по его завершении приходит. Критическое значение имеет, с этой точки зрения, локализация — вслед за Соссюром — языкового знака, этой элементарной составляющей языковой системы, как психофизиологического образования в мозгу человека. Излишне напоминать, что это положение и опиралось на достижения дососсюровской нейрофизиологии, и в дальнейшем получило многочисленные экспериментальные и клинические подтверждения с этой стороны. Нет никаких оснований подвергать сомнению положение о том, что языковой знак представляет собой соединение «означающего» и «означаемого» как акустического образа и некоего познавательного образа той или иной «вещи», а такое соединение принципиально возможно только в виде целостных единств однопорядковых явлений — следовых состояний нервно-мозговой ткани, представляющих собой материальное представление — воплощение обеих сторон знака — означающего и означаемого. В связи со сказанным логика «языка» как некоей объективной данности, из которой устраняются всякие «лица необщие выраженья», неумолимо навязывает представление о том, что «язык» целиком и полностью содержится там, откуда его посредством обобщений «извлекает» тот, кто его описывает, а именно в речи [Смирницкий 1954]. При этом игнорируется тот, в общем, простой до самоочевидности факт, что как раз на том участке канала связи между коммуникантами, на котором «речь» доступна восприятию посредством органов слуха и /или зрения, означающее знаков, их акустическая и /или графическая сторона, выступает — в интересубъективной среде — самостоятельно, вне непосредственной связи с означаемым. Означающее на этом этапе перекодировок не «транспортирует» свое означаемое, а служит сигналом соответствующей связи в голове отправителя

речи как связи состоявшейся и возбудителем аналогичной связи в голове адресата речи как ее цели [Павлов 1968]. Так что человек, описывающий язык, не «извлекает» языковые единицы из речи других людей, ему приходится реконструировать двусторонний языковой знак в собственной голове на основе всех данных, которыми он для этого располагает.

Особенность — в смысле особенности — языкознания состоит не в мнимой внеположности языка как объекта этой науки по отношению к психологии и, в конечном счете, к нейрологии, а в том, что языкознание «берет» общий объект этих наук с его социально значимых аспектов, сторон, составляющих, которые проявляют свою существенность и сущность в процессах речевой деятельности (речемышления и коммуникации). Любая операция над речевым материалом, начиная с выделения в нем отдельных единиц, выполняется с учетом их значений (понимать ли под «значением» образ означаемого явления или связь означающего с означаемым). Слово «связь» вообще широко эксплуатируется в лингвистических текстах. Например, слова объединяются друг с другом (в парадигматическом плане) в группы синонимов, антонимов, в гипо-гиперонимические и /или тематические сообщества и т.п. на основе соответствующих «связей», и эти связи выявляются в (направленном или ненаправленном) психологическом ассоциативном эксперименте, ибо они и представляют собой ассоциации — психические феномены, за которыми стоят пока еще во многом загадочные, но несомненно «отприродно» нейрофизиологические механизмы. Укажем еще на одну сферу операций, осуществляемых универсально, в ходе всякой речевой деятельности. Это соблюдение нормативных предписаний, обеспечивающих «правильность» речи. Несущественно, сформулированы ли эти предписания и внедряются ли они посредством школьного обучения, или же они просто традиционно наследуются и закрепляются в социальном масштабе в ходе массовой языковой коммуникации, даже дописьюменной и внеписьменной, но они (как правило, под-сознательно) присутствуют в коллективном

языковом сознании и играют в речевом процессе роль контрольной инстанции — дополняясь обратной связью и при необходимости коррекцией речи. Различение правильного и неправильного в речи требует применения эталонных образцов, включаемых в речь языковых элементов, и эти эталоны могут пребывать только в мозгу говорящих людей, больше им просто негде быть.

Теперь я позволю себе остановиться на примерах работы над общепризнанно лингвистическими задачами, в ходе которой аргументы «от психических процессов» играют решающую роль. В чем состоит специфика имени собственного? Известно, что «всякое слово обобщает». Обобщение предполагает в качестве предпосылки наличие некоторого множества явлений, причем осуществляется отвлечение от индивидуальных особенностей отдельных представителей такого множества, и в его «коллективном портрете» объединяются только их общие признаки. Имя собственное, во всяком случае, на первый взгляд, такой трактовке не поддается: оно закреплено за единичным объектом, и именно в этом его специфика. Однако Л. В. Щерба связывает с именем собственным — помимо функции своеобразной «этикетки» единичного предмета — как минимум указание на «понятие, под которое подводится данный предмет», а далее также и «вторые, «нарицательные» значения собственных имен». Условие наличия такого «второго» значения собственного имени — его «общеизвестность». И Л. В. Щерба формулирует в порядке пробного образца общезыковое нарицательное значение имени *Ньютон*: «один из гениальнейших умов человечества, заложивший основы современного знания в области точных наук» [Щерба 1974: 278-279]. Обратим внимание прежде всего на «общеизвестность». Это слово в рассуждении Л. В. Щербы может остаться незамеченным, но в нем-то как раз суть дела. В значении имени собственного, как и в значении имени нарицательного, обобщаются не признаки объектов действительности как таковых, а признаки, содержащиеся в ментальных отражениях этих объектов, и в этом отношении различие между единичностью и множественно-

стью объектов в реальной действительности становится иррелевантным. Исследователь так и оценивал имя собственное, усматривая в нем общие с именем нарицательным черты. Его примеры — *Австралия*, *Людовик XIV*, *Хлестаков* — свидетельствуют о том, что он подходил к вопросу с позиции общенациональной и, более того, так сказать, общенационально-литературной «общеизвестности» имени собственного. Дополнить рассуждения Л. В. Щербы следует в том направлении, что принципиально содержательны аналогичным «нарицательным» образом и имена типа *Вася*, *Нина* или *Тобик*, *Мурка* и т. п., хотя множества обобщаемых образов соответствующих объектов и ограничиваются в пределе двумя их отображениями в сознании, например, членов одной семьи.¹ Не просто зафиксировать, но объяснить появление в языке производных слов типа *обломовщина* или *аракчеевский (режим)* невозможно без обращения к психическому аспекту языкового — двустороннего, артикуляторно-семантического, обобщения.

Приведу еще один пример, так сказать, лингво-психологической работы, направленной на решение традиционно лингвистической задачи. Словосложение числится за «словообразованием» как одной из лингвистических дисциплин, имеющих свой особый объект изучения и описания. «Слово» привычным образом сопрягается с представлением единицы «словарного состава». В науке присутствует цепочка устойчивых ассоциаций: «слово» — «словарный состав» — «язык» (не «речь»). Столь же устойчиво представление о том, что «слово» — в универсальном, общезыковом плане — выступает как элементарная синтаксическая единица: предложение (не говоря уже о словосочетании) строится (или состоит) из слов. Есть, однако, языки, которые некоторыми своими проявлениями плохо согласуются с очерченными

1. Существует еще одна плоскость рассмотрения проблемы обобщенного образа объективно единичного предмета, а именно плоскость обобщения множества образов, «снимаемых» с одного и того же объекта в разных точках времени и пространства. Этот аспект затронутой темы лишь дополняет общую картину соотношения общезыкового значения имени собственного и множественности ментальных отражений референта имени собственного.

ми представлениями о структуре языковой системы. В этом теоретическом контексте сначала возникает имеющий касательство к любому языку вопрос о словосочетании как лексической единице, столь же элементарной по отношению к предложению, сколь и отдельное слово; о некоторых словосочетаниях постоянно и с полным на то основанием говорят как о «готовых». Уже на этом этапе вырисовывается необходимость различить «слово» как особый тип морфологических образований и «лексему» (лаконический вариант термина «лексическая единица») как понятие, охватывающее разные типы единиц, элементарных в их отношении к синтаксису. Но есть и языки, в которых не всякое морфологическое слово элементарно в этом отношении. Сложное слово вообще обладает определенным сходством с синтаксической конструкцией, поскольку оно состоит (минимум) из двух частей, так или иначе сводимых к самостоятельным лексическим единицам (плюс определенное отношение между ними). Это сближение достигает максимума выраженности, когда словосложение не ограничивается производством единиц, само возникновение которых обусловлено социальной потребностью в новой (на этот раз сложносоставной) лексической единице, а отвечает только некоторой индивидуально-ситуативной потребности выражения (что и становится узаконенной нормой употребления конструкции сложного слова). Таков немецкий язык. В книге «Das Wunder der Sprache» В. Порциг упоминает тезис Гераклита о «Vorgangsscharakter der Gegenstände». Грамматический синоним этого композита принимает форму предложения *die Gegenstände sind Vorgänge*. С одной стороны, сложное слово оказывается функционально эквивалентным на этот раз даже не словосочетанию, а предложению (предложению тождества). С другой стороны, конкретная конструкция с опорным членом — *charakter* (и зависимым генитивом) не имеет как-либо определенных границ лексико-семантической «емкости», соответствующий элемент языковой системы улавливается в виде формулы *x-charakter des y* при отсутствии лексико-семантических ограничений переменных *x* и *y*. «Полусинтаксический» характер немец-

кого словосложения повлек за собой такое усиление момента члененности композита на составляющие, что (начиная примерно с XVI века) стало возможным и соединение при посредстве композитного «шва» слова со словосочетанием; и местоименные «подхваты» первого или второго члена композита в изоляции от его противочлена. Ср., например, *Brot- und Eifrühstück* (Th. Mann. Buddenbrooks); несводимо к **Brotfrühstück und Eifrühstück*; *zerrissene Matratzenhaufen* (H. Fallada. Wolf unter Wölfen); *zwei Kugeleinschläge, von denen eine...* (A. Seghers. Transit). Само различение композитов «словарных» и «речевых» — отграничение воспроизводимых языковых единиц от продуцируемых по ходу формирования высказывания — базируется на обращении к характеристикам процесса порождения высказывания, к речевой деятельности и вне такого обращения невозможно. Лингвист не превращается при этом как бы «на время» в психолингвиста, он является психолингвистом с самого начала. Позволю себе в завершение цитировать самого себя: «лингвистика не может не быть психолингвистикой (то, что она далеко не всегда выступает в этом качестве в своей рефлексии на себя, ничего не меняет)» [Павлов 1985: 11].

Список литературы

1. Глинских Г. В., Петрова О. В. Введение в языкознание. - Нижний Новгород, 2005.
2. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6.
3. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. - М., 1965.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистика. - Л., 1967.
5. Михайлов В. А., Павлов В. М. Когнитивные структуры и порождение речи // Языковые единицы в речевой коммуникации. Межвузовский сборник. Изд-во Ленинградского университета. Л., 1991.
6. Павлов В. М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики). - М., 1968.
7. Павлов В. М. Понятие лексем и проблема отношений синтаксиса и словообразования. - Л., 1985.

8. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. - М., 1954.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с франц./под ред. А.А. Холодовича. - М., 1977.
10. Стернин И.А. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. - М., 2003.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.

Т. Н. Ушакова

Полисемия как отражение семантических процессов вербальной сферы человека

В статье речь идет о функционировании в сознании многозначных слов. Описана методика анализа полисемических групп (полей), направленная на выявление характера связанных с ними семантических процессов. В процессе анализа в каждом полисемическом поле выявляется его ядерное содержание и оцениваются его модификации в элементах поля.

Ключевые слова: полисемия, полисемические поля, модель динамического функционирования семантических процессов, ядерное семантическое содержание, перенос смысла, вербальная сеть

Люди говорят и воспринимают речь окружающих для того, чтобы передать и воспринять содержание психики друг друга. Для обозначения этой особенности человеческой речи удобно применять термин семантика. Термин этот многозначен¹. Мы будем использовать его в психологическом аспекте, понимая под ним субъективные состояния индивида, связанные с его восприятиями объектов внешнего мира, представлениями об его устройстве и рядом других явлений когнитивно-мыслительного и когнитивно-эмоционального плана. Мы полагаем, что этот термин в разных контекстах близок таким понятиям, как мысль, идея, понимание, осмысленность.

Исследование поддержано грантом РГНФ № 08-06-00588а, за что автор приносит свою благодарность.

1. В Психологическом словаре под ред. В.В. Давыдова и др. [1983] предлагается различать три основных вида семантики: лингвистическую, логическую и психологическую. В обзоре Э. Сааринен утверждает, что в современных исследованиях можно выделить по меньшей мере девять подходов к пониманию семантики [Сааринен, 1986: 121].

При нормальных условиях речь взрослого человека насыщена семантикой на всех ее уровнях: звучания, используемой лексики, грамматики, прагматики. Встает вопрос, каким образом вербальный механизм осуществляет хранение, передачу и восприятие семантики? Сложность вопроса состоит в том, что субъективные переживания по своей природе отличны от материальных процессов, на основе которых строится произносимая и воспринимаемая речь. Прямое воздействие мысли субъекта на организацию его речевого процесса невозможно. Это воздействие должно быть опосредовано специализированными психофизиологическими механизмами. Выражения «поиск слов в лексиконе для построения речи» или «реализация замысла в речи» и т.п. являются метафорами, нуждающимися в научном объяснении.

Многие исследователи обозначенной проблемы искали путей характеристики семантики через формирование речи/языка ребенка (Гвоздев, Кольцова, Рыбников, мн. др.). Оказалось, однако, что из онтогенетического процесса довольно трудно извлечь более или менее точные и надежные суждения о речевой семантике. Другой путь ее

исследования — нахождение таких сторон в развитом языке человека, которые свидетельствуют о тех или иных семантических проявлениях. Сопоставление достаточно точно описываемых языковых (лингвистических) данных с психологическими проявлениями стало дорогой, по которой пошли исследователи в поисках объективных показателей внутренних психологических явлений. Из этого направления наиболее близки нашей теме работы Евы Кларк [Clark 1973; 1979], исследовавшей особенности обобщений в детском возрасте, и Дж. Лакоффа [Lakoff 1986], изучавшего особенности категоризации по данным японского языка. К ним непосредственно примыкают публикации по теме гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В наши дни интерес к проблеме подогрев увлекательным выступлением Леры Бородитской в Москве на 3-й Международной когнитивной конференции. Названные авторы исследовали соответствие между психологическими явлениями и языковыми данными. Позднее при рассмотрении результатов работы мы вернемся к более подробной характеристике названных публикаций.

В нашем исследовании разработан новый подход, при котором объектом анализа становится лингвистическое явление, прошедшее путь исторического развития и занявшее заметное, фиксированное в словарях, место в рамках действующего языка. Таким объектом, с нашей точки зрения, может стать *полисемия*¹ и возникающие в связи с ней *полисемические поля*. По словам А. А. Реформатского, полисемия (многозначность слов, их равноименность) — очевидный факт любого языка [Реформатский 1967: 74]. Он пишет: «Слова как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на ее часть. Поэтому вопрос о полисемии — это прежде всего вопрос номинации, т. е. перемены вещей при тождестве слова» [там же: 75–76]. Тема многозначности слова

освещается во многих лингвистических учебниках и монографиях. В учебном пособии для вузов ей посвящен раздел [Розенталь, Голуб, Теленкова 1995: 29–35]. «Большинство русских слов, — пишут авторы, — имеют не одно, а несколько значений. Они называются многозначными или полисемантическими... Способность лексических единиц иметь несколько значений называется многозначностью или полисемией» [там же: 30].

В настоящем исследовании под полисемией понимается слово, относящееся к различным объектам и формирующее полисемическое поле. Каждый элемент поля имеет собственные семантические отличия и оттенки, но обнаруживается своего рода *общая идея, ядерное семантическое содержание*, в той или иной мере присущее каждому элементу внутри полисемического поля. Например, английское слово *barrel* обозначает бочку, цилиндр, ствол орудия, дуло и др. Общая идея обозначения выступает как ориентация на признак цилиндрической формы называемых объектов.

Специфика полисемии состоит в том, что слово, обозначающее один объект, при известных условиях употребляется говорящим человеком, взрослым или ребенком, применительно к другим, порой многим, объектам (так называемый «перенос смысла (значения)»). Природа этого явления интересна в том отношении, что в нем наблюдается динамичность вербальных процессов, протекающих в естественных условиях пользования языком. Однако лингвистическое словоупотребление «перенос значения» не дает ему объяснения. Кто и почему производит этот «перенос», какая «способность слова» позволяет ему употребляться в переносных значениях?

В нашем исследовании разработана и использована методика анализа полисемических групп (полей), направленная на выявление характера связанных с ними семантических процессов. В процессе анализа в каждом полисемическом поле выявляется его ядерное содержание и оцениваются его модификации в элементах поля. Поскольку в полисемическом поле используется *одно и то же физическое слово*, но меняется конкретная семантика каждого элемента поля,

1. Выражаю свою благодарность проф. Г. Т. Хухуни за ценные советы при разработке лингвистических вопросов на раннем этапе исследования. [Виноградов 1972; Реформатский 1967; Розенталь с соавт. 1995]

то структуру полисемического поля можно понимать как *модель динамического функционирования семантических процессов*, произошедших в истории становления языка и зафиксированных в словарях в статической форме. Методика позволяет, как мы полагаем, с психологической точки зрения приблизиться к пониманию интересующего нас явления и выявить его связи с общими принципами оперирования семантикой в когнитивной сфере человека. В настоящее время в нашей полисемической модели отсутствуют данные о реальном процессе развития полисемического поля, поскольку не рассматриваются соответствующие материалы исторического языкознания, этимологические исследования. При их введении модель, безусловно, будет обладать большей убедительностью. Однако использование модели в ее статической форме также дает определенные данные о принципах и условиях, на основании которых возможно *движение мысли (семантики)* в когнитивно-вербальных структурах владеющего языком человека. Исследование этого вопроса составило цель нашего поиска.

Процедура анализа материала и его первоначальная обработка

Поначалу мы предполагали провести исследование полисемии по материалам нескольких европейских языков. Обнаружилось, однако, что интересующее нас явление по-разному выражено в языках, а предполагаемое их сравнение по этому параметру оказывается делом длительным и непосильным для первого этапа работы. Поэтому мы обратились к материалу английского языка, имеющего наиболее богатую из известных нам языков систему полисемии и представляющего к тому же в каждом полисемическом поле полную идентичность формы слов при различиях их значений.

В исследовании использовался англо-русский словарь Мюллера 1955 г. (60 тыс. слов), в некоторых случаях — компьютерная система АБВУД Lingvo 11. В анализ включались полисемические группы, преимущественно существительные, где одно слово (полисема) применялось по отношению более чем к 5-ти различающимся объектам,

т.е. полисемическое поле имело не менее 6 производных элементов. Это условие введено для того, чтобы применить анализ к наиболее богатым и разнообразным языковым образованиям, а также ограничить объем анализируемого материала, который при более мягком критерии становится необозримо большим. Дополнительно к этому, количество производных слов каждой полисемии в определенной степени может служить показателем продуктивности заложенной в ней исходной идеи. По указанному англо-русскому словарю подряд от первой до последней буквы алфавита на основе формального признака (количества производных элементов) было отобрано и подвергнуто анализу 205 случаев полисем (существительных).

Лексическое содержание случаев из подобранного материала представлялось в виде схемы, как это показано на Рис. 1. В левой стороне схемы помещались элементы полисемического поля, имеющие значение именовании конкретных объектов (так наз. «конкретный ряд»), в правой стороне — абстрактные понятия («абстрактный ряд»). Когда словарь отмечал наличие производных выражений от выделенных в обоих рядах элементов, они приводились на схеме путем указания пунктирными стрелками («производный ряд»).

Целью анализа на данном этапе было нахождение общего принципа, *ядерного семантического содержания*, на основе которого различные объекты мира объединяются в языке одним общим именованием (словом), а также правил распространения этого содержания на различные объекты. Поиск и выделение семантического ядра производился путем сопоставления друг с другом семантического содержания всех элементов внутри каждого рассматриваемого поля и подсчета количества наиболее часто встречающихся случаев.

Рассмотрим в виде примера случай, приведенный на Рис. 1. Элементы конкретного ряда: *точка, пункт, острие, наконечник, игла, резец, стрелка (часов), мыс, вершина горы* — обозначают предметы, имеющие заостренную часть. Здесь выражена идея формы с заостренным концом. Другого вида объекты

обозначаются словами *кружево, шнурок*: эти объекты не обязательно воспроизводят названную форму, но они связаны с действиями заостренного конца предмета (кружево плетется иглой или острым на конце крючком; шнурок вдевается острым концом в соответ-

концентрации предметных или психических сил, порой связанных с указывающим и выделяющим жестом. Рассмотренный пример показывает, что во всех элементах семантическое ядро выражено в разной степени, с разными смысловыми оттенками и ассо-

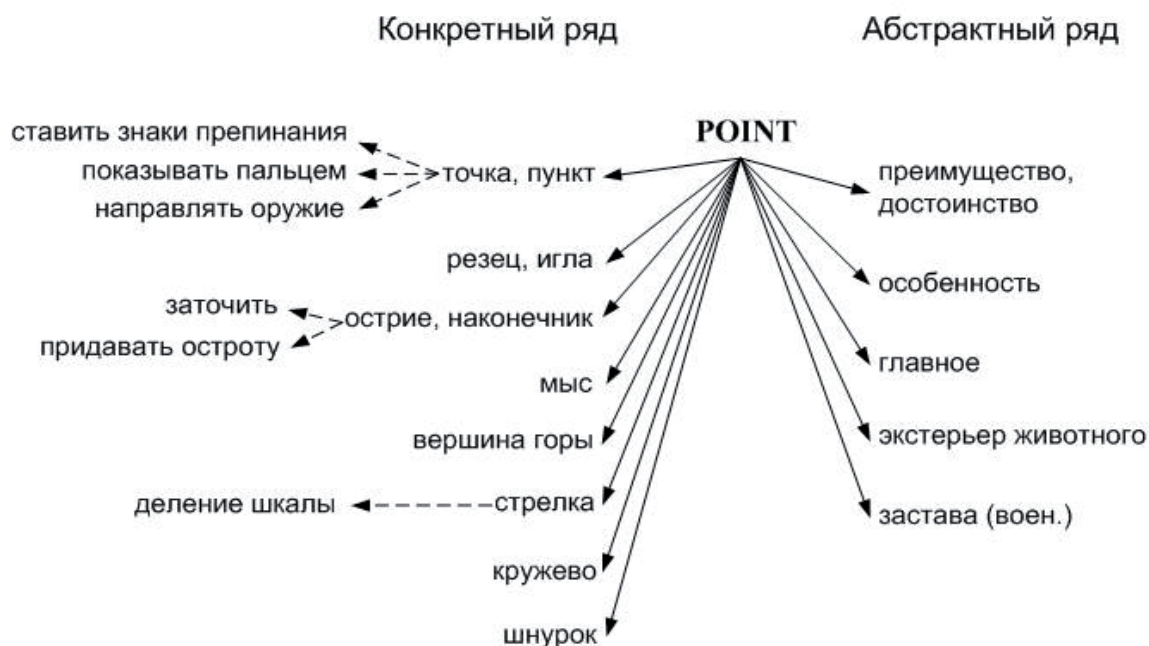

Рис. 1. Полисемическая структура семантического поля английского слова POINT

ствующее отверстие). Таким образом, здесь сохраняется идея обозначения предмета с заостренным концом. Глаголы производного ряда: *показывать пальцем, направлять оружие, ставить знаки препинания, заточить, придавать остроту (оживлять)* — выделяют жестовую составляющую семантики элементов конкретного ряда. Интересен характер слов абстрактного ряда: *преимущество, достоинство, особенность, главное, застава (воен.)*. Как слова, не обозначающие конкретных объектов, они не могут иметь какой-либо формы, но в своей семантике они содержат идею присутствия значимой точки, концентрации сил или возможностей, а также слабую ассоциативную связь с выделяющим направленным вверх жестом.

На основании такого рода психосемантического анализа мы приходим к заключению, что ядерное семантическое содержание данного полисемического поля представляет собой идею формы с заостренным концом,

в результате разных предварительных трансформаций.

По аналогии с приведенным примером проводился анализ остальных образцов полисемических полей на материале английского языка. В настоящей публикации приводится и обсуждается пока не весь объем полученного материала, а лишь его наиболее общая часть, относящаяся к характеристике ядерного содержания полисемических полей.

Результаты и их обсуждение

В общем списке полисем (205 случаев) по характеру их ядерного содержания выделяется несколько групп различной наполненности. Наиболее многочисленной является группа, где процесс семантического переноса осуществляется на основе сходства зрительно выраженных признаков называемых объектов, их формы. Например, предметы, имеющие большие объемные полости, такие, как мешок, сумка и вообще полость,

получают именование *Bag*; шарообразные предметы маленького размера — *Bead* и т. п. Ядерное содержание представленных полисем не всегда четко выражено, часто оно оказывается сложным, опирается на ком-

плекс признаков. В первом приближении, однако, представляется полезным провести несколько огрубленную классификацию полученных материалов.

Таблица 1. Полисемия на основе сходства зрительно выраженных признаков объектов, их формы

№ п/п	Полисема	1-е словарное значение	№ с. по словарю	Кол-во производных сущ-х	Квалификация
1	Bag	Мешок, сумка, полость	48	10	Пустая объемная полость
2	Bar	Полоса, брусок, штык, планка	51	11	Протяженность
3	Barrel	Бочка, цилиндр, ствол, дуло	52	7	Предмет с полостью
4	Bead	Шарик, бусина, капелька, пузырек	55	6	Предмет шарообразной формы маленького размера
5	Bell	Колокол, звон, раструб	59	7	Форма раструба + функция
6	Board	Доска, стол, полка, картон, сцена	69	10	Плоская поверхность
7	Body	Тело, туловище, труп, группа людей	70	11	Объект весомого объема
8	Branch	Ветвь, ветка, отрасль, ответвление	76	8	Форма ветвления
9	Chip	Щепка, обломок, осколок, щебень,	107	8	Форма осколка
10	Circle	Круг, кружок, сфера, орбита	110	9	Форма круга, сферы
11	Cock	Петух, флюгер, кран, курок	118	10	Форма крючка
12	Crest	Гребешок, хохолок, грива	148	6	Фигура на голове
13	Crib	Ясли, кормушка, дет.кровать, ларь	148	9	Форма ларя
14	Drop	Капля, глоток, драже	198	11	Маленькое количество жидкости
15	Field	Поле, луг, область	234	10	Плоская протяженность
16	Film	Пленка, легкий слой, дымка, облочка	236	6	Тонкий слой материала
17	Form	Форма, внешний вид, фигура	250	14	Обобщенное представление о форме
18	Gap	Брешь, щель, горный проход	260	7	Тесный промежуток между твердыми сторонами
19	Grain	Зерно, крупа, крупинка, гран	272	10	Маленький объем ч-л съедобного
20	Head	Голова, верхушка, передняя часть	286	23	Шарообразная форма, расположенная в верхней передней части фигуры
21	Hole	Дыра, яма	295	9	Углубление на поверхности
22	Horn	Рог, выступ	297	7	Форма рога
23	Knob	Шишка, головка	340	6	Выступающая часть поверхности
24	Lane	Узкая дорога, улица, проход, тропинка	344	6	Форма суженного пути
25	Line	Линия, черта, шнур, борозда, строка, контур	355	17	Длинный узкий объект
26	Link	Звено, кольцо	356	7	Форма кольца
27	Nut	Орех, голова	409	6	Круглая форма небольших размеров
28	Pan	Сосуд в форме чаши	430	7	Форма чаши
29	Parcel	Пакет, сверток	432	8	Форма свертка
30	Part	Часть, доля	434	11	Часть целого
31	Pattern	Образец, шаблон	438	7	Образец
32	Perch	Жердь, шест	443	7	Длинный тонкий предмет
33	Piece	Кусок, часть	449	11	Часть целого
34	Pike	Копье, рог, щука	449	7	Остроконечный предмет
35	Pile	Куча, груды	450	6	Бесформенное множество
36	Pin	Булавка, шпилька	450	9	Маленький острый предмет + ф-я
37	Pipe	Труба, трубка, пение	451	8	Форма трубы со способностью издавать звуки
38	Pit	Яма, углубление	452	11	Углубление
39	Plate	Пластинка, тарелка	454	10	Плоский круглый объект
40	Pocket	Карман, мешок, котел	457	8	Полость

№ п/п	Полисема	1-е словарное значение	№ с. по словарю	Кол-во производных сущ-х	Квалификация
41	Point	Точка, момент, главное	457	21	Концентрация материи, времени
42	Pot	Горшок, купол	463	7	Луковичная форма
43	Quill	Птичье перо	485	9	Форма пера
44	Rack	Кормушка	486	7	Форма ящика
45	Reed	Тростник, свирель	498	8	Форма стебля
46	Rod	Жезл, дудочка	514	7	Форма палки
47	Roll	Свиток, рулон, бочка	515	13	Цилиндрическая форма
48	Shaft	Древко, луч, ствол	541	12	Прямая палкообразная форма
49	Sheet	Простыня, поверхность	543	6	Плоское пространство
50	Shell	Скорлупа, оболочка	543	11	Внешний слой
51	Skin	Кожа, наруж. слой,	554	6	Наружный слой
52	Spot	Пятно, место,	568	7	Небольшого размера место на поверхности
53	Square	Квадрат, площадь, мера	569	7	Угловатая форма
54	Stake	Кол, столб	571	6	Форма толстой палки
55	Stem	Ствол, стебель, стержень	576	8	Форма прямой трубы
56	Stick	Палка, прут, ветка	577	7	Палкаа нестрогой формы
57	String	Веревка, струна, нитка	589	7	Изменчивой формы нить разного диаметра
58	Stub	Пень, обломок, окурок	584	7	Кусок, отломанный от целого
59	Table	Стол, доска	596	6	Плоское пространство
60	Tail	Хвост, коса, нога	596	9	Удлиненной формы часть тела ч-ка
61	Wheel	Колесо, мех-м, прядка	659	7	Колесный механизм
62	Whip	Кнут, крыло	660	7	Двучленная форма предмета

Представленные в Таблице 1 полисемии ориентированы на зрительно выраженные признаки называемых объектов, в них используются главным образом особенности форм, в той или иной степени присущие, по существу, различным предметам. Так, словом *board* называется стол, полка, доска, сцена и другие предметы, имеющие общий признак протяженной плоской формы. Словом *chip* обозначается щепка, обломок, осколок, щебень. Признаком, лежащим в основании этого названия, можно считать то, что все эти предметы представляют собой отделившиеся в результате удара части больших предметов, что отражено в их форме.

Сравнение частоты использования разных признаков обозначаемых предметов, по нашим материалам, обнаруживает, что название выделяет многие, порой причудливые признаки форм. Некоторые из них в разных вариантах используются много-

кратно. Так, признак длинной тонкой вытянутой формы предметов, по нашим данным, использован в 6-ти разных полисемах (*perch, pike, pin, stake, stick, string*). Близкий признак, который можно обозначить как *протяженность*, — в 7-ми полисемах (*bar, line, rack, reed, rod, shaft, stem*). Продуктивным оказался признак *полости, мешка, чаши*, на основе которого в наших материалах обнаружено 7 полисем (*bag, barrel, crib, ran, pocket, pot, rack*). Более общим, однако, оказывается случай однократного использования выделенного признака. Однократно использованы признаки следующих форм: *bell* (колокол, *раструб*), *horn* (рог, *выступ*), *knob* (шишка, голова), *tail* (хвост, коса, нога), *whip* (кнут, крыло) и ряд других.

Вторая по многочисленности группа полисем образована на основе наблюдения за движениями, жестами и действиями наблюдаемых объектов (Таблица 2).

Таблица 2. Полисемия на основе установления сходства объектов по динамическим признакам: действиям, движениям, жестам

№ п/п	Полисема	1-е словарное значение	№ с. по словарю	Кол-во производных сущ-х	Квалификация
1	Advance	Продвижение, успех, ссуда	19	6	Движение вперед
2	Beat	Удар, бой, такт	56	9	Резкое движение - жест
3	Change	Перемена, разнообразие	102	8	Действие – абстр.
4	Circuit	Кругооборот, округ, цикл	110	7	Круговое движение - жест
5	Commission	Доверенность, комиссия, патент	125	6	Действие – абстр.
6	Company	Общество, ансамбль, труппа	126	7	Действие – абстр.
7	Composition	Составление, композиция	123	6	Действие – абстр.
8	Contraction	Сжатие, сужение, усадка	136	8	Действие – абстр.
9	Conversion	Превращение, конверсия	138	8	Действие – абстр.
10	Copy	Копия, репродукция	140	6	Действие воспроизведения оригинала
11	Course	Курс, ход, направление,	144	10	Движение в определенном направлении
12	Crack	Треск, трещина, удар	146	7	Резкое движение - жест
13	Crop	Посев, добыча, урожай	149	7	Действие – абстр.
14	Delivery	Выдача, роды	167	8	Движение – жест
15	Dip	Погружение, уклон, падение	178	8	Движение - жест
16	Discharge	Разгрузка, выстрел, освобождение	180	11	Движение - жест
17	Drag	Землечерпалка, борона, торможение	194	8	Движение – жест
18	Drive	Катание, езда, гонка	197	8	Быстрое передвижение
19	Effect	Следствие, результат	205	8	Движение, его следствие
20	End	Конец, смерть, край	210	7	Движение – остановка
21	Entry	Вступление, вход, дверь	213	12	Движение вперед
22	Excavation	Выкапывание, выдалбливание	218	6	Действие - жест
23	Exposure	Выставление, разоблачение	222	7	Действие – жест
24	Extension	Вытягивание, протяжение	222	9	Действие (жест)
25	Flight	Полет, перелет птиц	243	10	Действие – абстр.
26	Game	Игра, забава, состязание	259	7	Действие – абстр.
27	Hook	Крюк, крутой изгиб, ловушка	296	8	Движение - жест
28	Pack	Плотное связывание	427	9	Действие - жест
29	Parade	Выставление напоказ	432	6	Действие – абстр.
30	Parting	Расставание	434	7	Действие – абстр.
31	Press	Давка, надавливание	467	12	Действие - жест
32	Print	Оттиск, штамп, печать	470	8	Действие - жест
33	Recess	Перерыв, выемка	494	6	Действие – абстр.
34	Record	Запись	496	8	Действие – абстр.
35	Reduction	Снижение, уменьшение	497	7	Действие – абстр.
36	Reference	Передача на рассмотрение, отсылка	498	8	Действие – абстр.
37	Runner	Бегун, дорожка	521	6	Действие – движение
38	Scoop	Совок, черпак	529	7	Действие – движение
39	Section	Рассечение, отрезок	534	9	Действие – движение
40	Sport	Спорт, игра, забава	567	7	Действие – абстр.
41	Stamp	Штамп, оттиск	572	7	Действие - жест
42	Stand	Постановка, стенд,	573	11	Действие – абстр.
43	Step	Шаг, след, ход	576	9	Действие – движение
44	Stroke	Удар, взмах, штрих	583	7	Действие – движение
45	Touch	Легкое воздействие	616	10	Действие – движение
46	Track	След, тропинка, путь	618	8	Действие – движение
47	Trade	Торговля, профессия	618	8	Действие – абстр.
48	Train	Поезд, цепь, ряд	618	9	Действие – абстр.
49	Turn	Поворот, оборот, перемена	627	15	Действие – абстр.
50	Twist	Кручение, веревка, изгиб	628	10	Действие – движение
51	Wash	Мытье, стирка, белье	654	13	Действие – движение
52	Way	Путь, движение	656	11	Действие – движение
53	Wind	Ветер, дыхание, замах	662	8	Действие – движение
54	Work	Работа, завод, укрепление	666	8	Действие – абстр.

Динамические признаки, по которым устанавливается сходство различных объектов, разнообразны. Порой они имеют характер наглядных жестов (*удар, сжатие, давка*), в других случаях — это абстрактные характеристики движений и действий (*объединение разнородных объектов, передача на рассмотрение, перемена, разнообразие*). С большей или меньшей уверенностью в этой полисемической группе можно выделить полисемы с конкретной жестовой составляющей или, напротив, очевидно абстрактного характера. Большинство же по-

лисем имеют скорее смешанный, сложный состав. В силу указанного обстоятельства та или иная группировка полисем динамического характера представляется неоправданной. Основания этого утверждения можно видеть по результатам рассмотрения материалов, представленных в Таблице 2.

Третья значительная по объему группа полисем построена на основе выделения функций объектов, которые в той или иной степени повторяются в разных случаях наблюдения.

Таблица 3. Полисемия на основе сходства функции объектов

№ п/п	Полисема	1-е словарное значение	№ с. по словарю	Кол-во производных сущ-х	Квалификация
1	Brace	Связь, скоба, подтяжки	75	7	Связывать, удерживать
2	Bed	Постель, кровать, клумба	56	8	Служить для лежания (помещения)
3	Bridge	Мост, перемычка, переносица	78	6	Служить для соединения
4	Cap	Шапка, кепка, колпачок	92	6	Быть надетым на голову
5	Capot	Плащ, шинель, капот	93	6	Быть надетым на плечи
6	Car	Вагон, повозка	93	6	Служить для перевозки
7	Carcas	Тело, каркас, остов	93	6	Служить удержанию вместе
8	Card	Карточка, билет, объявление	93	7	Служить для удостоверения
9	Carriage	Экипаж, шасси, лафет	95	11	Служить для перевозки
10	Carrier	Носильщик, транспортер, держатель	95	11	Транспортировать
11	Chair	Стул, кафедра, председательство	101	7	Служить функционированию
12	Check	Препятствие, контроль, ярлык	108	9	Контролировать
13	Class	Класс, группа, сорт	113	7	Служить сортировке
14	Coat	Пиджак, верхнее платье, облицовка	118	6	Надевать поверх
15	Collar	Воротник, хомут, втулка	121	8	Во что вставлять
16	Fixture	Арматура, прикрепление	240	6	Скреплять
17	Gate	Ворота, застава	261	6	Служить защитой
18	Gauge	Мера, масштаб.	262	6	Служить для измерения
19	Gear	Мех-м, приспособления	262	7	Служить для приспособления
20	Guard	Охрана, конвой	277	6	Охранять
21	Guid	Гид, учебник, путеводитель	278	7	Руководить
22	Gun	Пушка, ружье, стрелок	278	6	Стрелять
23	Mark	Метка	371	10	Отмечать
24	Mill	Мельница, молот	381	7	Перемалывать
25	Mount	То, на что помещают	391	6	Служить удобству
26	Plug	Затычка, пробка	456	11	Затыкать отверстие
27	Score	Метка, счет, множ-во	529	7	Служить учету
28	Screen	Ширма, перегородка	530	8	Отгораживать
29	Seat	Сиденье, посадка, гнездо	533	9	Служить для сиденья
30	Service	Служба, услуга	539	12	Служить другому человеку
31	Stock	Опора, род, запас	518	18	Поддерживать

Приведенные в Таблице 3 полисемы обнаруживают возможность их классификации по трем аспектам:

— Социального функционирования. *Служить для удостоверения; Служить для социального функционирования; Контролировать; Служить защитой; Служить для измерения; Охранять; Руко-*

водить; Отмечать; Служить учету; Служить другому человеку.

— При выполнении ручных операций: *Связывать, удерживать; Служить для соединения; Служить удержанию вместе; Скреплять; Служить для измерения; Служить для приспособления; Стрелять; Перемалывать; Затыкать отверстие; Поддерживать.*

— В обеспечении человеку комфорта: *Служить для лежания (помещения); Быть надетьм на голову; Быть надетьм на плечи; Служить для перевозки; Надевать поверх; Отгораживать: Служить для сиденья.*

Кроме трех основных групп полисем, встречается несколько других вариантов полисемических полей, значительно более бедного наполнения. В них выделяются в разной степени существенные стороны действительности. Так же, как в предыдущих случаях, мы представляем их в таблицах, нестрого обозначив их содержание в заголовках.

Табл. 4. Сущностные явления

Blood	Кровь, происхождение, убийство	67	6
Earth	Земля, суша, прах	202	7
Ground	Земля, местность	276	11
House	Дом, династия	314	8
Land	Земля	343	6
Light	Свет, огонь	353	6

Табл. 5. Абстрактные понятия

Bill	Законопроект, список, вексель	62	
Figure	Фигура, цифра	235	8
Style	Стиль, род, титул	585	8
Trick	Хитрость, шутка, фокус	622	7

Табл. 6. Психические явления и качества

Capacity	Способность, объем, вместимость,	92	7
Character	Отличительная черта, репутация, роль	103	9
Heart	Сердце, чувство	287	9
Honour	Честь, благородство	296	7
Indulgence	Снисхождение	314	6
Interest	Интерес	322	8
Load	Груз, время	357	6
Spirit	Дух. Смысл, спирт	566	9
Power	Способность, возможность, сила	464	7

Табл. 7. Части тела человека

Eye	Глаз, взгляд, петелька	224	7
Face	Лицо, выражение	224	15
Foot	Ступня, основание, опора	247	7
Hand	Рука, работник	282	13
Head	Голова, верхушка, передняя часть	286	23
Leg	Нога, подпорка	349	8
Mouth	Рот	391	6
Neck	Шея	398	9
Nose	Нос	406	6

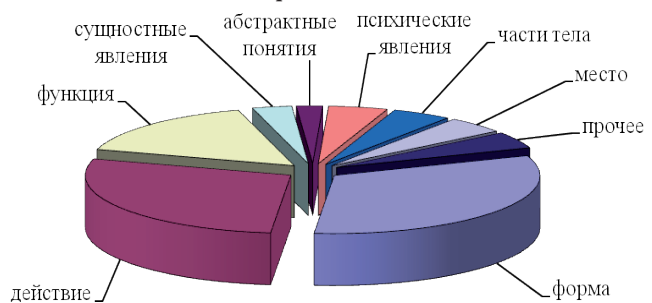
Табл. 8. Местоположение, место действия

Back	Спина, задняя сторона	46	8
Edge	Край, кромка	204	8
Floor	Пол, этаж, гумно	244	6
Front	Передняя сторона	255	6
Inside	Внутренняя сторона	316	9
Scene	Место действия	528	6
Sconce	Убежище	529	8
Place	Место, положение	453	7
Top	Верхушка, кровля	615	8

Табл. 9. Прочие признаки: материал, мера, цвет

Bone	Кость, костяныеты	71	7	Материал
Paper	Предметы из бумаги	431	9	Материал
Glass	Стекло, посуда, стакан	267	8	Материал
Stone	Камень, косточка	579	8	Материал
Degree	Ступень, положение	166	7	Мера
Quarter	Четверть	483	17	Мера
Rate	Норма, темп	490	6	Мера
Term	Предел, срок	603	11	Мера
Colour	Цвет, краска, знамя	122	9	Цвет

Рис. 2. Диаграмма распределения объема рассмотренных полисем по категориям.

На Рис. 2 полученные данные представлены в наглядной форме диаграммы.

Завершая описание данной части исследования, затронем важный вопрос, связанный с процедурой выделения семантического содержания. Эта процедура по необходимости опирается на субъективные представления анализирующего материал человека. Собственно, такой компонент необходим в том случае, когда речь идет о понимании, субъективном восприятии вербального материала, что, фактически, неизбежно сдвигает исследование в область психосемантики. Это обстоятельство делает результаты проведенного анализа скорее вероятностными, чем точными. В то же время, здесь открывается возможность характеристики важной стороны семантики в целом, которая субъективна по самому своему существу. Наш материал обнаруживает пригодность нашего подхода для того, чтобы оценить меру субъективности в восприятии семантического содержания слов у разных людей. Поэтому следующая часть нашей работы планируется с участием контингента независимых экспертов в форме психосемантического исследования, повторяющего основные использованные выше приемы анализа полисемических полей. Ее результаты, можно надеяться, будут представлены в нашей следующей публикации.

Обсуждение полученных результатов

Одна из основных задач проведенного исследования состояла в том, чтобы выявить принципы, по которым функционируют семантические процессы в вербальной сфере человека в операциях именовании. Рассматривая модель полисемического поля в динамическом плане, можно видеть, что семантика «переносится» с одного именованного элемента на другой по определенным принципам. *В основе этого «переноса» лежит когнитивный процесс, вовлекающий в свое протекание операции перцептивного и мыслительного характера.* Это обстоятельство указывает на то, что процесс исторического формирования языка и его усвоения ребенком проходит совместно с развитием восприятия и понимания окружающего мира.

Перцептивные процессы в наиболее общем случае опираются на включение зрительных признаков воздействующих впечатлений, прежде всего особенностей формы воспринимаемых объектов. Операции мыслительного плана, более сложные по характеру, основываются на выработанных в опыте человека представлениях о функционировании объектов, их принадлежности той или иной сфере жизни и даже общих идеях (сущность, психические явления, местоположение, принадлежность и др.).

Языковые операции требуют работы нервной системы. Современная наука осуществляет исследования, показывающие, что операции подобного типа протекают на основе специализированных нейронных механизмов. Пример экспериментального исследования, близкого нашей теме, мы находим в работе, выполненной на кафедре психофизиологии МГУ под руководством Е. Н. Соколова [Измайлов, Черноризов 2000]. В работе показано, что усвоение названий цветковых стимулов связано с перестройкой нейронных отношений в нервной системе человека, аналогичных тем, какие происходят при установлении различий при непосредственном восприятии цветковых стимулов. В исследовании, таким образом, обнаружено, что именованное и запоминание слов переплетается с обработкой непосредственных сигналов, дающих

возможность человеку ориентироваться во внешнем мире. В силу этой нейронной работы слова усваиваемого языка «укореняются» в мозге говорящего, становятся частью его общей нервно-психической деятельности, постоянно востребованной в повседневной жизни. По-видимому, соответствующий общий механизм заложен природой в нейронах мозга, автоматически обеспечивая формы семантической динамики у его носителей. Тогда причину появления в языке тех или других регулярных образований следует видеть в закономерном действии специализированных когнитивных и, соответственно, мозговых механизмов. Таким образом, углубленное исследование темы связи слова с когнитивными процессами разного уровня (восприятиями, памятью, мышлением) становится возможным в наши дни в связи с продвижением исследований в нейронауке.

Теперь обратим внимание на то, что «перенос значения (семантики)» представляет собой явление, лежащее в основе широкого поля когнитивно-языковых феноменов, а тем самым занимающее весьма существенное место в механизме языка. В круг явлений, основанных на «переносе значения», входят не только полисемические поля: «перенос» разной степени неожиданности или повседневности, отдаленности или близости объектов, производится говорящим человеком практически на каждом шагу. Выше отмечалось, что под разной терминологией им занимались многие исследователи. Среди первых, пожалуй, можно назвать свойство обобщения, составляющее одну из основных характеристик слова (вспомним, у В. И. Ленина: «Каждое слово уже обобщает»). Этой стороной слова углубленно занималась физиолог М. М. Кольцова, изучая его на детях в экспериментальном плане, и предложившая теоретическое объяснение его механизма как подкрепляемой генерализации [Кольцова 1967]. Лингвисты и психолингвисты интересуются явлением «переноса смысла» в связи с психологическими проблемами. Рассмотрим некоторые наиболее близкие нашей работе опубликованные данные.

В упомянутых выше статьях Е. Кларк и Дж. Лакоффа «перенос смысла», хотя

и не называется авторами этим термином, фактически является основой категоризации, классификации слов, явления «сверх-генерализации» — терминов, используемых в работах. Ева Кларк анализировала данные речевого онтогенеза и наблюдала, по каким признакам начинающий говорить ребенок называет одним и тем же словом различные объекты [Кларк 1984: 221-241]. На основе полученных фактов автор подчеркнула значение в этом процессе впечатлений от окружающего мира и выделила как особо значимые зрительные восприятия, а среди них — ориентацию детей на форму называемых предметов. Кроме них она считает значимыми также движение, размер, материал, звук и вкус. Можно видеть, что полученные факты находятся в хорошем согласовании с данными нашего анализа, хотя круг изученных Евой Кларк явлений, основанный на отдельных примерах, не столь широк и систематичен.

Задача работы Дж. Лакоффа [Лакофф 1988: 12-51] состояла в том, чтобы выявить, какие мыслительные операции лежат в основе категорий, образующихся в разных языках. В качестве материала для анализа использовались: описание языка аборигенов Австралии дьирбал (данные [Dixon 1982]) и данные полевого исследования Памелы Даунинг, наблюдавшей особенности современного японского языка [там же: 24]. По Диксону, классификация реалий окружающей действительности отражается в языке дьирбал посредством 4-х типов маркеров, употребляемых аборигенами перед каждым существительным и, соответственно, классифицирующих лексику. Автор выделил следующие принципы деления употребляемых слов на категории.

— *Принцип сферы опыта*: объекты, встречающиеся в одной сфере опыта, маркируются одной категорией.

— *Принцип мифа и поверья*: если объект обладает признаком, связанным с мифом или поверьем, он относится к категории мифа независимо от других своих признаков.

— *Принцип важной особенности* (например, вредоносность) объединяет в общую категорию все соответствующие объекты.

Опуская интересные подробности данных Диксона, отметим, что автор подчеркнул неосознанность употребления этих принципов носителями языка.

В японском языке Лакофф анализирует классификатор *hon*, обычно используемый для обозначения длинных тонких негибких предметов: палок, тросточек, карандашей, свечей, деревьев и т.п. Затем рассматриваются случаи разнообразных исключений и дополнений к основной идее, заложенной в этом классификаторе: он используется также для обозначения состязания в военном искусстве, ударов в бейсболе, матчей дзюдо, телефонных разговоров и мн. мн. др. [там же: 25]. Лакофф выделяет принципы, по которым происходит расширение исходной «ядерной» идеи. В результате многих интересных рассуждений и остроумных догадок автор делает ряд выводов. Он выделяет предметы, составляющие центр образуемой категории *hon*: это конкретные предметы базового уровня (названные выше). Дальнейшее распространение классификатора идет в направлении от центра к периферии и обозначает объекты, не входящие в центр категории. Тогда появляются удары мяча, телефонные разговоры и др. Для объяснения рассмотренных случаев Лакофф считает необходимым создание теории, объясняющей трансформацию схематических представлений носителей языка и действие концептуальной метонимии (когда обозначение предмета замещается обозначением цели, удачного удара в игре и т.п.).

Не имея возможности рассмотреть здесь все интересные и остроумные рассуждения автора публикации, остановимся на сопоставлении данных Лакоффа с материалами полисемического анализа. Представляется, что они в известной мере дополняют друг друга, позволяя обозначить сходство и различие работ, а также выделяя дополнительные стороны. Отметим, прежде всего, идентичность исходного исследовательского подхода, состоящего в использовании *статистических* языковых (словарных) данных для заключения о *динамике* психологических процессов, что открывает интересные пути для последующих суждений о характе-

ре семантических явлений¹. Заметим далее, что в приводимых Лакоффом материалах (полученных как Диксоном, так и П. Даунинг) описывается ряд явлений и выводятся принципы, не зафиксированные в нашей работе. Это расхождение отчасти лишь видимое: например, наш тезис о значении формы предметов, получающих одинаковое словесное обозначение, полностью проявился в материале анализа японского языка, но почему-то не привлек к себе более пристального внимания автора. Другие названные выше тезисы (принципы сферы опыта, важной особенности, различные формы метонимии и т.п.), по сути, также присутствуют в наших материалах, что показано при анализе случая, представленного на Рис. 1. Их более полное рассмотрение мы откладываем на будущее. В этой публикации наша задача состояла в том, чтобы, используя относительно большую (в сравнении с Лакоффом) базу данных, выявить самые крупные особенности процесса, при котором происходит психологическая операция «переноса значения».

Несовпадение нашей позиции с тезисами Лакоффа мы видим в том, что американский коллега предполагает решение проблемы в разработке теории схематических трансформаций образов и концептуальной метонимии. Мы же обращаем внимание на тот факт, отмеченный также Диксоном, что рассматриваемые операции протекают независимо от сознания говорящих и имеют, скорее, характер произвольного коллективного творчества. Это обстоятельство наводит на предположение, что важную роль в этих феноменах играют самоорганизующиеся нейронные процессы (по аналогии с тем, как это показано в цитированной выше работе Ч. А. Измайлова и А. М. Черноризова).

1. Установка на исследование психологических процессов через призму языкового материала, поддерживается различными специалистами. Так, видный британский философ в области языка М. Даммит пишет, что семантическая теория приемлема лишь тогда, когда устанавливает соответствие между наблюдаемыми языковыми характеристиками и психологическими способностями в употреблении языка [Даммит 1987: 127-213].

В заключение статьи выскажем несколько суждений о значении исследуемого нами явления, метафорически обозначаемого как «перенос смысла (значения)». Как показывают приведенные выше материалы, явление «переноса смысла» обеспечивает разного рода языковые проявления: классификацию, группировку вербальных элементов, установление множественных и многоплановых связей. Понятие «вербальной сети», широко используемое при характеристике сетевой организации вербальных элементов вербальной сферы, оказывается дополненным многими новыми составляющими элементами и принципами их образования.

Встает вопрос, чему служит такая сложная и многоплановая организация? Обычно считают, что сетевая организация играет положительную роль в обеспечении хранения, запоминания огромного объема вербального материала составляющего человеческие языки. Это представление может быть поддержано фактами, показывающими, что через посредство описанных процессов происходит «укоренение» в вербальной сфере воспринимаемых человеком внешних впечатлений. Слово оказывается не просто неким элементом, «приходящим в соприкосновение» с действительностью через ассоциативную связь. Здесь, скорее, можно говорить о «вживлении» внешних впечатлений, имеющих то или иное семантическое содержание, в когнитивно-вербальный механизм, о «вербальном снаряжении» вырабатываемых представлений и понятий. При этом динамические преобразования (сдвиги) семантики происходят не на пустом месте, а с опорой на удобные для нервной системы характерные приметы воспринимаемых впечатлений. Такими по полученным данным являются, в первую очередь, особенности формы предметов; особенности их движений и действий; функции. В этом, по-видимому, состоит одна из сторон обработки действительности словом, которая, похоже, в каждом языке может происходить по-своему.

Другая, не менее важная сторона функционирования полисемических полей, возможно, заключается в том, что они

предоставляют новые возможности для «поиска» нужного слова в ходе вербализации мысли. Словесно неоформленная мысль обычно начинается с интенционального состояния [Ушакова 2006], содержание которого близко тому, что мы называли выше семантическим ядром полисемического поля. Поиск нужного для выражения мысли слова происходит как сканирование вербальной сети в форме поиска соответствия выбираемого слова интенциональному семантическому ядру. Полисемический принцип объединения вербальных элементов создает новые возможности для скорости и продуктивности сканирования вербальных полей интенциональным импульсом.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. - М.: Языки русской культуры, 1999.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. - М., «Высшая школа», 1972
3. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. Изд. АПН РСФСР. - М., 1961.
4. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. - М.: РГГУ, 1999.
5. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. - Калинин, 1977.
6. *Залевская А.А.* Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование. - М., 1998, С. 35-54.
7. *Даммит М.* Что такое теория значения // Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем./Сост. и предисл. В.В. Петрова; Общ.Ред. Д. П. Горского и В. Петрова. — М.: Прогресс, 1987.
8. *Кольцова М.М.* Ребенок учится говорить. - Екатеринбург, У-Фактори, 2004
9. *Кольцова М.М.* Обобщение как функция мозга. - М.: Наука, 1967.
10. *Кларк Е.В.* Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов в значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. Сб. статей/ред. А.М. Шахнарович. — М., 1984, С. 221-241.
11. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX111. Когнитивные аспекты языка. - М.: «Прогресс», 1988, С. 12-52.
12. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм.
13. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. - М.: «Просвещение», 1967.
14. *Розенталь Д.Э. Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. - М.: «Международные отношения», 1995.
15. *Рыбников Н.А.* Язык ребенка. - М.-Л.: Гос. изд., 1926.
16. *Сааринен Э.О.* метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике, вып. ХУ111, Логический анализ естественного языка. - М.: «Прогресс», 1986.
17. *Соколов Е.Н.* Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. - М.: УМК «Психология», 2003.
18. *Соколов Е.Н.* Нейроны сознания // Психология. Журнал ГУ ВШЭ, т. 1, №2, 2004, С. 3-16.
19. *Ушакова Т.Н.* О встрече мысли и слова в речи человека // Вопросы психолингвистики. 2006, №4. С. 8-18.
20. *Ушакова Т.Н.* Речь: истоки и принципы развития. - М.: Персэ, 2004.
21. *Boroditsky Lera.* How the languages we speak shape the ways we think/3-й Международный конгресс по когнитивным наукам. - М., 2008.
22. *Clark E.V.* Non-linguistic strategies and the acquisition of word meaning // *Cognition*, 1973, V. 2, p. 161-182.

Ю. А. Сорокин

Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор)

В работе дается обзор существующих точек зрения на текст, его основные характеристики. Рассматривается специфический предмет лингвистики текста, ее отличие от теории текста. Анализируются методы исследования текста в различных подходах с позиций лингвистики и психолингвистики.

Ключевые слова: текст, связность, цельность, лингвистика текста, тема-рематический анализ, транспозиционная методика, методика анализа дистрибуции разнопорядковых предикатов в тексте, проекции текста.

Текст (от лат. *textus* — ткань, соединение знаков) — это некоторая последовательность высказываний, построенных согласно правилам языка / речи. Исследователи, использующие это понятие в своих работах, как правило, лишь указывают на существование (в знаковой среде) текста как единицы более высокого уровня, чем слово, высказывание, сверхфразовое единство. Одно из лингвистических определений текста — наиболее обобщающее (абстрактное) — принадлежит И. Р. Гальперину: «Текст представляет собой снятый момент языкотворческого процесса, представленный в виде конкретного произведения, отработанного в соответствии со стилистическими нормами данного типа письменной (устной) разновидности языка, произведение, имеющее заголовок, завершенное по отношению к содержанию этого заголовка, состоящее из взаимообусловленных частей и обладающее целенаправленностью и прагматической установкой» [Гальперин 1977: 524].

К базовым понятиям и «лингвистики текста», и психолингвистики относятся связность, цельность (целостность) и эмотивность. Связность понимается как рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых (по Л. В. Щербе) элементов языка / речи, как дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка (с этой точки зрения вообще не может быть несвязных текстов), а цельность — как потенциальное проекционное (концептуальное) состояние этих же единиц. Текст есть для лингвиста и психолингвиста некоторый набор знаков, обладающий признаками связности, цельности и эмотивно-

сти (эмотивность, по-видимому, существует, хотя и не для всех видов текстов, в качестве набора эмоцием, под которыми можно было бы понимать некоторые определенные деструкции строевых и нестроевых элементов языка / речи).

Если первое понятие — понятие связности текста — эксплицируется сугубо лингвистическими методами и самим лингвистом, то экспликация двух остальных понятий — цельности / целостности и эмотивности — возможна лишь в процессе наблюдения над взаимодействием текста и реципиента (реципиентов), — взаимодействия, результаты которого фиксируются наблюдателем (исследователем) и обрабатываются (интерпретируются) им в соответствии с поставленной задачей.

Есть основания полагать, что связность является понятием преимущественно лингвистическим, а цельность / целостность текста — понятием преимущественно психолингвистическим. Иными словами, связность есть понятие, с помощью которого интерпретируются феномены, принадлежащие поверхностной структуре текста, а цельность — понятие, с помощью которого интерпретируются феномены, принадлежащие глубинной структуре текста (точнее говоря, интерпретируются феномены ментального порядка, возникающие при взаимодействии реципиента и текста). Такое понимание связности и цельности предполагает не только использование различных методов (и методик) анализа и интерпретации текста для лингвиста и психолингвиста, но и приписывание различного аксиологического статуса самому понятию текста: для лингвистов он

есть продукт (языка/речи), для психолингвиста — коммуникат; для лингвиста — различно «поведение» составляющих текст единиц, для психолингвиста — различно «поведение» текста как такового в процессе общения, различны те или иные оценки его реципиентами, различен «менталитет» текста и менталитет реципиентов. Если в ряде случаев для лингвиста остается актуальным вопрос, какую знаковую единицу считать текстом, то для психолингвиста этот вопрос не является таковым: для него текстом является любая совокупность знаковых средств, обслуживающих процесс общения.

Понятие «лингвистика текста» до сих пор не имеет общепринятого определения несмотря на то, что проблемы той научной области, которая именуется в настоящее время лингвистикой текста, рассматривались еще в античной риторике (а сейчас — в неориторике), а затем обсуждались в рамках герменевтики (неогерменевтики), текстологии и библиопсихологии¹.

Лингвистика текста возникла во второй половине XX века. Предпосылки к возникновению лингвистики текста были заложены в Западной Европе работами Ш. Балли и ученых, входивших в Пражский лингвистический кружок, а в нашей стране — работами ученых, занимавшихся в 20-х-30-х годах изучением поэтического языка (ОПОЯЗ), а также работами Г.О. Винокура, Н.С. Поспелова, С.С. Смирнова, Н.И. Жинкина, И.А. Фигуровского. В СССР проблемами лингвистики текста занимались П.М. Алексеев, В.Г. Борботько, С.И. Гиндин, Л.П. Доблаев, Н.Д. Зарубина, М.В. Ляпон, В.А. Маслов, Т.М. Николаева, Е.А. Рефе-

ровская, З.А. Тураева²; за рубежом проблемами лингвистики текста занимались (и занимаются?) в Англии и США, в ЧССР, ПНР и ФРГ, во Франции, Бельгии, Голландии (см. работы М.А. К. Хэллдея, К. Гаузенбласса, П. Сгалла, Й. Мистрика, П. Вашака, М.Р. Майеновой, А. Вежбицкой, Э. Агриколы, Х. Изенберга, В. Дресслера, З.Й. Шмидта, Я.С. Петефи, К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ц. Тодорова, Т. ван Дейка и др.).

Как считает Т.М. Николаева, «лингвистика текста — это поиск общих закономерностей, а не анализ отдельных употреблений, задача лингвистики текста — найти и построить систему грамматических категорий текста с содержательными и формальными единицами именно этой сферы» [Николаева 1978: 10]. Ср. также точку зрения Б. Гаспарова относительно лингвистики (грамматики) текста, которая, по его мнению, ориентируется на изучение «... формальных механизмов и структур, которые действуют в естественном языке на уровне, более высоком, чем отдельное самостоятельное предложение, — в отношениях между предложениями (так называемой межфразовой связи) и при построении еще более крупных частей или блоков текста — абзацев, или, как их специально называют иногда, «сверхфразовых единств» [Гаспаров 1976: 32].

По мнению Т.М. Николаевой, ссылающейся, в свою очередь, на соответствующие работы западноевропейских ученых (см. в связи с этим: [Исследования по теории текста 1979; Новое в зарубежной лингвистике 1978, 1980; Проблемы теории текста 1976; Синтаксис текста 1979, а также Николаева 1978, Москальская 1980]), следует проводить различие между лингвистикой текста и теорией текста: если лингвистика текста ориентируется на «... линейность, сукцессивную сущность текста» [Николаева 1977: 306], то задачей теории текста является разработка типологии текстов³ (идеальных типов-инвариантов текстов, «порождающих» свои конкретные варианты). Таким образом, ока-

1. Понятие «лингвистика текста» внутренне противоречиво: если текст и имеет собственную «лингвистику», то это еще следует доказать, причем лучше всего экспериментально; кроме того, элемент «лингвистика» в этом словосочетании явно указывает на то, что текст — это феномен сугубо языковедческий и должен поэтому изучаться языковедческими методами, недостаточная мощность которых доказывается рядом экспериментальных исследований, ориентированных на смысловое восприятие текста.

2. См. также работы И.Р. Гальперина, Г.В. Колшанского и О.И. Москальской.

3. О попытке создания такой типологии см.: [Типы научных и технических текстов..., 1984-1985]

зывается, что между лингвистикой текста и теорией текста наблюдается противопоставление по способу «развертки» текстов (оппозиция горизонтальный/вертикальный). Способ «развертки» дает возможность выделить, по крайней мере, четыре основных модели описания текста: «1) модель вертикального порождения грамматической ориентации, 2) модель вертикального порождения событийной ориентации, 3) модель горизонтального порождения грамматической ориентации, 4) модель горизонтального порождения событийной ориентации» [Николаева 1978: 39].

Основные проблемы, рассматриваемые в сфере лингвистики текста, можно, по-видимому, свести к следующим: 1) межфразовые связи и отношения; 2) единицы, промежуточные между предложением (высказыванием) и текстом; 3) структура текста и его свойства; 4) интонационные составляющие текста (эта проблема является не в меньшей мере и психолингвистической проблемой); 5) соотношение текста и контекста, текста и затекста (проблема соотношения лингвистических и психолингвистических факторов, адекватное решение которой возможно, по-видимому, лишь экспериментальным (психолингвистическим) путем); 6) параметры (признаки), присущие текстам, принадлежащим различным функциональным стилям, 7) выявление культурологической специфики текста как представителя той или иной лингвокультурной общности.

Следует указать, что в «лингвистике текста» изучение феномена «текста» становится более экстенсивным (но, к сожалению, не интенсивным): растет, например, число публикаций, посвященных исследованию когезивных средств (средств связности) — см. работы Е. А. Реферовской [Реферовская 1983] и В. М. Ляпон [Ляпон 1986], в первой из которых делается попытка рассмотреть структуру сверхфразового единства и установить его статус в тексте с помощью таких средств связности, как присоединение, соположение, параллелизм или цепочечность развертывания высказывания, повторы и т. д., а во второй — изучаются релятивы как средство организации в тексте альтернативных градационных отношений, а также

отношений обусловленности, уступительности и противительности.

Показателен также и тот факт, что и в рамках «лингвистики текста», и в рамках филологического изучения текста наблюдается тенденция связать структурные свойства текста с его прагматическими свойствами (признаками): см., например, работу М. С. Чаковской [Чаковская 1986], в которой рассматриваются — хотя и не на экспериментальном материале — способы языкового/речевого представления концепта в научном и художественном текстах.

Весьма показательным признаком является также интерес исследователей к тексту как инструменту интранаучного и интернаучного, в том числе и межнационального общения. Этим, несомненно, и объясняется рост числа публикаций и в сфере переводоведения (см., например, [Текст как объект... 1984; Семантика текста... 1984; Проблемы переводов текстов разных типов 1986]).

Если попытаться прогнозировать направление будущих исследований в «лингвистике текста», то, по-видимому, эти исследования сфокусируются в следующих областях: 1) текст и составляющие его единицы (см., например, [Текстообразующие свойства... 1962]), 2) текст-контекст-подтекст-затекст (см., например, [Бондарко 1985]), 3) «текст в тексте» (см., например, [Труды... 1981; Сорокин, Тарасов 1984]), 4) структура семиосферы и иерархии текстов (см., например, [Лотман 1981]), 5) текст и его герменевтический потенциал (см., например, [Теории, школы... 1985]).

Исследования, ведущиеся в сфере «лингвистики текста», следует рассматривать как интранаучные исследования (ориентированные на нужды лингвистики как таковой и внеэкспериментальные) в противоположность интранаучным психолингвистическим исследованиям (ориентированным на нужды сопредельных с лингвистикой научных дисциплин и базирующимся на результатах экспериментов), в рамках которых текст рассматривается прежде всего как некоторый коммуникат. В свое время, анализируя работы — преимущественно экспериментальные — в которых текст, рассматри-

ваемый психолингвистами, прежде всего, как цельный/целостный (как некая цельная/целостная семантическая масса) изучался в ходе его смыслового восприятия, мы пришли к выводу [Сорокин, Уфимцева 1981], что эти работы могут быть сгруппированы следующим образом: это, во-первых, работы, ориентированные на использование методики шкалирования текста реципиентами. В работах такого типа делается попытка выявить понимание и оценку текстов реципиентами, набор признаков, которым характеризуют эти тексты реципиенты (и коммуникаторы), степень аксиологического согласия по поводу данных текстов между реципиентами и коммуникаторами [Сорокин 1979, Бойкова 1982]. В рамках этого психометрического (психосемантического) направления ведутся также исследования, ориентированные на установление авторства того или иного (спорного) текста (атрибуция текста), а также выявление набора признаков, характеризующих «паталогические и непаталогические» тексты [Сорокин 1979, 1985].

Во-вторых, это работы, ориентированные на выявление в тексте «логико-фактологической цепочки» (Т. М. Дридзе), на анализ дистрибуции разнопорядковых предикатов в тексте. В рамках этого направления используется также подход, позволяющий выявлять смысловую дистанцию между текстом и некоторыми группами реципиентов: понятие дистанции (К. Фоше, С. Московичи) есть, по-видимому, не что иное, как понятие семиотической мощности проекции текста (его концептуального, ментального состояния), — мощности, устанавливаемой при сопоставлении различий и совпадений в эталонном (авторском) тексте и в текстах-проекциях испытуемых, причем тексты-проекции, в свою очередь, сопоставляются между собой [Дридзе 1980; Борисова 1976].

Методика анализа дистрибуции разнопорядковых предикатов в тексте позволила О. Д. Кузьменко выявить (экспериментальным путем) группы чтецов в зависимости от степени важности разнопорядковых предикатов, воспринимаемых и понимаемых испытуемыми, что, несомненно, имеет нема-

ловажное значение для оптимизации процесса обучения тому или иному иностранному языку. В частности, О. Д. Кузьменко было показано, что наиболее результативной группой чтецов — чтецов, у которых симультанно восприятие и логико-смысловая обработка знакового продукта — является та группа, которая владеет «визуальной» формой чтения. Интересные результаты были получены также И. А. Зимней, Ю. Ф. Малининой и С. Д. Толкачевой [Зимняя, Малинина, Толкачева 1977], которым удалось показать, что воспроизведение текста зависит от логико-смысловой структуры текста (цепная или разветвленная), а также от вида воспроизводящей речевой деятельности (внешний устный или внешний письменный способ).

В рамках этого же «логико-фактологического» направления перспективными представляются также работы, целью которых является нахождение и обработка приемов смысловой компрессии текстов: представление текстов в виде набора заголовков, аннотаций, планов и реплик (диалоги, полилоги), а также приемов развертывания текстов («восстановления» текстов по их денотатной структуре). В исследовании Я. Микка [Микк 1974], которое, по-видимому, можно отнести к работам этого же направления, было установлено, что самыми надежными методиками, позволяющими судить о степени трудности текста, является методика оценки его трудности испытуемыми (о формуле читабельности текстов см., например: [Микк 1981]), а также методика «дополнения». Эта методика (методика восстановления поврежденного текста) была использована В. П. Беляниным [Белянин 1983] и позволила ему выявить степень «семантического расстояния» между авторским и восстановленным словом, которое, в свою очередь, можно рассматривать и как расстояние между читательскими и авторскими когнитивно-эмотивными «образами слова». В свою очередь, эти данные, сопоставляемые с данными, полученными в ходе использования теста интереса к научной фантастике и психодиагностического опросника, дали возможность судить о причинах приятия или неприятия испытуемыми того

или иного (научно-фантастического) текста, зависящих, как это доказывает В. П. Белянин, от степени близости или удаленности «психологических типов» автора и читателя (гипотеза Геннекена-Рубакина).

К сфере работ этого же направления следует отнести и работы В. Б. Апухтина [Апухтин 1977], в которых предпринимается попытка «типологизации» тема-рематической структуры письменных и «устных» текстов, — попытка, которая может оказаться небесполезной для оптимизации процессов смыслового восприятия текста (в частности, его компрессии), если, конечно, удастся «квазиформализовать» процедуру тема-рематического анализа, выявив минимальный набор признаков, характеризующих тему и рему и их значимость — подтвержденную экспериментально — для носителей языка.

Тема-рематический анализ текста, по-видимому, может оказаться небесполезным (если, конечно, он станет экспериментально проверяемой процедурой) и в качестве дополнительного к денотатному анализу текста, позволяя рассматривать денотатное расслоение текста с точки зрения фиксации в нем тема-рематических отношений (конфигураций), что, в свою очередь, бесполезно для выяснения способов структурирования семантической массы тех или иных высказываний как логико-ориентированных, актуальных и аналоговых (см. по этому поводу: [Слюсарева 1986]).

В-третьих, это работы, ориентированные на использование методики «разрезания» текста (исследователем) — транспозиционная методика — и последующего восстановления текста испытуемыми. С помощью этой методики А. А. Брудным [Брудный 1972] были получены результаты относительно структуры художественного текста (детективный жанр) как структуры разной степени «жесткости» и «гибкости»: в ряде случаев испытуемые восстанавливают текст, следуя некоторому облигаторному эталону текста, который не позволяет разъединять определенные фрагменты текста, а в других случаях «правила» соединения этих фрагментов являются факультативными. Основным выводом, к которому приходит А. А. Брудный

в результате своих исследований, является вывод о «внетекстовом характере» концепта текста. В работах с использованием аналогичной методики анализировались расхождения между логико-композиционными структурами эталонного текста и текстов, восстанавливаемых испытуемыми: в одном случае материалом послужил радиотекст [Сорокин, Шахнарович, Скворцова 1976], в другом — некоторые иные пропагандистские тексты [Поликашина 1979]. Результаты работы Л. С. Школьника [Школьник 1978], в которой была использована аналогичная методика, позволили установить, что эта методика может оказаться полезной для выявления той установки, которой следовал коммуникатор при продуцировании текста и логико-мотивационных установок испытуемых, восстанавливающих этот текст, различий и совпадений в установке коммуникатора и установках реципиентов — установках, играющих существенную роль в формировании того или иного концепта текста.

В-четвертых, это работы, ориентированные на изучение проблемы мотивированности языкового знака. Рассматривая текст как концепт (менталитет, чью-либо проекцию), обладающий (обладающие) определенной аттрактивностью за счет наличия в тексте «мотивированных» единиц, и используя данные А. П. Журавлева [Журавлев 1981] о символическом значении русских графонов, Е. И. Красникова [Красникова 1976] сконструировала ряд квазислов, постановка которых в определенный контекст обуславливала оценку текстов, предложенных испытуемым, как «теплых», «холодных», «горячих», «изрезанных», «круглых», «светлых», «темных». В свою очередь, И. И. Валуйцева [Валуйцева 1986] перепроверила результаты, полученные Е. И. Красильниковой, и показала, что включение в научно-популярный текст слов с заданной фоносемантической структурой позволяет прогнозировать (с известными допущениями) и оценку этого текста испытуемыми. В ходе этого эксперимента было выяснено также, что тексты, созданные по типу «глокой куздры» Л. В. Щербы, также оцениваются носителями русского языка

в зависимости от характера звукобуквенного состава этих текстов (тексты маленькие или большие, плохие или хорошие, яркие или тусклые и т. д.).

В работе О. Д. Кулешовой [Кулешова 1985] изложены результаты экспериментального исследования фоносемантической «нагрузки» текстов на ПЯ (поэтические тексты Д. Томаса, Г. Грейвза, Ф. Ларкина) и на ИЯ, что, в свою очередь, позволило ей ранжировать переводы в зависимости от их фоносемантического подобия оригиналу (с учетом, конечно, ценности и эквивалентности фоносемантических «единиц» в русском и английском языках) и показать возможность инструментальной оценки адекватности перевода оригиналу с фоносемантической точки зрения (см. также и работу Т. С. Журавлевой [Журавлева 1983], ориентированную на выяснение степени фоносемантического подобия польских и русских поэтических текстов). Для массовой коммуникации и вообще для оптимизации процессов речевого воздействия такие работы крайне необходимы, ибо они дают надежный инструмент управления речевым и неречевым поведением реципиента (управления семантико-аксиологической массой знакового продукта).

В-пятых, это работы, ориентированные на изучение текста, функционирующего в экстремальных (стрессовых) ситуациях: выявление эмоцием на самых различных речевых уровнях позволяет прогнозировать семантически «малонадежные» фрагменты в текстах, а также наметить пути составления коннотативно-паралингвистического атласа поведения текста и реципиента в таких ситуациях [Носенко 1975, 1979].

К сфере работ этого же направления следует отнести и экспериментальные работы Е. Ю. Мягковой [Мягкова 1986] и Е. Н. Колодкиной [Колодкина 1987]. В первой из этих работ была показана сложность и неомогенность составляющих эмоциональной нагрузки слова (они «объединяются» в четыре следующих фактора: фактор отрицательного отношения, фактор категоричности отношения, фактор некомфортности отношения и фактор степени выраженности отношения), а также наличие ЭНС даже и у слов, обычно трактуемых как нейтральные. Было

установлено также, что отношения между составляющими ЭНС не следует рассматривать как иерархические: в психологической структуре значения/смысла слова эти отношения равноправны и могут актуализироваться как сукцессивно, так и симультанно.

Во второй работе представлены результаты ранжирования испытуемыми (носителями русского языка) лексического материала с точки зрения его конкретности, образности и эмоциональности. Одним из важных выводов, полученных Е. Н. Колодкиной, является тот, согласно которому слова, оцениваемые испытуемыми по этим трем параметрам, существуют для испытуемых в виде некоторого обладающего семасиологическим притяжением центра (базисные слова), вокруг которого располагаются «разреженные» в семасиологическом отношении лексические группировки, причем и центр, и «разреженная» периферия характеризуются нечеткостью переходов в рамках конкретности, образности и эмоциональности. Экспериментальные материалы, представленные в этой работе, позволяют, в свою очередь, судить о тех неосознаваемых, по-видимому, допущениях, которые лежат в основе построения лексикона и которые можно представить в виде следующих аксиом: первая аксиома — в лексиконе нет ничего конкретного, что не было бы образным (и наоборот); вторая аксиома — в лексиконе абстрактное существует в виде конкретных признаков: абстрактное — это набор конкретных реализаций (вариантов) существования абстрактного; третья аксиома — образные единицы лексикона — это, прежде всего, единицы с визуальной модальностью; четвертая аксиома — пространство лексикона — это пространство эмотивности той или иной степени плотности; пятая аксиома — (лексическое) пространство лексикона есть аксиологическое диффузное пространство; слова в нем являются микст-оценками. Можно также предположить, что именно такой характер «аксиоматики» лексикона и способствует возникновению эмоцием (эмотем и эмотивов — [Болотов 1986]) в силу лабильности и неустойчивости границ между элементами лексикона, особенно если эта неустойчивость накладывается на неустойчивость (экс-

тремальность) неречевой ситуации в силу неоднородности этих элементов в аксиологическом отношении, что, в свою очередь, позволяет объяснять процесс порождения тропов и антитропов как процесс «упрощения» (редукции) структуры слова (структуры психологического значения/смысла) в зависимости от характера задач, решаемых в ходе общения (см. в связи с этим: [Родионов 1985]).

В-шестых, эти работы, в рамках которых все интенсивнее изучается национально-культурная специфика текста, а также специфика невербального поведения представителей тех или иных лингвокультурных общностей (см., например: [Национально-культурная специфика... 1977; Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения народов СССР 1982]). Например, в работе И. Ю. Марковиной [Марковина 1982] сопоставляются и анализируются фрагменты текстов на ИЯ и ПЯ с точки зрения их национально-культурного подбора, что позволяет выявить лакунизированные фрагменты в тексте на ПЯ (т.е. те фрагменты, которые расцениваются испытуемыми с помощью таких оппозиций, как непонятно-понятно, непривычно-привычно, знакомо-незнакомо, неточно (ошибочно) — верно (см. [Марковина 1982], а также [Сорокин 1987]) и, тем самым, судить о различиях и совпадениях в семантико-аксиологической структуре культуральных фрагментов и о мере их адекватности (см. в связи с этим также: [Семантическая специфика... 1985]). В свою очередь, в работе Н. В. Дмитриук [Дмитриук 1985], использовавшей методику свободного ассоциативного эксперимента, сопоставляются казахские и русские группы слов-зооморфизмов, слов-цветообозначений и слов, обозначающих чувства и волеизъявления (глаголы), что дает возможность судить как об общей, так и частичной стратегии ассоциирования — в частности, о тех семантико-аксиологических признаках, которые приписываются слову в каждой лингвокультурной общности: «Для казахов белый цвет символизирует честность, доброту, невинность: словом обозначаются в казахском языке молоко и молочные продукты, кото-

рые считаются эталоном белизны. У русских эталоном белого цвета является снег, «белый» ассоциируется с зимой, больницей, свадьбой. Черный цвет осознается казахами как символ жестокости, зла, несправедливости, ассоциируется с неопрятностью; для русских это прежде всего — цвет траура, он символизирует скорбь, мрачные настроения, ассоциируется с войной. Зеленый цвет («жасыл») казахи связывают прежде всего с растительностью, с цветением и весной. У русских зеленый цвет символизирует весну, молодость, свежесть (даже незрелость), спокойствие и надежду» [Дмитриук 1985: 15]¹.

Методика свободного ассоциативного эксперимента использовалась также и П. С. Илиевой [Илиева 1983], причем в качестве стимулов использовались ключевые слова, выделенные экспертами (русскими и болгарскими) в тексте на ИЯ и на ПЯ (пять стихотворений Е. Багряны в переводе А. Ахматовой). Анализ русских и болгарских ассоциативных полей показал, что «... синтагматические ассоциативные связи для ИЯ составляют 55,8% от общего количества ассоциаций. Парадигматических ассоциативных связей для ИЯ меньше по количеству, чем синтагматических, они составляют 34,94%. <...> испытуемые-русские в общей сумме дают 43,36% синтагматических реакций... Общее количество парадигматических ассоциативных связей на ПЯ составляет 52,6% от всех ассоциаций» [Илиева 1963: 16-17].

Проанализировав также различия и совпадения в словарных дефинициях ключевых слов и учитывая данные относительно характера русских и болгарских синтагматических и парадигматических связей, И. С. Илиева приходит к выводу о том, что «... в процессе восприятия текста

1. Рассмотрение материалов ассоциативного эксперимента как текстовых представляется нам вполне допустимым: испытуемыми и исследователями стимулы и ассоциаты рассматриваются (в силу презумпции осмысленности) как содержательные (и нередко грамматически оформленные) цепочки, позволяющие делать выводы не только о когнитивных, но и эмотивных установках испытуемых в отношении мира и человека.

у испытуемых-русских поток ассоциаций движется в рамках семантического поля тех слов-стимулов, которые сигнализируют, прежде всего, об их эмоциональных и чувственных характеристиках» [Илиева 1983: 25], причем 45% совпадения ассоциаций для текстов на ИЯ и на ПЯ следует считать показателем высокого качества перевода (см. в связи с этим также: [Калюта 1985]).

Методики свободного и направленного ассоциативного эксперимента были также использованы В. А. Рыжковым [Рыжков 1983], который изучал национально-культурные различия и совпадения в ассоциативных полях интернациональных стереотипов (испытуемые — носители русского, шведского, английского, немецкого языков).

Семантико-аксиологические профили 262 русских слов в их толковании русскими и вьетнамцами были проанализированы А. С. Мамонтовым [Мамонтов 1984].

В-седьмых, это работы, в которых делается попытка рассмотреть процесс восприятия креолизованного текста (текста, состоящего из иконических и вербальных знаков), составляющие которого находятся в отношениях синонимичности или дополнительности (в ходе исследования использовались три методики — шкалирования, анкетирования, составления денотатной цепочки текста). Результаты этого исследования показали, что «присоединение к вербальному тексту с простым смысловым содержанием изображения, находящегося с этим текстом в отношениях¹ «синонимии» либо «дополнения», смещает оценки коннотативного значения креолизованного текста в сторону увеличения схематичности и недоступности... Присоединение к вербальному тексту со сложным смысловым содержанием изображения, находящегося с этим текстом в отношениях «синонимии» и «дополнения», также смещает оценки в сторону уменьшения эмоциональности и информативности и увеличения схематичности и пейоративной сложности» [Головина 1986: 17-18].

1. Два научно-популярных и два художественных текста, в которых «воздух» и «город» описывались, в одном случае, как природные и функциональные феномены, а в другом — как художественные феномены.

Как показывает исследование Е. Г. Биевой [Биева 1984], усвоение детьми (от 3 до 7 лет) смысла художественных текстов (со сказочными сюжетами) происходит адекватнее, если текстовые образные и предметные связи могут быть продублированы визуальными рядами (наглядными средствами), причем уровень этой адекватности может быть «измерен» путем сравнения денотатных цепочек текста-стимула и текста-проекции.

Достаточно надежными и эффективными являются и те психолингвистические методики, которые позволяют судить о механизмах речепорождения на основании изучения речевых ошибок и связывать их возникновение со сбоями в актуализации семантико-синтаксического и поверхностно-синтаксического фреймов, фреймов грамматического и фонологического слова и интонационных фреймов [Горохова 1986]² (о механизмах порождения речи см. также: [Рябова 1967, Леонтьев 1969, Основы теории речевой деятельности 1974, Смысловое восприятие... 1976, Исследование речевого мышления... 1985, Зимняя 1985]), а также те методики, с помощью которых исследуется тактика выбора одиночными или общающимися реципиентами метатекстовых средств и способов оперирования логико-информационными синтагмами [Андрющенко 1983]. Весьма перспективной представляется и методика выявления минимальной единицы смысловой структуры текста [Куликов 1985] — методика выявления внутренней формы схемобразов как субститутов той или иной лексической единицы.

Несомненную эвристическую ценность представляет и денотатный анализ текста, предлагаемый А. И. Новиковым [Новиков 1983] и позволяющий на операциональном уровне судить о семантической адекватности одного текста другому в процессе реферирования (сжатия) информации (см. по этому поводу: [Нестерова 1985]), а также экспери-

2. Фрейм в данном случае, по-видимому, следует понимать как способ означивания и «когнитивизации» некоторого Плана (Образа), в ходе которых парадигматика Плана (Образа) переходит в синтагматику.

ментальные приемы, позволяющие судить об устойчивости тех или иных фрагментов текста, воспринимаемого в экстремальной (стрессовой) ситуации (см.: [Родионов 1985]), или о влиянии голоса на процесс смыслового восприятия текста (и о влиянии тембра на выбор того или иного «предпочитаемого голоса» испытуемыми-мужчинами или испытуемыми-женщинами [Ильяхина 1981]).

По-видимому, и в ближайшем будущем в психолингвистических исследованиях смыслового восприятия текста не перестанут рассматриваться и обсуждаться все рассмотренные выше проблемы. Но очевидно также, что следует ожидать и увеличения числа этих проблем. В частности, становится все более очевидным, что для психолингвистического изучения текстового общения немаловажную роль играют «правила», фиксируемые не только в эмотивной синтагматике [Болотов 1981], но и в эмотивной парадигматике и синтагматике (см., в частности, [Мягкова 1986; Колодкина 1987]). По-видимому, без уяснения сути этих эмотивных правил невозможно и построение корректной типологии понимания текста (см., например, [Богин 1986]), а именно такой типологии, которая не только фиксирует, но и служит инструментом объяснения семантизирующих, когнитивных и распределительных пониманий.

Следует, по всей вероятности, также ожидать увеличение числа психолингвистических работ, посвященных изучению а) смысла и значения текста (и представления о нем, понимая термин «представление» по Г. Фреге), б) проекций (Н. А. Рубакин) текста, в) мощности тезауруса (лексикона) носителя языка, г) соотношения текста и контекста, текста и подтекста, текста и затекста, «текста в тексте», прецедентных и непрецедентных текстов (см., например: [Караулов 1986]) как соотношений не только языковых/речевых, но и психоментальных, д) сжатия (компрессии) и /или развертывания текста как коммуникативно-аксиологических способов ориентировки в пространстве вербального (и невербального) общения, е) разбросанности и разорванности текста, ж) его национально-культурной специфи-

ки, ментальных (личностных) состояний, опредмеченных в тексте (это изучение позволяет, по-видимому, найти путь к созданию психосемантической типологии текста, см.: [Белянин 1985]), и) текста как совокупности графемных и параграфемных средств (точнее говоря, тех образов, которые испытываемые приписывают этим средствам, см. в связи с этим: [Каюканов 1983]), к) суперсегментных маркеров, влияющих на положительную или отрицательную оценку текста.

Список литературы

1. Андрющенко Т. Я. Смысловое восприятие речевого сообщения в различных условиях коммуникации (одиночными и общающимися реципиентами). АҚД. - М., 1983
2. Анухтин В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста. АҚД., 1977
3. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. - М., 1982
4. Белянин В. П. Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста. Дисс... на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. - М., 1983
5. Белянин В. П. Художественный текст и психология личности. // Речевое общение: цели, мотивы, средства. - М., 1985
6. Биева Е. Г. Факторы, влияющие на понимание текстов (на материале детской речи). АҚД. - М., 1984
7. Богин Г. И. Типология понимания текста. - Калинин, 1986
8. Бойкова Н. Г. Зависимость восприятия радиорепортажа от его лингвистических характеристик. АҚД. - М., 1962
9. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). - Ташкент, 1981
10. Болотов В. И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста. АДД., 1986
11. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды. // ВЯ, 1985, № 1
12. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. - Грозный, 1981
13. Борисова Т. А. Скорость чтения и стратегия смыслового выражения. // Смысловое

- восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). - М., 1976
14. *Брудный А. А.* Экспериментальный анализ процесса понимания. // Тезисы докладов к 20 международному психологическому конгрессу. - М., 1972
15. *Валуйцева И. И.* Влияние фоносемантической структуры текста на его оценку носителями русского языка. // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. - М., 1986
16. *Гальперин И. Р.* Грамматические категории текста (опыт обобщения). // Изв. АН СССР, сер. яз. и лит., 1977, т. 36, №6
17. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981
18. *Гаспаров Б.* Современные проблемы лингвистики текста. // *Linguistica*. - Тарту, 1977
19. *Гиндин С. И.* Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты. // Изв. АН СССР, сер. яз. и лит., 1977, т. 36, №4
20. *Головина Л. В.* Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста. АҚД. - М., 1986
21. *Горохова С. И.* Психологические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок. АҚД. - М., 1986
22. *Деривация и текст.* - Пермь, 1984
23. *Доблаев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. - М., 1982
24. *Дмитрюк Н. В.* Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. АҚД. - М., 1985
25. *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. - М., 1981
26. *Журавлев А. П.* Звук и смысл. - М., 1981
27. *Журавлева Т. С.* Содержательность звуков речи в межъязыковом аспекте. АҚД. - М., 1983
28. *Зарубина Н. Д.* Текст: лингвистический и методический аспект. - М., 1981
29. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. - М., 1985
30. *Зимняя И. А., Малинина Ю. Ф., Толкачева С. Д.* К вопросу о психологических механизмах рецептивных видов речевой деятельности. // Иностранные языки в высшей школе. - М., 1977, вып. 12
31. *Знаковые проблемы письменной коммуникации.* - Куйбышев, 1985
32. *Ильева П. С.* Психолингвистические особенности восприятия и оценки художественного текста. АҚД. - М., 1983
33. *Илюхина Е. И.* К проверке гипотезы о влиянии тембра голоса диктора на процессы произвольного запоминания и понимания речевого сообщения (предварительные наблюдения). // Общение, текст, высказывание. - М., 1986
34. *Исследования по теории текста.* - М., 1979
35. *Исследование речевого мышления в психолингвистике.* - М., 1985
36. *Исследование целого текста.* - М., 1986
37. *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. - М., 1986
38. *Клюканов И. Э.* Структура и функционирование параграфемных элементов текста. АҚД., - Саратов, 1983
39. *Колодкина Е. Н.* Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных. АҚД. - Саратов, 1987
40. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика. - М., 1980
41. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. - М., 1984
42. *Красникова Е. И.* Прогнозирование оценки квазислова в связанном тексте. // Проблемы мотивированности языкового знака. - Калининград, 1976
43. *Кузьменко О. Д.* Стратегии и тактики чтения и категории чтецов. // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). - М., 1976
44. *Кузьменко О. Д.* Смысловое восприятие языковой информации в процессе чтения. - Куйбышев, 1980
45. *Кулешова О. Д.* Фоносемантическая структура текста (экспериментальное исследование на материале английского языка). АҚД. - М., 1985
46. *Куликов С. В.* Минимальная единица смысловой структуры текста (психолингвистический анализ). АҚД. - М., 1985

47. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М., 1979
48. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения. // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976
49. Лингвистика текста. Материалы научной конференции. - М., 1974, ч. 1-2
50. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. // Труды по знаковым системам. Структура и семиотика художественного текста. - Тарту, 1981, вып. 12
51. Мамонтов А. С. Проблемы восприятия и понимания текста (психолингвистический анализ семантики номинативных единиц текста). АҚД. - М., 1984
52. Марковина И. Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста. Дис... на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. - М., 1982
53. Микк Я. Методики разработки формул читабельности. // Советская педагогика и школа. - Тарту, 1974, вып. 9
54. Микк Я. Оптимизация сложности учебного текста. - М., 1981
55. Москальская О. И. Семантика текста. // ВЯ, 1960, № 6
56. Москальская О. И. Грамматика текста. - М., 1981
57. Мыркин В. Я. Текст, контекст и подтекст. // ВЯ, 1986, № 2
58. Мягкова Е. Ю. Психолингвистическое исследование эмоциональной нагрузки слова. АҚД., - М., 1986
59. Национально-культурная специфика речевого поведения. - М., 1977
60. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. - М., 1982
61. Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. // Изв. АН СССР, сер. яз. и лит., 1977, т. 36, № 4
62. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. // Новое в лингвистике. - М., 1978, вып. 8
63. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. - М., 1983
64. Никольская Л. А. О теории контекста в работах современных лингвистов лондонской школы. // Вопросы филологии. - Л., 1970, ч. 1
65. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975
66. Носенко Э. Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности. АҚД. - М., 1979
67. Общение: теоретические и прагматические проблемы. - М., 1978
68. Основы теории речевой деятельности. - М., 1974
69. Поликашина Р. А. Смысловая структура пропагандистских текстов (результаты пилотажного эксперимента). // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). - М., 1979
70. Прагматические аспекты изучения предложения и текста. - Киев, 1983
71. Преподавание литературного чтения в эстонской школе. - Таллин, 1983
72. Проблемы мотивированности языкового знака. - Калининград, 1976
73. Проблемы перевода текстов разных типов. - М., 1986
74. Проблемы теории текста. - М., 1976
75. Проблемы типологии текста. - М., 1984
76. Психолингвистические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. - Калинин, 1984
77. Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. - Пермь, 1984
78. Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. - Калинин, 1986
79. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. - М., 1983
80. Родионов А. А. Влияние эмоциональной напряженности на вариативность понимания текста (экспериментальное исследование). // АҚД. - М., 1985
81. Рябова Т. В. Механизм порождения речи по данным афазиологии. // Вопросы порождения речи в обучении языку. - М., 1967
82. Семантика текста и проблема перевода. - М., 1984
83. Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985
84. Синтаксис текста. - М., 1979
85. Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление. // ФН, 1969, № 1

86. *Слюсарева Н. А.* Категориальная основа тема-рематической организации высказываний-предложений. // ВЯ, 1986, №4
87. *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации).* - М., 1976
88. *Сорокин Ю. А.* Метод установления лагун как один из способов выявления специфики локальных культур. // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М., 1977
89. *Сорокин Ю. А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. - М., 1985
90. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Отображение «текста» в тексте. // Изоморфизм на разных уровнях языковой системы. - М., 1984
91. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. - М., 1977
92. *Сорокин Ю. А., Шахнарович А. М., Скворцова А. В.* К вопросу о логико-композиционной вариативности текста. // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). - М., 1976
93. *Сорокин Ю. А., Уфимцева Н. В.* Психолингвистические проблемы семантики. // Проблемы лингвистической семантики. - М., 1981
94. *Текст как объект лингвистического анализа и перевода.* - М., 1984
95. *Текст как познавательная деятельность.* - Саратов, 1979, вып. 2
96. *Текстообразующие свойства предложения и текста.* - Грозный, 1982
97. *Типы научных и технических текстов и их лингвистических особенностей.* - М., 1984-85, Ч. 1-2
98. *Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика.* - М., 1985
99. *Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика.* - М., 1986
100. *Труды по знаковым системам. Текст в тексте.* - Тарту, 1981, вып. 15
101. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. - М., 1986
102. *Чаковская М. С.* Текст как сообщение и воздействие. - М., 1986
103. *Шехтман Н. А.* О границе контекста. // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. - Л., 1981
104. *Школьник Л. С.* Экспериментальное изучение логико-композиционной структуры прагматически ориентированного текста. // Общение: теоретические и прагматические проблемы. - М., 1978
105. *Фонетика и психология речи.* - Иваново, 1981
106. *Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики.* - М., 1984

ОБРАЗ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

*О. В. Балясникова, А. А. Нистратов, Е. С. Ощепкова,
Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева*

Общечеловеческие ценности: русско-украинские параллели

В статье рассматривается такой метод анализа образа стран в автохтонном и неавтохтонном сознании, как исследование ценностей. На примере жителей г. Кировограда показано, как с помощью метода семантического дифференциала можно выявить образ стран в сознании граждан.

Ключевые слова: ценности, межкультурные исследования, семантический дифференциал, образ стран

Сравнительный анализ этнических культур – это привлекательный и в определенной степени освоенный подход к исследованию сущностных и специфически своеобразных черт этнических культур. Славянские культуры России и Украины, несмотря на фундаментальную общность, обладают рядом специфических черт, отражающих своеобразие культурно-исторического развития обеих стран. Доля общности и доля своеобразия культурного обмена России и Украины является предметом публичных, к сожалению, часто политизированных дискуссий, и поэтому существует потребность в конкретном научном анализе.

Перед коллективом исследователей, состоящем из российских и украинских коллег, была поставлена задача сравнительного анализа образа России и образа Украины в сознании россиян и украинцев.

Критерием сравнения были выбраны так называемые общечеловеческие ценности (ОЧЦ). Дело в том, что исследование ОЧЦ, или просто ценностей, уже имеет достаточно длительную традицию использования в качестве основания для межкультурных сравнений [Albert, Kluckhohn 1959; Sjoberg C.

1955; White 1956; Kluckhohn, Strodtbeck 1961 и др.].

Понятие ценности в наше время является объектом анализа философов, психологов, социологов и имеет уже более чем вековую традицию. Уже установилось традиционное деление теорий ценностей: натуралистический психологизм (А. Мейнонг, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), аксиологический трансцендентализм (Баденская школа неокантианства), культурно-исторический релятивизм (Диланей) [Саморегуляция 1979: 731-732].

При анализе ценностей неизбежно встает вопрос об их онтологическом статусе. Обще-признанным является положение, согласно которому ценности в виде системы общественно санкционированных ценностных (аксиологических) ориентиров возникают при деятельностном отношении к реальной действительности.

Деятельностная детерминация ценностного отношения к действительности неизбежно оказывается связанной с мотивационной сферой деятельности. Эта связь в свое время была объектом анализа у А.Т. Здравомыслова и В.А. Ядова, которым принадлежит заслуга в возрождении советской социологии в начале шестидесятых годов. В их творчестве сформировалась понятийная система «потребности – интересы – ценности», верно

Данное исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ – НАН Украины № 08-04-91400а «Образы стран в языковом сознании носителей: украинско-русские параллели»

подчеркивающая деятельностную детерминацию ценностного отношения к действительности, но, по мнению критиков, ведущую к неправомерному отождествлению «ценностного аспекта сознания с осознанием потребностей и интересов» [Попова 1984: 33].

Для нашего сравнительного анализа этнических культур России и Украины исходным положением является деятельностная детерминация культуры двух родственных народов, а ценности как один из аспектов этой детерминации суть маркеры для установления сходства и различия сравниваемых культур.

После определения онтологического статуса ценностей в этнической культуре наступает очередь анализа классификационных схем для описания ценностей. Исследователь, приступающий к межкультурному анализу ценностей, может опереться на результаты многолетних исследований, где вычленены и проанализированы три фундаментальные трудности.

Эмпирические межкультурные исследования ценностей показали, на первый взгляд, трудно объяснимые сходства в ценностных ориентациях носителей разных культур. Поэтому первой трудностью является не поиск ценностей, а поиск оснований. Требования к этим основаниям достаточно жесткие: они должны не только допускать сравнение, но и позволять выявлять различия.

В аксиологии существуют достаточно удовлетворительные объяснения сходства и различия ценностного сознания разных этносов. Сходство детерминировано единством человеческого рода, общностью его исторических судеб, обусловленных его деятельным отношением к миру. Это сходство ценностного сознания носителей разных этнических культур закреплено в моральных нормах и принципах, специфичных для отдельных культурных регионов, например, в христианской морали в европейском культурном регионе.

Поэтому объяснение сходства ценностного сознания различных этносов опирается на представление об общности исторических судеб человеческого рода, а различие может быть выведено из специфики исторического существования конкретного этноса, обуслов-

ленной, в конечном итоге, особенностями бытования этноса в определенном ландшафте.

Ценности как система регулятивов адаптирующего поведения человека являются постоянным объектом анализа, который приводит к интересным результатам.

Н.С. Розов наряду с мифологическим, религиозным и идеологическим сознанием предлагает выделять ценностное сознание. Он утверждает, что «на роль ведущей формы мировоззрения в наступающей исторической эпохе с наибольшей вероятностью претендует ценностное сознание».

Интересна гипотеза Н.С. Розова: «Мир ценностей, телеологически детерминирующих свой объект, на который он изначально направлен, не висит в воздухе. Он укоренен в аффективной жизни психики не в меньшей степени, чем витальные потребности. Первое соприкосновение с ценностями происходит благодаря общению со значимыми лицами – родителями. С начальных ступеней онтогенеза они вмешиваются в спонтанное функционирование витальных потребностей, внося в них порядок, необходимый для всего социума. И если становящееся сознание черпает свою силу в основном из аффективных образов значимых лиц, то в дальнейшем оно освобождается от необходимости в такой поддержке и в стремлении к цели-ценности само организует и продуцирует свою структуру и содержание, двигаясь в русле объективных закономерностей. Существующая иерархия ценностей, телеологически определяя свой предмет – человеческое сознание, может породить такие ценности, которые выводятся из сферы непосредственных жизненных потребностей данного социума. Такова аксиологическая основа прогресса» [<http://aquarun.ru/psih/axib/axib1.html#B>].

Рабочая гипотеза исследования в нестрогом изложении имеет следующий вид: и Россия, и Украина обладают этническими культурами, которые имеют сходства и различия. Инструментом анализа этих сходств и различий исследователи избирают систему ценностей, функционирующих в общих этнических культурах.

Предполагается, что избранная система ценностей, совпадающая с общеевропей-

ской системой, детерминированной христианской моралью, античной культурой и рецепцией римского права, идентична по номенклатуре в двух сравниваемых культурах, но различается по содержанию. Степень сходства/различия содержания ценностей служит маркером сходства/различия культур.

Номенклатура ценностей и антиценностей включает в себя следующий список: ПАТРИОТИЗМ, ПРОЦВЕТАНИЕ, ПРАКТИЧНОСТЬ, НАУКА, ПРАВОСУДИЕ, КОМФОРТ, СВОБОДА ЛИЧНОСТИ, ДЕМОКРАТИЯ, ПРОГРЕСС, БОГАТСТВО, КОНФОРМИЗМ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ, РАЗВИТИЕ, СТАБИЛЬНОСТЬ, БЕДНОСТЬ, БЕЗЗАКОНИЕ, НЕУДАЧА, ОДИНОЧЕСТВО, БЕЗОПАСНОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ВЛАСТЬ, ДОЛГ, ДОСТАТОК, ЗДОРОВЬЕ, ЛЮБОВЬ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, РАВЕНСТВО, РОДИНА, СВОБОДА, СЕМЬЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, ТРУД, УДОВОЛЬСТВИЕ, УСПЕХ.

Содержание используемых ценностей описывается при помощи биполярных градуированных шкал: НЕПРИЯТНЫЙ-ПРИЯТНЫЙ, ТЕМНЫЙ-СВЕТЛЫЙ, БЕЗОБРАЗНЫЙ-КРАСИВЫЙ, ПАССИВНЫЙ-АКТИВНЫЙ, МЕДЛЕННЫЙ-БЫСТРЫЙ, ХАОТИЧНЫЙ-УПОРЯДОЧЕННЫЙ, ИЗМЕНЧИВЫЙ-УСТОЙЧИВЫЙ, НЕПОДВИЖНЫЙ-ДВИЖУЩИЙСЯ, ПРОСТОЙ-СЛОЖНЫЙ, ТАИНСТВЕННЫЙ-ОБЫЧНЫЙ, МАЛЕНЬКИЙ-БОЛЬШОЙ, СЛАБЫЙ-СИЛЬНЫЙ, ЛЕГКИЙ-ТЯЖЕЛЫЙ, ОПАСНЫЙ-БЕЗОПАСНЫЙ, МЯГКИЙ-ТВЕРДЫЙ, ГРУБЫЙ-НЕЖНЫЙ.

Естественно, описание ценностей при помощи шкал условно, но оно позволяет унифицировать и формализовать отношение респондентов к ценностям при помощи их заранее заданных мерностей в виде шкальных показателей.

Шкальные оценки респондентов составлены таким образом, что они указывают на денотативные и референциальные характеристики ценностей, что позволяет выявлять как ценности, так и антиценности.

Так как описание ценностей при помощи шкал может быть выражено количественно, то оно предполагает возможность графического представления результатов, а затем обязательной содержательной интерпретации полученных данных, позволяющих постигать сравнение двух этнических культур даже заинтересованным профаном.

Целесообразно поставить вопрос о возможности использования психосемантического метода исследования для выявления не только ситуативных, но и устойчивых представлений о различных странах. Эти представления формируются на основе устоявшихся стереотипов, мифов, трудно поддающихся быстрому изменению.

В 2001 году было проведено исследование с целью выявления глубинных критериев и особенностей восприятия образов различных стран у жителей Кировограда.

Задачами исследования были:

- Выявление ключевых аспектов менталитета при восприятии кировоградцами различных стран.
- Выявление специфики отношения кировоградцев к собственной стране, России, Белоруссии, странам ЕС и США.

Процедура исследования

Методика исследования представляет собой модифицированный Семантический Дифференциал (СД). Этот метод позволит выявить неосознаваемые самими людьми критерии восприятия ими образов стран.

Респонденты должны были по заданному набору качеств оценивать страны по шкале от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 – его максимальную выраженность).

Сроки проведения исследования: 01.08.01-11.08.01.

В результате исследования были выделены 3 основных критерия, по которым оцениваются государства.

- Компетентность власти и перспективы развития страны.
- Политическое процветание страны.
- Агрессивность и непредсказуемость.

Компетентность власти и перспективы развития (цивилизованность) как критерий оценки страны

Первый критерий оценки жителями Кировограда различных стран объединяет самые различные качества процветания страны: экономическая независимость и качество жизни, компетентность власти и социальная справедливость, перспективы развития страны и ее авторитет в мире, а также ее влияние на другие государства. По сути дела, данный набор черт описывает то, насколько ту или иную страну можно назвать цивилизованной, а власть в ней справедливой и честной.

Недаром наибольшее значение по этому критерию имеют США и страны ЕС. Наиболее далекой от идеалов цивилизованности является Украина. Россия и Белоруссия также не имеют у респондентов имиджа цивилизованных стран.

Политическое процветание как критерий оценки страны

Второй критерий оценки кировоградцами государств описывает стабильность, независимость СМИ, политическую независимость и высокую культуру.

Оппозицию по этому критерию составляют, с одной стороны, страны ЕС и США, а с другой стороны, Белоруссия, Россия и Украина.

Агрессивность и непредсказуемость как критерий оценки страны

Третий критерий оценки стран, выделенный у кировоградцев, определяет степень применения государством военного давления на другие страны, агрессивность и непредсказуемость. Наиболее выражено это у России и США в оппозиции к Белоруссии, Украине и странам ЕС.

Специфика восприятия жителями Кировограда образов стран

На рис. 1 показано, как в пространстве двух первых наиболее значимых критериев (категорий) оценки кировоградцами стран (Стабильность и Компетентная власть в стране) расположены отдельные государства

Как видно из рисунка, в представлениях кировоградцев, США и страны ЕС воплощают в себе политическое процветание и компетентную справедливую власть, являясь эталоном цивилизованности. Только в этих странах существуют все социальные свободы и соблюдается законность, независимость и стабильность государственного устройства, перспективы развития. Кроме того, страны ЕС воплощают в себе не только высокую культуру, но и характеризуются миролюбивой политикой.

Славянские страны – представители бывшего СССР, как показано на рисунке, расположены по другую сторону «справедливости» – власть в этих странах, по оценкам кировоградцев, определяют коррумпированность и бюрократизм. В наибольшей степени это характерно для России и Украины.

Однако, России, в отличие от Украины, кировоградцы приписывают агрессивность и непредсказуемость.

Белоруссия воспринимается кировоградцами как слабая и зависимая страна, не имеющая ни перспектив развития, ни какого-либо международного авторитета.

На рис. 2 показано, как в пространстве критериев (категорий) оценки жителями Кировограда стран (Политическое процветание и Агрессивная внешняя политика) расположены отдельные государства.

Рис. 2 Размещение стран по критериям:
 > Политическое процветание
 > Агрессивная внешняя политика
 у респондентов из Кировограда.

Как видно из рисунка, в представлениях респондентов из Кировограда только США воспринимаются как одновременно политически процветающее государство (независимость и стабильность государственного устройства) и как ведущее агрессивную внешнюю политику. Результаты исследования показали, что в сознании жителей Кировограда эти категории не определяют одна другую. Государство может быть политически процветающим и миролюбивым одновременно. Таковыми жители Кировограда считают страны ЕС. Россию жители Кировограда не считают миролюбивым государством, однако Белоруссия, по их представлениям, является более миролюбивой, чем Украина, но более политически отсталой.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Оценочное поле восприятия различных стран обусловлено глубинными категориями сознания, такими как опасность, ее степень и интенсивность. В процессе культурно-исторического развития эти категории трансформировались в социально-политические критерии, несущие в себе как общие, так и национально-специфичные черты.
2. Спецификой менталитета кировоградцев можно считать дифференцированное восприятие различных стран. Так, США воспринимается как агрессивная и процветающая страна, имеющая наиболее

компетентное управление. Напротив, Россия, далекая от процветания и не обладающая компетентной властью, воспринимается также как агрессивная страна.

3. Страны ЕС воспринимаются как наиболее благополучные, с высоким качеством жизни и высокой культурой, являясь в тоже время наиболее миролюбивыми. Такое восприятие стран ЕС обусловлено, видимо, еще влиянием старой мифологии, когда в обыденном сознании Европа воспринималась как потенциальная жертва СССР.

4. Белоруссия и Украина воспринимаются как полностью отсталые страны, причем если на Украине власть оценивается как наименее компетентная и справедливая, то Белоруссия воспринимается как наименее агрессивная страна.

5. Сравнивая оценки различных стран жителями Кировограда можно отметить, что восприятие этих стран во многом обусловлено старыми мифологическими представлениями. Новые политические реалии в наибольшей степени повлияли на восприятие США. Так агрессивная внешняя политика США в Персидском заливе и особенно на Балканах формируют образ США как агрессивной супердержавы, не останавливающейся ни перед чем для продвижения своих геополитических интересов.

Таким образом, анализ ценностного восприятия различных стран жителями Кировограда показывает, что возможно выявление общностей и специфики образов различных стран по критерию ценностного отношения к ним.

Список литературы

1. Попова М. М. Ценностные представления и парадоксы самосознания // Социологические исследования. 1984. № 4. С. 33.
2. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. - Л., 1979. С. 731-732.
3. Albert E. M., Kluckhohn C. A. Selected Bibliography on Values, Ethics and Esthetics. IL, 1959.

4. *Sjoberg C.* Comparative Method in the Social Sciences// Philosophy of Science. 1955. Vol. 22 (2).

5. *White L. D.* The State of the Social Sciences. 1956.

6. *Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L.* Variations in Value Orientations. IL, 1961.

7. <http://aquarun.ru/psih/axib/axib1.html#B>

А. А. Григорьев А. А. Нистратов

Я и другой как носители ценностей: сопоставительный анализ семантических пространств ценностей литовцев и жителей Сыктывкара

В статье рассматривается репрезентация ценностей в языковом сознании респондентов из различных местностей бывшего СССР. Респондентов просили оценить значимость 30 ценностей для «представителей» разных стран. Сравнительный анализ проводился в терминах субъективных семантических пространств. Он выявил некоторые несомненные сходства в оценках респондентов, принадлежащих к разным выборкам и некоторые значительные различия между ними.

Ключевые слова: ценности, семантическое пространство, когнитивная сложность, репрезентация, автохтонное и неавтохтонное сознание.

Исследование, описанное в данной статье¹, входит в цикл исследований, общей задачей которых является выявление образа России в автохтонном и неавтохтонном сознании. Важным компонентом образа национально-государственного образования являются представления о том, какие ценности значимы и какие не значимы для «типичных представителей» его граждан. Например, какие ценности значимы и какие нет для типичного англичанина, какие – для типичного француза и т. д. Выявление значимых для данной общности, по мнению респондентов, ценностей наталкивается на одну сложность. Дело в том, что представления о том, какие ценности значимы для тех или иных народов, могут кардинально различаться у разных групп респондентов. Может быть разным количество значимых ценностей, приписываемых респондентами оцениваемым народам, может различаться их содержание. В случае предъявления респондентам для оценки готового списка ценностей эти предлагаемые ценности могут быть лишь приблизительным описанием их истинных «ценностных категорий», а могут вообще не иметь к этим категориям отноше-

ния. Для преодоления этих трудностей исследователи используют разные методические ухищрения в большей или меньшей степени отвечающих данной задаче, очень распространенным вариантом является использование модификаций метода «семантический дифференциал»². Проведение исследования по данному методу включает следующие этапы:

- подбор шкал-дескрипторов (в нашем случае – ценностей) и объектов оценивания (в нашем случае – представителей стран);
- проведение опроса и математическая обработка (наиболее часто – факторный анализ) результатов;

- интерпретация факторных решений (трактуемых как семантические пространства), состоящая в выделении «смысловых инвариантов» шкал, образующих факторы с привлечением информации о том, какие объекты образуют оппозиции по факторам.

Известный специалист в данной области В. Ф. Петренко говорил о важности первого этапа, и с ним можно согласиться. Действительно, первый этап является критическим, ошибки на нем могут иметь фатальные по-

1. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Образ России в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании» № 06-04-00550а.

2. Литература по методу «семантический дифференциал» весьма обширна: см., напр., [Артемьева 1999; Осгуд, Суси, Танненбаум 1977; Петренко 1997; Osgood 1962; 1980].

следствия для всего исследования. В нашем исследовании необходимо было правильно составить список ценностей, значимость которых для представителей разных стран будут оценивать респонденты. Надо сказать, что поиск, на что при решении этой задачи можно опереться, не столь уж легкое дело. Философы приложили немало усилий для осмысления ценностей: «Философское исследование природы ценностей имеет древнюю историю и обширную библиографию» [Савельев, www.zlev.ru/cont42.htm]. Однако, похоже, они не достигли согласия в основных вопросах, таких как вопрос о том, существуют ли абсолютные ценности. Не лучшим образом обстоит дело и с перечнем ценностей. Более полезными (для решения указанной задачи, разумеется), представляются работы социологов, которых интересуют не абстрактные ценности, а «представленные в сознании людей ценности» [Базовые ценности россиян: 16]. С опорой на результаты их эмпирических исследований нами был составлен список ценностей, используемых как шкалы-дескрипторы.

Респонденты

В исследовании принимали участие две группы респондентов: респонденты из Литвы (40 мужчин и 40 женщин, средний возраст 25 лет), анкета предъявлялась на литовском языке и респонденты из Сыктывкара (38 мужчин и 42 женщины, средний возраст 23,5 лет), анкета предъявлялась на русском языке.

Стимульный материал

Респондентам предъявлялся бланк, представляющий собой таблицу, в которой слева по вертикали был напечатан перечень из 30 ценностей, а сверху по горизонтали были указаны представители 16 стран. Списки ценностей и представителей стран приведены в Приложении. Кроме того, на бланке была напечатана инструкция респондентам и запрашивалась паспортная информация.

Процедура

Респонденты проставляли в ячейках таблицы оценки того, насколько, по их мнению,

каждая ценность значима для представителей каждой из стран. Использовалась шкала оценок 0–5. 0 означал отсутствие значимости данной ценности для представителя данной страны, 5 – максимальную значимость.

Результаты и обсуждение

Обработка полученных данных проводилась по стандартной процедуре, постоянно используемой в психосемантических исследованиях. Оценки респондентов каждой из двух выборок объединялись. Полученные две групповые матрицы оценок (матрица оценок респондентов из Литвы и матрица оценок респондентов из Сыктывкара) подвергались факторному анализу. В качестве «шкал» фигурировали ценности, в качестве «объектов» – представители стран. Результаты факторного анализа представлены в Приложении.

Как видно из результатов факторного анализа, в данных респондентов из Литвы выделилось 5 факторов, взявших на себя примерно 13,7; 13,6; 11,9; 11,6; и 9,6 процентов суммарной дисперсии, а в данных респондентов из Сыктывкара – 8 факторов, взявших на себя примерно 9,1; 9,1; 8,9; 8,2; 8,0; 7,8; 6,9; 6,3 процентов суммарной дисперсии. Можно ли на основании этого сказать, что сыктывкарские респонденты «когнитивно сложнее» литовских респондентов в том, что касается исследуемого фрагмента страноведческих знаний? Рассмотрим состав выделившихся факторов.

В первый фактор, выделившийся в литовских данных, вошли (в порядке убывания нагрузок) следующие ценности: «власть», «безопасность», «достаток», «образование», «независимость», «здоровье»; в первый фактор, выделившийся в сыктывкарских данных – «достаток», «образование», «богатство», «прогресс», «безопасность». Можно говорить об известном сходстве состава первого фактора в данных двух выборок – вероятность случайного совпадения представляется (хотя вероятности желательного считать) невысокой. «Пересекающуюся» часть составляют ценности «достаток», «образование» и «безопасность». Допустимо будет считать эти два фактора вариациями одного фактора, обусловленными «местны-

ми особенностями». Этот фактор можно назвать фактором спокойствия, благополучия и благосостояния. У литовских респондентов в этот фактор входит также «власть», причем на первом месте (т. е., они считают, что представители стран, для которых данная ценность значима, имеют тенденцию оценивать как значимые «безопасность», «достаток» и «образование», и наоборот). Происходит ли это потому, что они сами склонны считать власть условием спокойствия и благополучия, или это имеет другое объяснение, мы здесь судить не можем. Заметим лишь, что, во-первых, ценность «власть» имеет положительную нагрузку по первому фактору и в сыктывкарских данных и, во-вторых, по другим сходным данным, которые будут рассматриваться в последующих публикациях, попадание власти и безопасности в один фактор – явление распространенное. Кроме того, у литовских респондентов в данный фактор вошли такие ценности, как «независимость» и «здоровье». Трудно сказать, насколько на появление связи «безопасность» и т. д. – «независимость» повлияли исторические события. Что касается присутствия в этом факторе ценности «здоровье», то оно не вызывает особого удивления.

У респондентов из Сыктывкара в этот фактор вошли также ценности «богатство» и «прогресс». Что касается «богатства», то одно возможное объяснение – для них «богатство» и «достаток» в какой-то мере синонимичны. Другое – сыграло роль то, представители каких стран рассматривались респондентами как эталонные относительно этого фактора (см. ниже). Что же касается прогресса, то его увязывание с жизненными благами вполне согласуется с ходячей мифологией. Посмотрим, представители каких стран получили по первому фактору крайние значения. Респонденты из Литвы и респонденты из Сыктывкара согласны в том, что наименее значимы ценности, вошедшие в этот фактор, для африканцев и индийцев. Скорее незначимы они также (в этом обе группы респондентов тоже сходятся) для китайцев, грузин, латиноамериканцев и арабов. Все это – жители неевропейских стран. Многие из этих стран именовались

развивающимися странами, странами третьего мира. Какую из этих двух характеристик (неевропейские или развивающиеся) следует прилагать к этим получившим отрицательные значения по первому фактору странам, мы, по крайней мере здесь, сказать не можем. Если бы в списке представителей стран фигурировал японец (не европейская и не развивающаяся страна), мы бы, вероятно, смогли определиться. Трудно сказать, сможет ли это сделать анализ в последующих публикациях сходных данных, где японец фигурирует.

В отношении же того, для кого вошедшие в первый фактор ценности наиболее значимы, между двумя выборками респондентов имеется разночтение. По мнению респондентов из Сыктывкара, они наиболее значимы для американцев, по мнению литовских респондентов, – для шведов. Это расхождение можно объяснить так: Литва – Балтийская страна, а Швеция, пожалуй, наиболее «выделенная» страна этого региона, и поэтому, образно выражаясь, должна находиться недалеко от центра области страноведческих знаний литовцев. Так что неудивительно, что в качестве эталона спокойствия и благополучия у литовцев всплывает в сознании именно Швеция. Республика Коми в Балтийский регион не входит. Респондентам из Сыктывкара вполне естественно было взять в качестве такого эталона самую «выделенную» страну – США. Тем, что американец был для сыктывкарских респондентов эталоном значимости ценностей первого фактора, можно объяснить вхождение у них в этот фактор ценности «богатства». Америка – самая богатая страна и американцы, как многие считают, очень активно стремятся к личному обогащению. Если американец, будучи «эталонным», получает высокие оценки по другим входящим в фактор ценностям, то это должно повышать их корреляцию с богатством, что может привести к включению ценности «богатство» в фактор. «Эталонностью» американца для респондентов из Сыктывкара можно объяснить и то, что у них ценность «безопасность» имеет по первому фактору небольшую нагрузку – Америка представляется не столь уж безопасной страной.

Положительными значениями, как у литовских респондентов, так и у респондентов из Сыктывкара характеризуются, кроме американцев и шведов, немцы, англичане и французы. Итальянцы, поляки, евреи и русские имеют по данному фактору оценки, мало отличающиеся от нуля.

Второй фактор, выделившийся в литовских данных, образован ценностями «прогресс», «наука», «практичность», «процветание», «богатство», «успех», «труд». В данных респондентов из Сыктывкара ему можно поставить в соответствие два фактора: третий («творчество», «наука», «эффективность», «успех», «эффективность» имеет положительную нагрузку и по второму литовскому фактору) и пятый («практичность», «труд», «правосудие», «процветание»; «правосудие» имеет положительную нагрузку по второму фактору в литовских данных). Кроме того, в данных респондентов из Сыктывкара «успех» имеет положительную нагрузку и по пятому фактору, а ценность «прогресс» имеет положительные нагрузки и по третьему, и по пятому фактору. Близость второго литовского фактора, с одной стороны, и третьего и пятого сыктывкарских, с другой, весьма вероятна. Их можно назвать «фактором труда, успеха и процветания». Однако, заслуживает внимания вопрос, почему по пятому фактору сыктывкарских данных ценности «наука» и «богатство» не имеют положительных нагрузок. Может ли это быть потому, что «наука» плохо соединяется в их сознании с «практичностью», а «богатство» с «трудом»? Это, конечно, лишь предположения, нуждающиеся в проверке (хотя может быть, не заслуживающие ее). Другим различием второго фактора у литовцев и пятого у сыктывкарцев является то, что второй литовский фактор довольно сильно «пересекается» с первым (девять ценностей имеют положительные нагрузки по обоим факторам), а пятый и первый сыктывкарские факторы сравнительно независимы (только две общие положительные нагрузки). Правда, несколько более общего у третьего и первого сыктывкарских факторов – четыре общие положительные нагрузки. При чем тут возникает искушение сказать, что близость этих факторов

асимметрична: если некоторые из ценностей первого фактора связаны с третьим, то никакие из ценностей первого фактора не связаны с третьим; хотя, конечно, факторный анализ, основанный на линейных, симметричных корреляциях, права на такие суждения не дает.

Оценки представителей стран по рассматриваемым факторам, в общем, ниже, чем по первому фактору. Наиболее важны ценности второго фактора, по мнению литовцев, для американцев, наименее – для африканцев. Также значимы они для немцев и китайцев, в несколько меньшей степени – для англичан и шведов. Незначимы они, в первую очередь, для африканцев, а также для латиноамериканцев, индийцев, грузин и, пожалуй (маргинально), поляков. Что касается респондентов из Сыктывкара, то, по их мнению, наиболее значимы ценности третьего фактора для русских, в меньшей мере для китайцев, незначимы, в первую очередь, для африканцев, в меньшей мере для арабов, греков и евреев, а ценности пятого фактора, в первую очередь, для китайцев, в меньшей – для немцев, шведов, в еще меньшей – для англичан и евреев; незначимы же они для латиноамериканцев, грузин, арабов и американцев. Близость к оценкам литовских респондентов прослеживается, но есть и резкие отличия: у сыктывкарских респондентов и по третьему, и по пятому фактору американцы имеют отрицательные оценки (хотя по третьему фактору величина их оценки мала). Немного удивляет, что американцы получили отрицательную оценку по фактору, включающему такие ценности, как «практичность», «труд» и «процветание», и по второму, к тому же, положительные нагрузки имеют «успех», «прогресс» и «эффективность». Может быть, это объясняется влиянием E (фактора оценки), который в чистом виде не представлен ни в одном из факторов, а «распылен» по нескольким.

Третий фактор у литовцев образован такими ценностями, как «удовольствие», «любовь», «творчество», «комфорт», «свобода личности», «демократия» и «свобода» (стоит заметить, что у литовцев «комфорт», «свобода личности» и «демократия» появля-

ются «в связке»: мало того, что они входят в один фактор – они еще обычно имеют положительные нагрузки по одним и тем же факторам, особенно «свобода личности» и «демократия»). В данных респондентов из Сыктывкара этому фактору можно с достаточной определенностью поставить в частичное соответствие четвертый фактор («любовь», «удовольствие», «свобода») и, менее уверенно, второй фактор («независимость», «свобода личности», «демократия», «здоровье», «справедливость»). Эти два сыктывкарских фактора по-настоящему не связаны друг с другом: ни одна из ценностей, входящая в один из этих факторов, не имеет положительных нагрузок по другому. Получается, что, по мнению литовцев, в сознании представителей, по крайней мере, некоторых стран значимость определенных политических понятий-лозунгов сопутствует значимости удовольствия, любви и комфорта, но этого нельзя сказать про респондентов из Сыктывкара. Хотя и им представляется, что эти понятия-лозунги несут положительную коннотацию.

По третьему фактору, выделившемуся в литовских данных, более высокие положительные оценки имеют итальянцы и французы, менее высокие – греки и американцы; самая большая отрицательная оценка у арабов, за ними в порядке убывания следуют китайцы, евреи и африканцы. В сознании литовцев, таким образом, по этому фактору объединяются жители европейского Средиземноморья. По четвертому фактору, выделившемуся в сыктывкарских данных, по сути дела, имеется лишь одна маргинальная положительная оценка – французов. Не намного лучше обстоит дело и с отрицательными значениями – только шведы оцениваются как не придающие значения ценностям этого фактора (да и их оценка не так уж сильно отличается от нуля). Если бы этот фактор не поддавался интерпретации и не имел соответствия в литовских данных, мы бы посчитали его артефактным. Ценности второго сыктывкарского фактора расцениваются как значимые для итальянцев, французов, немцев, шведов и англичан; как незначимые, в первую очередь, для китайцев, в заметно меньшей сте-

пени – для грузин, русских, африканцев и, уже маргинально, для евреев. Как видим, второй фактор сыктывкарских данных скорее противопоставляет европейцев неевропейцам, в число каковых попали русские, и к которым тяготеют евреи, чем выделяет южных, «средиземноморских» европейцев. Поэтому мы полагаем, что третьему литовскому фактору скорее можно поставить в соответствие четвертый сыктывкарский фактор.

В четвертый фактор, выделившийся в ответах литовских респондентов, вошли следующие ценности: «конформизм», «справедливость», «эффективность», «равенство», «правосудие». Кроме того, по нему имеют положительные нагрузки такие ценности, как «безопасность», «демократия», «свобода личности», «прогресс», «практичность», «свобода», «труд» и «образование». Положительные оценки по этому фактору имеют шведы, французы и немцы; отрицательные – арабы, затем евреи и индийцы. Среди факторов, выделившихся в ответах респондентов из Сыктывкара, ничего нельзя с достаточной уверенностью поставить в соответствие этому фактору.

Наконец, в пятый фактор литовских данных вошли ценности: «религиозность», «родина», «семья», «нац. патриотизм», «долг»; положительные нагрузки имеют: «любовь», «труд», «практичность». В сыктывкарских данных ему соответствует шестой фактор («нац. патриотизм», «семья», «родина»). По мнению литовских респондентов, ценности, вошедшие в этот фактор, значимы для евреев, китайцев, арабов и, маргинально, русских; незначимы они для американцев, африканцев, поляков и шведов. По мнению респондентов из Сыктывкара, они значимы для русских и незначимы для африканцев.

Остались два сыктывкарских фактора, не поставленные в соответствие литовским – седьмой и восьмой. Седьмой фактор образован ценностями «равенство», «долг», «комфорт»; положительную нагрузку по нему имеет также «справедливость». Связка «равенство»-«справедливость» имеет параллель в четвертом литовском факторе, но непонятно, причем здесь «долг» и «комфорт». Положительным значением

по этому фактору характеризуются африканцы, отрицательными – арабы, латиноамериканцы и поляки, что опять же трудно интерпретировать. По-видимому, этот фактор следует признать артефактным.

Восьмой фактор образован ценностями «конформизм», «религиозность», «власть», положительную нагрузку по нему имеет «успех». Положительными значениями по нему характеризуются американцы, евреи и, в меньшей степени, китайцы; отрицательными – французы, латиноамериканцы, африканцы, шведы и индийцы. Этот фактор, вроде бы поддающийся интерпретации по образовавшим его ценностям, становится трудно интерпретируемым, когда мы переходим к оценкам представителей стран. Вряд ли и его стоит относить к информативным.

Между литовскими и сыктывкарскими оценками по факторам есть очень важное для нас различие. По литовским факторам оценки русских мало отличаются от нуля, кроме, может быть, пятого фактора, русские не являются для литовцев яркими выразителями какой-либо группы ценностей. В противоположность этому, респонденты из Сыктывкара самыми яркими носителями ценностей третьего и шестого фактора считали русских. Трудно сказать, можно ли считать это характеристикой различия автохтонного и неавтохтонного сознания, или же здесь проявилось восприятие именно русских; и если это специфика восприятия русских, то насколько она распространена. Возможно, результаты других исследований прольют на это свет.

Сказав об этом различии, отметим еще один важный момент. Шестой сыктывкарский фактор, как мы уже говорили, соответствует пятому литовскому, единственному литовскому фактору, по которому русские у них получили маргинально высокую оценку. Возможно, ценности, образующие этот фактор («нац. патриотизм» и т. д.), входят в общий стереотип русского.

Вернемся теперь к вопросу, поставленному в начале раздела: можно ли, на основании того, что в сыктывкарских данных выделено 8 факторов, а в литовских – только 5, сказать, что сыктывкарские респонденты

«когнитивно сложнее» литовских? Конечно, нет, более того, именно на данном материале хорошо видно, как опасно делать заключения о когнитивной сложности человека или группы на основании только механического подсчета числа факторов, выделившихся в результате факторного анализа. Семантическое пространство ценностей литовских респондентов представляется более организованным и осмысленным. Большее количество факторов, выделившихся в данных испытуемых из Сыктывкара, едва ли является показателем большей расчлененности, дифференцированности их оценок – против этого говорят и трудность интерпретации некоторых факторов, что приводит к подозрению, не являются ли они артефактными, и малые доли объясняемой ими суммарной дисперсии. Скорее, здесь имеет место неупорядоченность оценок, а возможно – плохое понимание некоторых названий ценностей¹.

Список литературы

1. *Артемяева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. – М.: «Наука Смысл», 1999. – 349 с.
2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
3. *Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствознание. – М.: Изд. «Мир», 1972.
4. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. М.: Изд. Московского университета, 1997. – 398 с.
5. *Савельев А. Н.* Ценностные системы и пространство политических предпочтений, www.zlev.ru/cont42.htm
6. *Osgood Ch.* Studies on the generality of affective meaning systems // American Psychologist, 1962.
7. *Osgood Ch.* Lectures on Language Performance. N. Y., 1980.

1. В другом исследовании, где респондентами были жители Подмосковья, ими задавался вопрос: как это, долг – ценность?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Факторные нагрузки (Литва)

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Власть	0,657				
Безопасность	0,586			0,419	
Достаток	0,579	0,491			
Образование	0,566	0,436		0,313	
Независимость	0,551		0,482		
Здоровье	0,476		0,307		
Прогресс		0,637		0,393	
Наука	0,437	0,597			
Практичность		0,594		0,378	0,310
Процветание	0,397	0,566			
Богатство	0,413	0,556			
Успех		0,539	0,498		
Труд		0,401		0,323	0,317
Удовольствие			0,739		
Любовь			0,697		0,363
Творчество			0,573		
Комфорт	0,425	0,413	0,474		
Свобода личности	0,377	0,307	0,466	0,404	
Демократия	0,412	0,339	0,430	0,406	
Свобода			0,420	0,348	
Конформизм				0,731	
Справедливость	0,404			0,617	
Эффективность		0,528		0,596	
Равенство	0,476			0,536	
Правосудие	0,360	0,467		0,477	
Религиозность					0,738
Родина	0,322				0,628
Семья					0,592
Нац. патриотизм		0,325			0,527
Долг	0,441				0,516
Процент суммарной дисперсии	13,7	13,6	11,9	11,6	9,6

Значения по факторам (Литва)

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Китаец	-0,36	0,49	-0,56	-0,05	0,52
Американец	0,36	0,78	0,31	0,18	-0,68
Француз	0,40	0,05	0,73	0,37	-0,12
Англичанин	0,72	0,35	-0,01	0,28	-0,11
Немец	0,70	0,55	-0,13	0,34	0,11
Итальянец	0,16	-0,10	0,77	-0,06	-0,09
Грузин	-0,26	-0,45	-0,07	-0,18	0,12
Швед	0,90	0,34	-0,19	0,44	-0,33
Грек	0,25	0,01	0,40	0,11	-0,10
Поляк	-0,01	-0,30	-0,01	0,36	-0,46
Латиноамериканец	-0,52	-0,57	0,24	-0,01	-0,02
Еврей	-0,01	0,29	-0,49	-0,47	0,55
Африканец	-1,14	-0,95	-0,38	-0,15	-0,47
Индиец	-0,86	-0,51	0,00	-0,42	0,27
Араб	-0,30	-0,07	-0,65	-0,87	0,51
Русский	-0,04	0,12	0,03	0,14	0,30

Факторные нагрузки (Сыктывкар)

	Факторы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Достаток	0,676							
Образование	0,562		0,483					
Богатство	0,540	0,321	0,321					
Прогресс	0,473		0,381		0,357			
Безопасность	0,421					0,347		
Независимость		0,658				0,329		
Свобода личности		0,607						
Демократия		0,573	0,327					
Здоровье		0,552			0,347	0,338		
Справедливость		0,454					0,394	
Творчество			0,701	0,306				
Наука			0,685					
Эффективность		0,311	0,466		0,350			
Успех			0,361	0,334	0,359			0,346
Любовь				0,742				
Удовольствие	0,370			0,725				
Свобода				0,635				
Практичность					0,694			
Труд					0,646			
Правосудие		0,519			0,575			
Процветание	0,320	0,411			0,445			
Нац. патриотизм						0,711		
Семья						0,665		
Родина			0,389			0,663		
Равенство							0,822	
Долг				0,352			0,510	
Комфорт	0,368						0,506	
Конформизм								0,750
Религиозность	-0,442							0,506
Власть	0,347		0,343				0,332	0,464
Процент суммарной дисперсии	9,1	9,1	8,9	8,2	8,0	7,8	6,9	

Значения по факторам (Сыктывкар)

	Факторы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Китаец	-0,39	-0,95	0,51	-0,07	1,11	-0,05	-0,00	0,41
Американец	1,21	-0,05	-0,27	-0,13	-0,41	-0,27	0,21	0,89
Француз	0,78	0,55	0,23	0,30	-0,12	-0,14	-0,12	-0,51
Англичанин	0,73	0,36	0,07	0,03	0,40	-0,18	0,27	0,06
Немец	0,80	0,48	0,22	-0,16	0,64	0,15	0,25	-0,10
Итальянец	-0,03	0,65	0,23	0,13	-0,08	0,04	0,04	0,01
Грузин	-0,51	-0,38	-0,19	0,04	-0,56	0,23	-0,23	-0,02
Швед	0,33	0,37	-0,20	-0,45	0,58	-0,16	0,28	-0,37
Грек	-0,03	-0,14	-0,33	0,03	-0,18	-0,06	0,21	-0,24
Поляк	-0,17	0,01	-0,16	-0,08	-0,14	0,20	-0,32	-0,02
Латиноамериканец	-0,35	0,21	-0,28	0,08	-0,62	0,11	-0,36	-0,45
Еврей	0,09	-0,30	-0,32	0,07	0,33	0,28	-0,06	0,84
Африканец	-1,05	-0,32	-0,57	0,17	-0,11	-0,84	0,49	-0,43
Индиец	-1,01	-0,10	0,15	0,05	-0,16	-0,27	-0,07	-0,31
Араб	-0,60	-0,06	-0,37	-0,18	-0,46	0,10	-0,59	0,25
Русский	0,19	-0,35	1,29	0,16	-0,21	0,84	-0,00	-0,02

А. Е. Тарасов

Образ России как элемент внешнеполитического планирования

Глобализация потребовала формирования механизма организации совместной деятельности по решению проблем, которые не могут быть решены в границах одного государства. Совместная деятельность разных государств предполагает осуществление межкультурной коммуникации в виде порождения и интерпретации политических текстов. Адекватная интерпретация инокультурного политического текста требует создания комплекса знаний у адресата текста, компенсирующих разницу культур. Проблема осложняется наличием этнических стереотипов, отражающих исторический опыт общения разных народов. Для решения этой проблемы необходимо выработать методики, позволяющие оценивать скрытые образы сознания и на основе полученных данных разработать программу внешнеполитических действий, направленных на формирование положительного образа страны.

Ключевые слова: образ России, внешнеполитическое планирование, политический дискурс, политический текст, анализ инокультурного текста, межкультурное взаимодействие, глобализация.

Введение

Процессы глобализации, оказывающие влияние на все стороны современной жизни, не могли не затронуть такую социально важную часть человеческой жизни как политическая деятельность. Современная политика неузнаваемо изменилась за последние полвека: на смену политическим гуру и правящим кланам пришли обезличенные представительские демократические системы; время, отпущенное на анализ ситуации и принятие решения, значительно сократилось, а деструктивная способность человеческого общества возросла во много раз. Современные государства уже не могут проводить политические действия без учета мнения общественности как внутри страны, так и за рубежом. Сам процесс принятия решений кардинально изменился: современный политический деятель играет, скорее, представительскую и мобилизующую роль, «продавая» решения, подготовленные группами экспертов. Иными словами, среди функций публичного политика значительную часть занимает деятельность по порождению и предъявлению политического текста в различных формах: публичных выступлениях, статьях в прессе и т. д. Анализ действий различных политиков в кризисных ситуациях показывает, что эффективное решение проблем обеспечивается комбинацией мобилизующего воздействия политика и деятельностью соответствующих служб.

В современных условиях внешнеполитическое планирование, особенно, если речь идет о совместных действиях, предполагает ориентирование в намерениях друг друга. В этой связи в политической науке встает проблема интерпретации политических текстов, решение которой позволило бы, с одной стороны, выносить суждение о политическом действии до того, как само действие будет совершено, а с другой, снизить элемент неопределенности в международных отношениях.

Современные демократические институты существуют в условиях гласности и обязаны описывать свою деятельность, что открывает большие возможности по анализу деятельности того или иного института. Однако процесс анализа сильно усложняется, если автор текста и исследователь принадлежат к разным культурам: на проблему интерпретации текста как такового накладывается проблема интерпретации культурных образов, имплицитно включенных в текст. По мере углубления процессов глобализации и увеличения числа межкультурных контактов необходимость разработки методов интерпретации текстов будет возрастать.

Текст, и политический текст здесь не является исключением, существует в рамках определенного культурного контекста. Культурная специфика текста определяется знаниями, которые присущи носителям данной культуры, разделяются ими и используются

при восприятии текста. В случае коммуникации в условиях глобализации порождение и восприятие политического текста превращается в процесс межкультурного взаимодействия. В этом случае имплицитный неосознаваемый культурный контекст можно рассматривать как образ одной культуры в понимании другой, или иными словами, восприятие (и анализ!) политического текста происходит сквозь призму представлений о другой культуре: в структуру понимания инокультурного текста включается имидж или образ страны, носитель культуры которой является автором текста. Таким образом, анализ образа другой культуры – другой страны – становится неотъемлемой частью политического анализа.

Исторические корни политического анализа¹

Политический анализ XVIII–XIX веков сводился в основном к определению уровня угрозы военного вторжения и был направлен, в первую очередь, на выявление степени боеготовности противника и его намерений в ближайшем будущем. Основным способом получения информации для анализа было нелегальное и легальное получение сведений и документов, которые давали бы представление о возможностях и желаниях противника. Информация носила преимущественно военно-технический и экономический характер. Получение информации было сопряжено с определенным риском в силу того, что потенциальный агрессор стремился ограничить доступ представителей потенциальных целей нападения к своим секретам. Это приводило к тому, что количество мате-

1. Для целей данной работы политический анализ понимается как комплекс мероприятий, направленных на достижения максимально возможного ориентирования в намерениях противника. Политический анализ включает в себя, помимо прочего, разведывательную деятельность, углубленное изучение стран, рассматриваемых как вероятные противники или конкуренты. Подробное описание теоретических основ и методологии политического анализа содержится в [Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. – М.: Аспект-Пресс, 2006].

риалов, доступных для исследования, было незначительным. К тому же задачей анализа был ответ на вопросы, кто нападет и когда, в силу чего применение тонких методик анализа информации не было необходимым.

Конец XIX – начало XX века ознаменовались попытками преодолеть ситуацию взаимного недоверия и стремления к достижению своих политических целей путем военной агрессии. Череда войн и революций, прокатившихся по Европе, диктовала настоятельную необходимость формирования норм политической коммуникации, которая бы основывалась на диалоге, а не на насилии. Процесс создания механизма политической коммуникации шел как на национальном, так и на международном уровне. Особенно активно формирование политических языковых универсалий шло в международных отношениях, где способность находить *общий язык* была условием достижения успеха. Универсализация политической коммуникации не обошла и общественные науки. Так, например, теория К. Маркса о классовой борьбе изначально заключала в себе тезис о ее применимости в любом государстве, независимо от культурных особенностей². Более того, данная теория претендовала на определенную глобальность³.

ООН – крах попытки создания универсальной политической парадигмы

Практическая реализация теории К. Маркса в отдельно взятой стране породила новую, доселе неизвестную форму соперничества между странами – «имиджевое соревнование». Не имея возможности сокрушить Советскую власть в России военным путем, Запад, однако, был способен не допу-

2. Манифест коммунистической партии содержал такой пассаж: «Пролетариям нечего терять кроме своих цепей, приобретут же они *весь мир*».

3. Глобальность подхода К. Маркса не должна вводить в заблуждение. В те времена в политической науке господствовал европоцентризм, который рассматривал все европейское как некий универсальный стандарт. *Европейская война 1914–1918 годов* получила название *Мировой*.

стить дальнейшего распространения революционных идей на штыках Красной Армии. Патовая ситуация в военной области породила сначала соревнование в экономической сфере, которое, однако, не имело большого политического значения в силу определенной закрытости экономик соперников. В результате наиболее эффективным способом воздействия на геополитического соперника стало проведение широкомасштабной пропагандистской компании по дискредитации образа жизни и морально-этических норм соперника и привлечению к сотрудничеству других стран. Соперничество, таким образом, был перенесено в сферу идеологии.

Параллельно в системе международных отношений шел процесс формирования новых планетарных идеологических установок¹. Значительная часть европейских стран сильно пострадала во время боевых действий и стремилась не допустить повторения этих событий. Стало ясно, что система международных отношений основанная на договорах более чем столетней давности уже неспособна обеспечивать эффективное разрешение политических противоречий и необходима разработка новых основ международных отношений, соответствовавших реалиям того времени и обеспечивающих взаимопонимание.

Решение проблемы взаимопонимания обеспечивается двумя путями: либо создается универсальный язык (или существующий язык объявляется *lingua franca*), в рамках лексико-семантической системы которого осуществляется толкование базовых понятий; либо создается система перевода международных документов, опять-таки, содержащих базовые понятия. Первый подход выглядит более простым и естественным, однако процессы, протекающие в языке, быстро приводят к формированию национально-территориальных вариантов и нарушению взаимопонимания².

1. Этому способствовали, в частности, идеи философов-космистов, в первую очередь, К.Э. Циолковского, которые выдвигали идею целостного неделимого мира.

2. Язык отражает миропонимание и культуру его носителей. В силу того, что создать единую культуру невозможно из-за различия в условиях жизни и историческом опыте разных народов,

Когда создавалась Организация Объединенных Наций, была предпринята попытка реализовать другой подход. Базовые понятия международных отношений были включены в документы, которые были переведены на другие рабочие языки ООН таким образом, что все документы считались идентичными, а толкование всех понятий – однозначным. Поначалу такой подход оказался успешным и начал реализовываться в других областях человеческого взаимодействия. Однако в дальнейшем эта система оказалась неспособной предложить рутинный механизм толкования понятий, и внутри ООН также продолжилось идеологическое соперничество.

К сожалению, деятельность ООН вряд ли можно назвать успешной. ООН не смогла разрешить ни одного вооруженного конфликта. Более того, ООН не смогла разработать единого понимания правил международных отношений. Так, большинство ООНовских политических и юридических норм допускают широкое толкование, а многих базовых определений (например, определение терроризма) ООН так и не смогла сформировать.

Попытки разработать универсальную политическую парадигму провалились как по политическим причинам (ООН стала ареной стратегического противоборства сверхдержав), так и по лингвистическим (значение слова постоянно изменяется, поэтому зафиксировать одно значение раз и навсегда невозможно).

Начавшаяся в 1950-х годах гонка ядерных вооружений уже через несколько лет привела к невозможности разрешения конфликта между мировыми центрами силы военным путем и способствовала дальнейшему обострению имиджевого соревнования, порой принимавшего причудливые формы, например, соперничество космических программ или конкуренцию в сфере высоких технологий. В результате имиджевый конфликт окончательно утратил связь с военной

создание единого искусственного языка (например, эсперанто) или использование какого-либо существующего языка (например, французского, как это было сделано в Лиге Наций) для организации межкультурного общения в широком диапазоне предметных областей не представляется возможным.

мощью и превратился в часть глобального политического дискурса.

Международные отношения как вид коммуникации

Рассмотрение политической деятельности как системы коммуникаций в рамках политических процессов не является чем-то новым. Коммуникативный взгляд на природу власти и политики, традиции политического анализа как коммуникативной практики присутствуют в трудах античных мыслителей (Платон, Аристотель, Цицерон) и получили дальнейшее развитие в работах деятелей Средневековья и Нового времени (Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Д. Юм, В. Соловьев, С. Франк). Коммуникативное направление в политической науке развивается и по сей день.

Эти исследования закрепили в политологии положение о том, что коммуникативная традиция политического анализа позволяет наиболее полно и всесторонне осмыслить международные отношения как специфический вид и результат политической деятельности, осуществляемой политическими субъектами в публичной сфере, в аспектах господства, подчинения, паритетности. Анализ проблемы с учетом этих особенностей международных отношений позволяет выявить специфику дискурса.

Разработка понятия «дискурс» и методологии анализа дискурсивных политических практик (политический дискурс-анализ) предприняты Р. Бартом, М.М. Бахтиным, Р.М. Блакаром, Т. А. ван Дейком, М.В. Йоргенсеном, М.Л. Макаровым, С.В. Мироненко, Р. Полборном, Л. Филлипсом, М. Фуко, У. Эко¹. Специальным проблемам структуры

1. Барт М. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1994; Бахтин М.М. Вопросы литературной эстетики. - М., 1975; Он же. Эстетика словесного творчества. - М., 1979; Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования) // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М., 1987; Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. - М., 2000; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003; Мироненко С.В. Психологическая репрезентация власти. - М., 2006; Полборн Р. Воля и власть. - М.,

речевых актов, субъекта речевого сообщения, верификации суждения в аспекте истинности, механизмов экспрессивности в языке, бинарным структурам мышления в связи с динамикой знаковых систем посвящены работы Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Владимировой, Ю.И. Левина, Ю.М. Лотмана, Е.В. Падучевой, В.Н. Телии и других авторов².

При данном подходе появляется возможность исследовать политический дискурс как структуру понимания, индивидуальной и групповой рефлексии, существующую в национальном лингвокультурном континуме международных отношений, в процессуальном смысле выступающую в качестве механизма формирования и развития международных отношений.

Глобальный политический дискурс изменил саму суть политического анализа. Если раньше стороны стремились скрыть свои намерения и сознательно вводили другую сторону в заблуждение, то теперь развитие средств доставки ядерного оружия и космической разведки сделали сокрытие своих намерений чрезвычайно опасными. Опыт Карибского кризиса показал, что неправильная интерпретация действий другой стороны чревата глобальной катастрофой и что необходимо разрабатывать новые механизмы взаимопонимания.

Глобализация как новый контекст внешнеполитического планирования

Настоятельную необходимость разработки новых способов взаимопонимания дискурса

2006; Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. - Харьков, 2004; Фуко М. Археология знания. - Киев, 1996; Эко У. Отсутствующая структура. - СПб., 1998.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М., 1999; Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. - М., 2006; Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. - М., 1974; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст - Семиосфера - История. - М., 1996; Падучева Е.В. Семантические исследования. - М., 1996; Телия В.Н. К проблеме связного значения слов: гипотезы, факты, перспективы // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. - М., 1995.

туют процессы мирового развития, которые формируют политический контекст международных отношений.

Мировая политическая ситуация в конце 90-х годов развивается под влиянием двух противоположных тенденций: глобализации международных отношений и роста националистических устремлений¹. В условиях глобализации национальные институты начинают играть меньшую роль по сравнению с наднациональными органами, обеспечивающими интеграцию и взаимодействие государств. Наибольшим образом глобализация проявляется в области информационных обменов, торговли энергоносителями и некоторыми видами растительного сырья (хлопок, чай, зерно), воздушного транспорта, массовой культуры и финансов. Рост националистических устремлений проявляется как проводимая государствами и группами внутри государств политика, способствующая независимому развитию нации (без учета глобальной ситуации) и укреплению национального самосознания. Рост националистических устремлений является следствием осознания нацией себя как группы. Подобная политика может принимать различные формы от экономического протекционизма и сепаратизма до ксенофобии и национально-расовой дискриминации. Существующие международные организации в большинстве своем проводят политику, направленную на снижение влияния националистически настроенных государств или групп внутри государств. К числу подобных организаций относятся, в первую очередь, Совет Безопасности ООН и Всемирная торговая организация.

Глобализация считается закономерным следствием бурного технологического развития транспорта и средств связи², которые

1. Очень часто этот процесс обозначают как процесс «национальной самоидентификации». См. например, [Khoury R. «Missing Identity»// *New Routes*, Vol. 1, №2, 1996, P. 9-11].

2. Современные средства связи сократили время передачи значительных объемов информации, что особенно проявилось в появлении всемирных телевизионных служб, например, CNN. Развитие авиационных перевозок способствовало сокращению времени перевозки грузов до часов. Подробнее см., например, [Cable V. «The new trade

способствовали созданию мирового финансового рынка и транснациональных компаний³. Это привело к ослаблению влияния государств на экономическую и политическую ситуацию в своих странах. Более того, появляются мнения, что национальное государство как политический институт находится в глубоком кризисе⁴. Эти мнения – результат кажущейся неспособности отдельно взятого государства контролировать транснациональные компании и финансовые потоки и эффективно регулировать международный информационный обмен по глобальным сетям связи⁵. Некоторые исследователи полагают, что национальные государства уже неспособны обеспечить «политическую, военную, экономическую, социальную и культурную безопасность своих граждан»⁶. Во многом это обусловлено тем, что окончание холодной войны и разрядка международной напряженности сильно уменьшили роль военной мощи в мировой политике. Развитие международного гуманитарного права, деятельность антимилитаристских организаций и отсутствие видимого противника серьезно осложнили оправдание использо-

agenda: universal rules amid cultural diversity» // *International Affairs*, Vol. 72, №. 2, 1996, стр. 228-235; Kotait A. «Is There a Lessening of State Sovereignty or a Real Will to Cooperate Globally» // *Air and Space Law*, Vol. 20, №. 6, 1995 стр. 288].

3. См. например, [Wolf M. «Cooperation or conflict? The European Union in a liberal global economy»// *International Affairs*, Vol. 71, №. 2, 1995, 325-337].

4. Среди многочисленных публикаций на эту тему можно выделить несколько работ, которые можно назвать «знаковыми»: [Creveld M. «The Fate of the State»// *Parameters*, Spring 1996; Ohmae K. *The End of the Nation-state*, The Free Press, Simon & Shuster Inc., N. Y., 1995].

5. Спектр литературы по данной проблеме необычайно широк. Нам хотелось бы выделить следующие работы, которые, по нашему мнению, отражают разнообразие подходов к данной проблематике в разных странах. [Information Security: Computer Attacks at Department of Defense Pose Increasing Risks, U.S. Government Printing Office, Washington D.C., 1996; Molander R. C., Riddle A. S., Wilson P. A. *Strategic Information Warfare*, RAND, 1996; Ohmae K. Указ. соч. стр. 3-4].

6. Creveld M. Указ. соч. стр. 4-5.

вания военной силы в глазах общественного мнения¹. Причем аргументация против применения военной силы изменилась, и всё чаще стали говорить о гуманитарных катастрофах как о неизбежных последствиях военных конфликтов².

Ядерное оружие объединило мир, сделав все страны одинаково уязвимыми, однако, отсутствие явной военной угрозы супердержавам серьезно снизили его военное значение³. В настоящее время ядерное оружие является скорее признаком определенного политического статуса страны⁴.

Еще одним фактором глобализации является появление глобальных проблем, которые не могут быть эффективно решены без сотрудничества с другими государствами или, по крайней мере, без учета их интересов⁵. Глобальные проблемы включают среди прочих: экологические проблемы, распространение технологий двойного назначения – гражданских технологий, созданных на основе военных технологий и сохраняющих свой военный потенциал, незаконный оборот оружия и ядерных технологий и международная организованная преступность.

Процесс глобализации встречает упорное сопротивление со стороны национальных правительств и этнических групп, которые представляют правительства. Глобальная экономическая интеграция способствует созданию мирового открытого рынка, кото-

рый, считается, должен действовать в соответствии с принципами свободной торговли и честной конкуренции⁶. Открытость внутреннего рынка при отсутствии международного антitrustового и антимонопольного законодательства может быстро ослабить экономику страны в пользу более развитого государства. Более слабая в экономическом или технологическом плане страна может потерять целые отрасли промышленности, которые не могут выдержать конкуренции с иностранными компаниями, и попасть, таким образом, в зависимость от других стран. Как указывалось выше, ядерный удар направлен, прежде всего, на подрыв экономического потенциала противника. Открытость внутреннего рынка позволяет подорвать экономику противника или захватить контроль над ней, не прибегая к военной силе. Например, в шоу бизнесе открытость внутреннего рынка приводит к культурной экспансии более развитой или богатой страны на территории менее развитой страны, разрушая ее культурную самобытность. Более того, средства массовой информации могут быть использованы как своего рода идеологическое оружие для дестабилизации политической обстановки в стране⁷. Таким образом, глобализация угрожает национально-культурной идентичности этнических групп, и если не будет разработан механизм сохранения культурной идентичности, этнические группы будут препятствовать глобализации. Попытки создать систему международных или общечеловеческих приоритетов имеют тенденцию возвести с помощью глобалистской риторики национальные интересы в ранг общемировых⁸.

Промежуточное место между глобализацией и национальной самоидентификацией занимает регионализм. Существование регионализма отражает тот факт, что многие страны осознают необходимость сотрудничества во многих областях, но предпочитают

1. См. например, [Strategic Survey 1994-1995, Oxford University Press, 1996, стр. 5-6].

2. В этой связи стоит упомянуть информационный аспект глобализации. Возможность быстро передавать информацию, в особенности, телевизионное изображение в реальном масштабе времени представляет собой мощный фактор влияния на общественное мнение. Так, передачи американской компании CNN, показавшей колонны беженцев из Косово, во многом способствовали тому, что НАТО приняло решение о проведении военной операции в Югославии.

3. *Iklé F. Ch.* «The Second Coming of the Nuclear Age» // Foreign Affairs Vol. 75, №1, 1996, стр. 119-128.

4. *Yost D. S* «France's Nuclear Dilemma» // Foreign Affairs, Vol. 75, №1, 1996, стр. 108-109.

5. *Хозин Г.С.* В ответе перед будущим: в поисках решения глобальных проблем. - М.: Политиздат, 1984.

6. *Sanger D. E.* «Phone Pact: The Exporting of U.S. Values» // The International Herald Tribune, February 9, 1997, стр. 7.

7. *Snyder J., Ballentine K.* «Nationalism and Marketplace of Ideas» // International Security, Vol. 21, №2, 1996, стр. 6.

8. *Sanger D. E.* Указ. соч. стр. 6.

делать это на региональном уровне. На это есть несколько причин. Во-первых, многие региональные международные организации сформировались до появления идеи глобализации: Европейский Союз, НАФТА, АСЕАН. Члены этих организаций находятся территориально близко друг от друга и имеют сравнимый уровень экономического развития. Это облегчает установление транспортного сообщения и международных систем связи. Эти организации часто объединяют страны с близкими культурами (напр., Европейская и Североамериканская культура). Во-вторых, региональные международные организации часто связаны общими проблемами безопасности и в силу этого входят в региональные оборонные организации (напр., НАТО). Региональное сотрудничество может быть тут же направлено на нейтрализацию возможного негативного влияния более крупной или более развитой страны.

Существование регионального сотрудничества ставит под сомнение саму идею глобализации. Действительно, развитые сети связи имеются только в Европе, США и Японии, в то время как уровень качества связи в других регионах весьма низок. Глобализация в области торговли серьезно ограничена существующими таможенными барьерами и протекционистскими мерами (напр., в ЕЭС). Глобализация в области транспорта осложняется иммиграционными правилами и таможенным законодательством. Недавнее заключение Шенгенских соглашений является ярким примером регионального подхода к организации перемещения людей и товаров через границы, который весьма отрицательно сказывается на перспективах свободного перемещения в глобальных масштабах.

Еще одной характерной чертой сегодняшней политической ситуации является отсутствие ясных общих целей внутри политических группировок на национальном и международном уровнях. Отсутствие видимого врага и растущее влияние различных групп, лоббирующих свои узкие интересы, привносит элемент хаоса в процесс принятия политических решений и осложняет анализ политической ситуации.

Процессы глобализации способствовали изменению самого хода политического процесса. На политическую сцену вышли новые негосударственные или международные акторы, которые по своему влиянию уже сравнимы с государствами. При этом новые акторы по своему строению и образу действия радикально отличаются от национального государства. В частности, структура многих новых акторов имеет выраженный сетевой характер: в них отсутствует единый центр, и любой элемент сети может быть по необходимости трансформирован, или ему могут быть переданы другие функции. Сетевые политические акторы обладают свойствами, которые сильно затрудняют анализ их деятельности: во-первых, во многих таких организациях существует система дозированного доступа к информации: член организации владеет теми знаниями о целях и задачах организации, которые доступны на его уровне; иными словами, цели и задачи, понимаемые на одном уровне, могут отличаться от тех, которые понимаются на другом уровне; во-вторых, подобные организации являются наднациональными, в силу чего национально-культурная специфика их деятельности трудно поддается идентификации и анализу.

Политическая деятельность и политический текст

Согласно демократической традиции управление государством осуществляется тремя ветвями власти. Специфика деятельности каждой из них отражается в их организационной структуре. Традиционно исполнительная власть сосредотачивается в руках одного лица, с тем чтобы обеспечить быстроту принятия и исполнения решений.

Управление современным государством представляет собой сложный процесс, выходящий за пределы физических и умственных способностей человека. Для разрешения этой проблемы используется практика частичного делегирования полномочий и привлечения экспертов. В идеале эксперт анализирует поставленную перед ним проблему и выдает несколько альтернативных решений на выбор главы исполнительной власти. Глава исполнительной власти

должен не просто рассмотреть какое-либо решение, а добиться его одобрения другими ветвями власти и обществом. Иными словами, глава исполнительной власти осуществляет политический маркетинг решения.

Другой важной функцией главы государства является разъяснение политики руководства страны гражданам. Это, с одной стороны, является политическим маркетингом государственной политики в контексте национальной идеи, а с другой, отражает мобилизующие функции главы исполнительной власти. Практически в любой ситуации управления государством, будь то техногенный кризис или составление бюджета на следующий финансовый год, роль главы исполнительной власти сводится к мобилизации и воодушевлению наряду с принятием на себя ответственности за принятое решение.

Отсюда следуют два сильных утверждения: 1) основной функцией главы исполнительной власти становится порождение текстов и 2) эти тексты являются доступными для интерпретации, в том числе, и с использованием герменевтических познавательных технологий. Действительно, наилучшим способом выполнения большинства исполнительных функций является создание текстов, которые бы показали позицию исполнительной власти по различным вопросам. Эти тексты документально оформляют политический курс страны и позволяют сформулировать единый подход к решению проблемы в рамках деятельности исполнительной ветви власти.

Сформированные и предъявленные¹ тексты могут быть подвергнуты различным исследовательским процедурам. Однако основной задачей является не понимание текста как такового, а интерпретация текста таким образом, чтобы он стал столь же доступным для понимания представителями другой культуры, что делает возможным использование герменевтических процедур.

1. Демократическая процедура управления допускает наличие скрытых политических текстов, например, военных доктрин, но все же подавляющее большинство текстов широкодоступны, что является необходимым элементом участия граждан в государственном управлении.

Политический текст как лингвокультурный объект²

Функциональный аспект в изучении языка, ориентация на коммуникативный процесс неизбежно привели к выявлению коммуникативной единицы высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение. Такой единицей является текст, который мыслится прежде всего как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами.

Для речевой организации текста определяющими оказываются внешние, коммуникативные факторы. Поэтому порождение текста и его функционирование прагматически ориентированы, т.е. текст создается при возникновении определенной целеустановки и функционирует в определенных коммуникативных условиях.

Коммуникативные условия, или конкретные речевые ситуации, поддаются типологизации, таким образом, и тексты, ориентированные на определенные коммуникативные условия, также должны обладать типологическими признаками. Установлением этих признаков и занимается прежде всего теория текста – научная дисциплина, получившая выход в социолингвистику, психолингвистику³, информатику, функциональную стилистику, теорию перевода и другие дисциплины, связанные с изучением речевой деятельности как процесса и речевого произведения как результата этой деятельности.

Теория текста сложилась как научная дисциплина во второй половине XX в. на пересечении ряда наук – информатики, психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики, книговедения, социологии. Несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, в настоящее время теория текста обладает собственным онтологическим статусом. Теория текста охватывает любые знаковые последовательности,

2. Подробнее см. [Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003].

3. См., в частности, [Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001].

однако основным ее объектом является текст вербальный, поэтому при характеристике и описании текста важны данные, накопленные лингвистикой.

Текст является коммуникативной единицей высшего уровня. Коммуникативность текста понимается как степень его обращенности к читателю. В тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. Так рождается взаимосвязанная триада: автор (производитель текста) – текст (материальное воплощение речемыслительной деятельности) – читатель (интерпретатор). Таким образом, текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора).

Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие: летописец пишет для потомков, специалист-ученый – для коллег, с целью передать свои наблюдения и выводы; даже такой вид текста, как дневник, тоже создается для кого-то – пусть только «для себя». Но «для себя» – тоже определенный адрес. Отсюда и двунаправленность текста: на автора-создателя (может быть, и коллективного) и на воспринимающего читателя.

Текст можно рассматривать с точки зрения информации, отображенной при его производстве или конструируемый при его восприятии, (текст – это, прежде всего, информационное единство); с точки зрения психологии его создания, как творческий акт автора, вызванный определенной целью (текст – это продукт речемыслительной деятельности субъекта); текст можно рассматривать с позиций прагматических (текст – это материал для восприятия, интерпретации); наконец, текст можно характеризовать со стороны его структуры, речевой организации, его стилистики.

С точки зрения анализа, текст можно рассматривать как состоящий из двух частей: эксплицитной – это, собственно, наблюдаемая часть текста, и имплицитной – это некое знание, общее как для автора текста, так и для адресата; в силу того, что эти знания являются общими, отсутствует необходимость эксплицитно включать их в текст. В процессе

интерпретации воспринятого текста адресат достраивает непредъявленную ему часть текста с использованием имеющихся у него знаний, восстанавливая смысл текста. В том случае, если адресат не обладает необходимыми знаниями, процесс восприятия текста требует толкования текста или, иными словами, внесения в текст необходимых элементов, нивелирующих разницу в знаниях автора и адресата текста¹.

В процессе толкования текста возникает проблема выявления объема и характера знаний, которые необходимо включить в текст для того, чтобы адресат текста смог его понять. Дело в том, что зачастую автор текста не осознает до конца, какие знания автор имплицитно включил в текст. Проблема особенно усложняется, если существует разница в культурах автора и адресата².

Политический текст стоит особняком среди функциональных стилей. Отличительной особенностью политического текста является обязательный характер. Всякий раз предъявление текста политическим деятелем является декларацией его обязательств перед гражданами. Иными словами, анализ и интерпретация политического текста позволяют определить намерения политического деятеля, породившего данный политический текст.

Глобализация значительно усложнила схему политического планирования, сводя работу лица, принимающего решение, не столько к выбору одного из решений, предложенных экспертами, сколько к «продаже» или «пиару» этих решений в рамках системы демократического государства. Иными словами, политическая деятельность постепенно превратилась в процесс порождения и восприятия политических текстов.

1. Во многих текстах эта проблема решается введением комментариев в различной форме: предисловия, послесловия и т. п.

2. В качестве примера можно привести выступление Дж. Буша-младшего 11 сентября 2001 года. В его речи можно выделить смысловую цепочку, составляющую основной смысл текста, но практически не идентифицируемую инокультурным читателем. Текст речи построен в виде тезауруса: зло – американский народ – американская армия – американское правительство – американский президент – Бог.

Политические лидеры разных стран помимо прочего отличаются политической культурой, т.е. порождаемые ими тексты являются культурно-специфичными, и для их адекватного понимания требуется применение особых приемов, в частности, любое толкование этих текстов должно по необходимости учитывать национально-культурную специфику страны, лидерам которой данный текст прямо или имплицитно адресован.

Типология политического текста

Политические тексты весьма разнообразны по форме и содержанию. Тем не менее можно выявить несколько общих черт, свойственных данному виду текстов. Так Е. А. Репина считает, что к понятию политический текст относятся: тексты, функционирующие в сфере политики; тексты на определенную тематику, связанную с различными политическими вопросами; тексты, создаваемые человеком, занимающимся политической деятельностью. Кроме того, к особенностям политического текста она относит наличие, как правило, коллективного автора и множественного адресата и нацеленности прежде всего на воздействие на людей для получения вполне конкретного общественно-значимого результата.¹ Схожий подход к определению политического текста демонстрирует и М. Б. Ворошилова.² Следует, однако, отметить наличие текстов, которые по формальным признакам не могут быть отнесены к политическим текстам, но которые тем не менее входят в политический дискурс. К ним в первую очередь относятся художественные и публицистические произведения,³ а также философские работы.

1. Репина Е. А. Политический текст как средство речевого воздействия. Опубликовано на сайте <http://www.psyh-portret.ru/collection/repina.html>

2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе. Политическая лингвистика. – Вып. 3 (23). – Екатеринбург, 2007. – С. 73-78

3. К примеру, знаменитое произведение Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» рассматривается многими исследователями как «политический памфлет». См., например, [Калиновский Г. В. Как создается книжная

Тексты, составляющие основу политического дискурса как на уровне отдельной страны, так и на глобальном уровне, можно разделить на три группы⁴:

1. Политическая доктрина. Совокупность научных работ по фундаментальным философско-методологическим проблемам внешней и внутренней политики. К этой группе, прежде всего, относят работы философов, занимающихся философским осмыслением политических проблем, а также работы по истории политики международных отношений. Несмотря на то, что философские работы за редким исключением входят в состав официальных политических документов, именно идеи философов определяют магистральное направление внешней и внутренней политики страны⁵.

2. Политическая стратегия (концепция)⁶. В эту самую многочисленную группу документов входят государственные документы,

иллюстрация. В кн. Художники детской книги о себе и своем искусстве: статьи, рассказы, заметки, выступления / Вступ. ст., записи и примечания. – М., 1987, С. 63-67].

4. Это деление весьма условно. Очень часто тексты из одной группы прямо или имплицитно входят в тексты другой группы. Многие идеи, входящие в официальные документы, были сформулированы в рамках различных философских доктрин и политологических школ задолго до их включения в совокупность официальных политических текстов. Кроме того, зачастую политические тексты в основе своей имеют образы сознания, сформировавшиеся применительно к другим видам человеческой деятельности. Названия групп политических текстов также условны и отражают уровень абстракции, который необходимо учитывать при интерпретации текстов.

5. В подтверждение этой мысли можно привести такой пример. В США популярно представление о роли границы (фронтiera) в американской истории. Концепция фронтiera в частности предполагает необходимость непрерывного расширения границ США – территориальных, духовных и т. д. – для нормального развития страны. Во внешней политике США идея фронтьеризма никак не отражена, но экспансия является одной из основных задач.

6. В англоязычных текстах более популярно слово «стратегия», в то время как в России активно употребляется слово «концепция».

регламентирующие внешнеполитическую¹ деятельность, программные документы различных политических движений и групп влияния, научные работы, описывающие систему национальных политических приоритетов. Эти документы наиболее прямо излагают цели и задачи внешнеполитической деятельности страны, и именно на их основе происходит разработка конкретных внешнеполитических действий.

3. Политические проекты. В отличие от предыдущей группы это самая закрытая группа документов, содержащая планы внешнеполитических актов и путей их претворения в жизнь. Подобные документы становятся достоянием общественности спустя какое-то время, однако их ретроспективный анализ позволяет сделать определенные выводы о внешнеполитических приоритетах страны и возможностях той или иной страны по проведению конкретного внешнеполитического курса.

Образ страны как элемент политического текста

Как указывалось выше, восприятие текста предусматривает «достраивание» или «восстановление» имплицитной части текста, которая не была в явной форме передана адресату текста. Если у адресата текста присутствуют необходимые знания, то текст будет интерпретирован с той степенью достоверности, с какой знания адресата совпадают со знаниями автора текста при условии, что автор и адресат являются носителями одной культуры. В случае межкультурного общения задача усложняется и требуется подключение специалиста-интерпретатора (переводчика), который произведет операцию по трансформации текста из образов одной культуры в образы другой культуры.

Здесь возникают две проблемы: во-первых, образы одной культуры можно трансформировать в образы другой культуры со степенью достоверности прямо пропорциональной

1. Здесь и далее мы будем основное внимание уделять политическим текстам, отражающим внешнюю политику страны, потому что именно внешнеполитические тексты представляют наибольшую проблему при интерпретации вследствие различия культур автора и получателя текста.

тщательности анализа разницы в культурах, иными словами, для более полного понимания текста необходимо время, которое в случае анализа политического текста очень ограничено в силу специфики процесса принятия политических решений; во-вторых, точность интерпретации текста определяется направленностью текста; если автор текста предполагал, что адресатом текста будет носитель одной с автором культуры, то, соответственно, автор текста не стремился к внесению в текст элементов, облегчающих понимание текста представителями другой культуры.

Если автор текста не принял мер к обеспечению понимания текста носителем иной культуры, «достраивание» текста происходит при помощи набора обобщенных представлений о другой культуре (этнических стереотипов), которые бытуют в данном обществе. Совокупность этих представлений обычно именуется образом страны.

Образ страны в глазах носителей другой культуры формируется в процессе межкультурных контактов и в процессе постижения других культур в рамках образовательного процесса. В обществе востребованы специалисты по межкультурной коммуникации (переводчики), которые выполняют функцию посредников в межкультурном общении и способствуют сознательному формированию образа страны.

Образ страны в процессе внешнеполитического планирования

Процессы глобализации, как указывалось выше, поставили проблему организации эффективного взаимодействия представителей разных культур в процессе решения глобальных проблем. Организация взаимодействия предусматривает формирование некоего набора общих знаний, который бы позволил участникам сотрудничества понимать друг друга в процессе совместной деятельности. Иными словами, представителям разных культур необходимо обеспечить адекватную ориентировку в целях и намерениях друг друга.

В силу специфики политической деятельности, в значительной степени ориентированной на порождение политического текста,

возникает необходимость выработки механизмов и процедур интерпретации политического текста, которые бы исключили или хотя бы максимально снизили возможность неправильной интерпретации политического текста и, соответственно, неправильного понимания намерений друг друга. При этом необходимо учитывать, что интерпретация текста никоим образом не сводится к проблеме перевода. Переводчик при переводе учитывает знания адресата перевода и, в том числе, представление адресата перевода о культуре автора переводимого текста. Переводчик стремится к организации эффективной коммуникации, но процесс формирования знаний о культуре автора перевода, чаще всего не входит в его функциональные обязанности.

Задача осложняется тем, что исходя из исторического опыта многовекового соперничества и закрытости, страны не склонны доверять друг другу и проявляют тенденцию скорее к подозрительности, чем к поиску путей к взаимопониманию. Подобная подозрительность выражается в том, что в процессе интерпретации инокультурного текста участники межкультурного общения будут использовать те этнические стереотипы, которые будут соответствовать подозрительному настрою внешней политики.

Таким образом, можно констатировать необходимость учета образа страны в процессе внешнеполитического планирования. Пренебрежение этим фактом неизбежно ведет к неправильной интерпретации текстов внешнеполитических документов и, как следствие, неадекватному ориентированию в намерениях друг друга, что неизбежно ведет к снижению эффективности совместной деятельности в целом и внешнеполитического в частности.

Учет образа страны во внешнеполитическом планировании состоит из двух этапов. Первый и самый важный этап – это выявление содержания образа страны с использованием различных методик. На этом этапе необходимо не только выявить, как воспринимается страна и ее граждане за рубежом,

но и выявить имплицитные неосознаваемые образы, которые способствуют формированию того или иного этнического стереотипа. Выявление этих образов особенно важно для успешного проведения второго этапа – активного формирования положительного образа страны. На втором этапе к деятельности по формированию положительного образа страны подключаются подразделения внешнеполитического ведомства, эффективность деятельности которого во многом определяется успехами в деле положительного представления страны.

Заключение

Процессы глобализации и усложнение государственного управления способствовали повышению роли политического текста в решении многих политических и экономических задач. Использование политического текста представляет собой как проблему создания, или порождения текста, так и проблему его интерпретации и понимания. Национально-культурная специфика политического текста создает дополнительную проблему при интерпретации текста: необходима планомерная деятельность по формированию у представителей иной культуры образа страны – особой совокупности знаний о «нашей» культуре, восполняющих неизбежные пробелы в политическом тексте, которые не могут быть скомпенсированы знаниями, уже имеющимися у представителей иной культуры.

Здесь возникает проблема анализа составляющих образа страны, которые зачастую не осознаются носителями культуры. Требуется разработка и внедрение методик анализа скрытых образов сознания, которые оказывают влияние на формирование понимания страны, носителями другой культуры. По мере выявления таких составляющих возможно учитывать их в процессе внешнеполитического планирования с тем, чтобы компенсировать их возможное негативное влияние и усилить их возможное положительное влияние.

И. В. Журавлев

Методологические проблемы исследования образов сознания (на примере образа мужчины)

В статье рассматриваются методологические проблемы исследования образов сознания, обусловленные фактом производства сознания и существованием идеологии (наличие процессов со скрытыми основаниями и т. д.). Строение и функционирование сознания соотносится с уровневой организацией системы овладения человеком собственной жизнью. В качестве основного противоречия в сознании рассматривается противоречие между характером производства и порядками рефлексии. Это противоречие демонстрируется на примере формирования образа мужчины в России. В процессе анализа вскрывается ряд тенденций, характерных для современной российской культуры.

Ключевые слова: образы сознания, идеальное, идеология, рефлексия, образ мужчины, мужское и женское.

Часть I. Методология

1.1. Отправным пунктом в исследовании образов сознания должно быть понимание идеального как формы деятельности. Напомним, что, согласно Э.В. Ильенкову, идеальное есть лишь там, где форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, превращается для человека в особый предмет, с которым можно действовать, не изменяя самого предмета, формой которого является данная форма деятельности [Ильенков 1962: 226]. Иначе говоря, предмет должен быть введен «...в такую систему отношений, в которой он бы мог сыграть роль зеркала, превращая представление человека в сознательное. Этот предмет должен быть означен и жить в особой форме – в форме языка» [Леонтьев А.Н. 2001: 94]. Именно с этим процессом превращения формы деятельности в «особый предмет» связано появление разных видов значений: предметные значения существуют «на чувственной базе» предметов, вербальные – на «чувственной базе» слов. Хотя метрика разных видов значений оказывается неодинаковой, топология их остается единой [Леонтьев 2004: 119]. Образ сознания – и есть значение, существующее на определенной «чувственной базе»; значение не «присоединяется» к образу, а опосредует само его существование.

1.2. «Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [Гийом 2004: 144]. Эти слова французский лингвист Г. Гийом про-

изнес в одной из своих лекций в 1957 году. Естественно, сама идея опосредованности человеческого восприятия определенным аппаратом *форм* возникла задолго до Гийома; как и всегда, упоминание одного только Канта делает излишними остальные отсылки (Кант, правда, разводил формы чувственности и формы рассудка; он хотел найти общий корень для них, но не мог этого сделать). Естественно также, что в разных школах и направлениях науки понимание этого опосредствования различно; в частности, понятие «языковая картина мира» отнюдь не тождественно понятию «образ мира», употребляемому в современной психологии и психолингвистике.

В психологии деятельности образ мира понимается как «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997: 268]. В одном из своих докладов («Объект психологии и объект в психологии», МГУ, октябрь 2003 г.) А. А. Леонтьев говорил, что деятельность вносит дискретность в «пространство событий», переводит его в «пространство предметов». Тем самым, образ мира определялся как превращенная форма мира, как инобытие мира в системе предметных значений.

Здесь возникает вопрос о соотношении содержания понятий «образ мира» и «языковое сознание». Поскольку язык есть система

значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме [Леонтьев 2004: 125], называть образ мира неязыковым сознанием (как это иногда делается) было бы ошибочно. Но и отождествлять указанные понятия тоже неправильно.

В современной психолингвистике языковое сознание определяется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, ассоциаций, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. В этом определении «свернуты» две идеи. Первая: существуют разные образы сознания (первичные и вторичные) и, соответственно, различные виды знаний: одни формируются в предметной деятельности, другие – в общении (правда, не нужно забывать, что «только теоретический анализ в наблюдаемом социальном взаимодействии вычленяет деятельность без общения и общение вне структуры деятельности – всё это теоретические конструкты» [Тарасов 1992: 33]). И вторая: «манипулирование» образами сознания предшествует «одеванию» мысли в слово (ср. в связи с этим идею Н. И. Жинкина о том, что мысль зарождается в предметно-изобразительном коде [Жинкин 2004]).

Однако любые образы сознания сознательны, т.е. означены, т.е. закреплены языком. Ведь чтобы возникло предметное значение, должно возникнуть и вербальное значение (напомним рассуждения об идеальном: форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, должна превратиться в особый предмет, и т.д.). Но из их генетического единства не следует единство функциональное. Напротив, предметные и вербальные значения образуют разные уровни в системе овладения человеком собственной жизнью. Идея уровневой организации такой системы подразумевает, что движение средств категориального «прощупывания» мира любого уровня создает чувственную базу для форм более высокого уровня [Журавлев И. В. 2008]; соответственно, и «манипулирование» образами сознания относится к словесной форме так же, как «работа» перцептивных схем – к форме

предмета. Слово есть его поиск [Леонтьев 2004: 178].

1.3. Из сказанного следует, что образы сознания как «оформители» потока событий существуют исключительно в самом этом потоке, и, значит, оторвать одно от другого (событие от его объективирующей формы) можно только путем абстракции. Мы это делаем, в частности, для того, чтобы нечто изучать научно (т.е. чтобы задать определенные правила работы с объектом), но при этом мы должны понимать, что образ на уровне его онтологии никогда не есть ставшее, но всегда – становящееся [Леонтьев 2004: 263].

Однако и сами пути (формы) фиксации событийного потока меняются с течением времени (уровневая природа овладения человеком своей жизнью!): они прокладываются культурой и историей. Сознание изменяется, но изменяется оно потому, что, как сказал бы Маркс, изменяются условия производства людьми собственной жизни. Напомню, что, по Марксу, способ производства людьми средств к существованию зависит в первую очередь от того, каковы сами эти средства; люди производят свою жизнь (свой образ жизни, свои представления и т.д.), но в этой своей деятельности они сами обусловлены определенным развитием производительных сил и соответствующим уровнем общения [Маркс, Энгельс 1933: 11-16]. Поэтому и производство сознания надо рассматривать как объективный процесс – несмотря на то, что всегда можно найти субъектов этого процесса и выявить его технологии (истинные причины действий любого агента социальной системы от него обычно скрыты: в этом суть феномена идеологии).

Соответственно, и мера рефлексивности образов сознания может быть различной. Образ мира поддается сознательной рефлексии, но рефлексия осуществляется на уровне вербальных, а не предметных значений. Где есть слово, там, как говорил Бахтин, уже есть идеология (осознать можно совсем не то, что хотел или «должен был» осознать). Именно с феноменом идеологии связано противоречие между тем, что производится, и тем, что осознается (к этому

центральному противоречию мы вернемся во второй части работы).

1.4. Сложность описываемых исследователем образов сознания определяется, в целом, двумя группами факторов. К первой принадлежат факторы, связанные со спецификой самого сознания как многомерного и разнородного феномена, характеризующегося различными порядками рефлексии, наличием процессов со скрытыми основаниями и т. д. (сюда относится и выбор методики исследования). Вторая – это группа факторов, связанных со сложностью и гетерогенностью процесса производства людьми своей жизни, с наличием в нем различных противоречивых тенденций. Задачей исследователя, соответственно, является не просто фиксация образов сознания (их описание), но и выявление совокупности тенденций и противоречий, лежащих в основе формирования описываемых образов. Мы поясним это, обратившись к частной, но весьма интересной проблеме – проблеме формирования образа мужчины.

Часть II. Формирование образа мужчины в России

2.1. При обращении к образу мужчины упомянутое выше основное противоречие раскрывается для нас в двух аспектах. С одной стороны, оно предстает как противоречие между онтологией маскулинности и порядком ее социальной рефлексии, обнаруживаемое при анализе артикулируемых представлений о мужчине/мужском и характеризующее процесс кристаллизации этих представлений в образе мужчины/мужского (противоречие индивидуального и в то же время внешнего плана). С другой стороны, оно предстает как противоречие внутри самого феномена маскулинности (как на онтологическом, так и на рефлексивном уровне), вскрываемое при анализе характера народа, его истории и его образа в других культурах (противоречие на индивидуального и в то же время внутреннего плана).

2.2. Обратимся сначала к онтологии маскулинности. С одной стороны, проблематизация статуса мужчины существенно запаздывает по сравнению с проблемати-

зацией статуса женщины (если феминизм зарождается в конце XVII века и становится общественным движением в XIX веке, то первое мужское движение возникает в США лишь в 1970-е гг.); «мужской вопрос», поэтому, кажется лишь далеким отголоском «женского вопроса». Но с другой стороны, именно мужественность (маскулинность), а не женственность в большинстве культур проблематизирована онтологически. Мужественность – это то, что всегда находится под вопросом; она не дается изначально, ее нужно обрести путем различных инициаций, ритуалов, порой весьма жестоких, далее – ее нужно постоянно демонстрировать и всегда можно утратить [Гилмор 2005]. Иначе говоря, в большинстве культур мужественность в большей мере проблематична, чем женственность. Но именно тогда, когда степени проблематизации мужественности и женственности сближаются, когда сглаживаются различия между онтологией мужского и онтологией женского, – именно тогда статус мужчины максимально проблематизируется в социальной рефлексии, возникает «мужской вопрос».

О континуальности отношения между маскулинностью и фемининностью исследователи начали говорить уже более века назад (З. Фрейд, О. Вейнингер и др.). И, между прочим, уже достаточно давно Э. Фромм обратил внимание на стирание различий между полами, имеющее вполне конкретные причины социального порядка (обретение женщинами права голоса, расшатывание представлений о типично мужских и типично женских занятиях, в т. ч. профессиональных, и т. д.) [Фромм 1998: 118]. Становление культуры постмодерна, рассматривающей такое стирание различий не как девиацию, а как один из возможных путей естественного развития, способствовало дальнейшей деконструкции традиционных представлений о различиях между полами.

Действительно, как это признают многие современные исследователи, в современной культуре происходит сближение полюсов континуума маскулинности-фемининности [Орлянский 2004]. Иначе говоря, учащаются ситуации неразличения или даже инверсии этих полюсов.

2.3. Какова специфика этого процесса в России? Здесь следует напомнить о характерном для русской культуры противоречии между традиционно патриархальным укладом и достаточно большой социальной ролью женщины (вспомним образы Матери-земли, Василисы Премудрой, Богородицы, матушки-императрицы, в настоящее время – солдатской матери и т. д.). Более того, есть основания говорить об «имманентной женственности» русского характера, русского способа видения мира. В связи с этим можно упомянуть оппозицию экстраверсии и интроверсии, употребляя эти термины скорее в этимологическом, чем в психологическом значении. Речь идет о тенденции заполнять собой пространство (выпускать нечто вовне) либо, наоборот, предоставлять его другому (но при этом порождать некий смысл). Россия, вобравшая в себя наполеоновскую армию, тяготеет более ко второй тенденции; Россия, размещавшая ракеты на Кубе – к первой.

Попытаемся раскрыть суть этого противоречия, сопоставив специфику русского характера со спецификой русского языка. Спонтанное овладение навыками аудирования народно-разговорной речи и церковнославянских элементов (*огород* и *ограда*, *ворота* и *врата*, *молодец* и *младенец*, *голосить* и *возглашать* и т. д.) способствовало осознанию русским ребенком различий между бытовым, обыденным, с одной стороны, и возвышенным, духовным – с другой; отсюда – смирение в душевной и богатство в духовной жизни [Журавлев 2002]. Это осознание, в свою очередь, предопределило преобладание в русском характере женского, по преимуществу интровертного пути постижения и преобразования мира (уступить познаваемому объекту, принять его в себя, породить смысл, созерцать целое).

Парадоксальное на первый взгляд сочетание страдательности, уступчивости, жертвенности с креативностью – и есть проявление совершенно особой женственности характера русского народа, женственности, которая может выглядеть как мужественность и даже оборачиваться ею. «Русская душа пронизана и оплодотворена лучом вечно-женственного, но везде, во всех

сферах жизни ищет она норму вечно-мужественного... Вечно-женственное ей дано, а вечно-мужественное – задано», – писал И. А. Ильин [Ильин 1997]. Именно поэтому неправомерным является простое отождествление русскости с женственностью, которое долгое время определяло специфику образа России на Западе («Россия – жена западного человека» [Graham 1912]) и, по мнению некоторых исследователей, было одним из факторов, провоцировавших Запад на агрессию [Солоневич 1991]. «Немцы давно уже построили теорию, что русский народ – женственный и душевный в противоположность мужественному и духовному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. Вся теория построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу. В действительности русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, и он это докажет и доказал уже германскому народу. В нем было богатырское начало. Русские искания носят не душевный, а духовный характер. Всякий народ должен быть муже-женственным, в нем должно быть соединение двух начал» [Бердяев 2005].

О «богатырском начале», упоминаемом Н. А. Бердяевым, свидетельствует хотя бы факт рядоположенности в древнерусских текстах слов, обозначающих *мужа*, с прилагательными, несущими положительную оценку: *бе же добръ Цимисхий, доброзраченъ, тръпельвъ, храбросърдъ, мужеуменъ, ратникъ непобедимъ* (Хроника Константина Манассии). В то же время следует отметить, что сами образы мужчины и женщины в сознании русских не имели четко выраженной полоролевой окраски [Ижванова 2005], причем ситуации несовпадения гендерной принадлежности человека и его внутренне-го мира обычно были поводом для положительной оценки женщины и отрицательной оценки мужчины [Кондратьева 2005]: *она же мужескимъ сердцемъ рече: не причащуся* (Повесть о боярыне Морозовой); *и сердца храбраа доблественыхъ мужей въ женъ слабейшая преложися* (Хронограф 1617).

2.4. Парадоксальная ситуация сложилась в советское время. Можно полагать, что в этот период происходила своеобразная деиндивидуализация маскулинности. Действительно, при явной маскулинности социальной системы с ее фаллическими символами в виде нефтяных вышек и атомных боеголовок (количество и размер которых должны были постоянно увеличиваться) [Паперный 1996] мужчине-индивиду было отказано в сущностных характеристиках маскулинности, каковыми являются автономия, свобода передвижения и принятия решений, независимость (или агорафильность: мужчина – это тот, кто обладает свободой передвижения и действия, как Одиссей или Илья Муромец [Гилмор 2005]). Коллективные ценности, как и следовало тому быть, довлели над приватными (маскулинность с женским лицом), и мужчина-индивид, «приобщаясь» к маскулинности социальной системы, в то же время испытывал сильное влияние со стороны доминантных женских образов (воспитательница, учительница, теща, партия, Родина-мать) – а это усугублялось еще и тем, что каждый пятый ребенок в СССР воспитывался без отца или хотя бы отчима [Кон 2001]. «Демаскулинизация» мужчины шла параллельно с укреплением представления об активной роли женщины как участницы коммунистического строительства. С начала 1970-х гг. И. Кон, затем Б.Ц. Урланис и другие исследователи стали говорить о серьезной, фактически биологической опасности, угрожающей современному мужчине («мужская сверхсмертность») [Урланис 1978]. Декларация мужских проблем в СССР хронологически совпала с декларацией их на Западе (появление мужских бестселлеров У. Фаррелла, М.Ф. Фасто; создание движения «The Men's Liberation» и т.д.).

В период перестройки в Советском Союзе начинается откат к идеологии «естественного предназначения» мужчины и женщины. Декларируя необходимость повышения рождаемости и укрепления семьи, М.С. Горбачев в 1987 г. сказал, что «женская эмансипация зашла слишком далеко, и женщина должна вернуться к своей женской миссии» [цит. по: Скорнякова 2000: 8].

2.5. В общественном сознании России, пережившей сложный период 1990-х гг., можно выделить ряд противоречивых тенденций. Первая – это тенденция к вестернизации, вполне естественно закрепившаяся в результате ломки общественно-исторической формации и перехода к «рыночным отношениям». Вторая – стремление возвратиться к ценностям великой державы, причем уже не столь важной какой, СССР или Российской Империи (двуглавые орлы мирно соседствуют с пятиконечными звездами). Следующие две тенденции – это мощная тенденция стирания гендерных различий, имеющая общекультурный характер, и противоречащая ей тенденция к восстановлению «естественной роли» мужчины и женщины в обществе – сюда относится разработка и внедрение программ по увеличению рождаемости, поддержке семьи, поддержке материнства и т.д. (последняя тенденция обрела статус национального проекта).

Для примера можно обратиться к СМИ и, в первую очередь, к рекламе. Транслируемые мужские ценности (или, лучше сказать, производимые потребности) здесь – это успешность в бизнесе, дорогая машина, потребность быть привлекательным для женщин (туалетная вода «для настоящих мужчин»), а также мужская солидарность: «пиво с мужским характером», «за Машенек», «главное – держитесь вместе, мужики!» и т.д. Транслируемые женские ценности – это привлекательность для мужчин («посмотрим, на что способен *шамту*»), ведение домашнего хозяйства («используйте *калгон* при каждой стирке»), материнство («мама жизнь подарила и мне и тебе»). В современных мужских журналах превалирует трансляция западных ценностей («Playboy», «Men's Health», «Максим»), однако отмечается и менее выраженная тенденция («Андрей») – трансляция потребности приобщения (или возврата) к фаллической культуре могущественной империи, апелляция к образу «настоящего мужика». А. Кабаков в предисловии к новому мужскому журналу «Махаон» писал, что «пора стать настоящими мужиками – при тачках, при бабках, при стволах и при бабах» [цит. по: Ажгихина 2006]. Что касается женских

журналов («Лиза», «Она» и т.д.), то они, в основном, направлены на формирование потребности быть красивой и привлекательной, уметь доставить удовольствие мужчине, хорошо вести хозяйство, вкусно готовить.

Иначе говоря, в СМИ воспроизводится и транслируется в основном патриархальная идея о «настоящем мужчине» (творец, профессионал, успешный, публичный человек, изменяющий мир и самодостаточный) и женщине-домохозяйке (домашнее существо, ведущее хозяйство, ухаживающее за детьми и зависимое от собственной привлекательности для мужчин). Эта тенденция настолько сильна, что по проблеме «противодействия дискриминации по признаку пола в СМИ» проводятся круглые столы и принимаются резолюции [Скорнякова 2004]. В последние годы, правда, намечается и тенденция к созданию образа бизнес-леди, женщины-политика и т.п., что с особым удовлетворением отмечают исследователи-женщины [Ажгихина 2006]. Это уже напрямую свидетельствует о смещении гендерных стереотипов.

Такое смещение, однако, само представляет собою гетерогенный процесс. Так, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2007 году, россияне почти втрое чаще высказываются за сохранение традиционных гендерных ролей в сфере работы и денег, чем за сохранение их в сфере домашней: мнения, что зарабатывать – обязанность мужчины, придерживается 60% опрошенных, а мнения, что домашнее хозяйство должна вести женщина, – только 22%.

2.6. Результаты ассоциативных экспериментов тоже свидетельствуют о невысокой контрадикторности полов, причем образ женщины имеет более выраженную положительную оценку, чем образ мужчины [Горошко 2002; Кирилина 1999]. Информанты, независимо от пола, ассоциируют образ русской женщины с *терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью* (в первую очередь материнской) и *самоотверженностью*. Из положительных характеристик отмечаются *активность, решительность, энергия, целеустремленность, хозяйственность и материнство,*

верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональная теплота. Русские мужчины, оценивая русских женщин, делают акцент не столько на их внешности, сколько на личностных качествах. При этом женщины более критичны к мужчинам, чем наоборот. Из характеристик мужчин часто встречаются *пьяница, сильный, красивый, но не умный* [Кирилина 1999].

Данные проведенного нами в 2007–2008 гг. исследования обнаруживают несколько иную картину, хотя и подтверждают факт размытости образа мужчины и стирания гендерных различий. В исследовании приняли участие 104 студента психологического факультета МГУ. Им было предложено в нескольких словах или фразах охарактеризовать современного мужчину. Из полученных 232 характеристик реакция *пьяница* отсутствовала совсем, и, напротив, преобладала характеристика *умный*. Всего 35 характеристик встречались более двух раз. По мнению респондентов, современный мужчина – *умный* (24), *сильный* (17), *целеустремленный* (11), *ответственный* (8), *безответственный* (7), *немужественный* (7), *успешный* (7), *слабый* (7), *инфантильный* (7), *эгоистичный* (6), *мужественный* (6), *уверенный в себе* (6), *самоуверенный* (5), *самовлюбленный* (5), *образованный* (5), *заботливый* (5), *карьерист* (4), *пассивный* (4), *ленивый* (4), *амбициозный* (4), *активный* (4), *неуверенный* (4), *агрессивный* (3), *любитель женщин* (3), *имеет машину* (3), *надежный* (3), *женоподобный* (3), *добрый* (3), *интеллигентный* (3), *с чувством юмора* (3), *деловой* (3), *практичный* (3), *веселый* (3), *курящий* (3), *ухаживаемый* (3).

2.7. Есть, по-видимому, одна только сфера, в которой не только не происходит стирания гендерных различий, а наоборот, и на бытовом, и даже на законодательном уровне между мужчиной и женщиной проводится достаточно резкая граница (причем границу эту стараются поддерживать даже борцы за равноправие мужчин и женщин). Парадоксальным образом обнаруживается, что современный мужчина... не является отцом.

Существуют государственные программы, нацеленные на то, чтобы создать для мате-

рей максимальный комфорт, общественные организации и движения, защищающие права матери и ребенка и т.д. Статья 38 Конституции РФ посвящена материнству и детству, но в ней нет ни слова об отцовстве. С легкой руки одного из российских политиков обрело популярность словосочетание «материнский капитал». Исключительно женские, материнские проблемы ставятся во главу всех мер и рекомендаций в области семейной и демографической политики. Проблемы мужчин, отцов совершенно не учитываются, а если это и происходит, то лишь в контексте борьбы с алкоголизмом, насилием и рядом других пороков. Фактически, между понятиями «материнство» и «детство» парадоксальным образом поставлен знак тождества. Презумпция недоверия к отцу и презумпция доверия к матери в равной степени узаконены [Журавлев К. В. 2008]. Лишь в последнее время предпринимаются попытки исправления этой ситуации; в частности, в Мосгордуме 26.05.2008 г. на заседании комиссии по культуре и массовым коммуникациям обсуждался вопрос об актуальности создания закона «О поддержке отцовства».

2.8. Формирование образа мужчины/мужского в русской культуре представляет собою сложный и гетерогенный процесс. С одной стороны, оно является отражением более общего процесса стирания различий между полами, характерного не только для русской культуры. С другой стороны, оно двояким образом отражает специфику самой русской культуры. Во внешнем плане это отражение характерных для нее противоречивых тенденций – вестернизации и, наоборот, апелляции к русской идее, русской истории и т.д.; во внутреннем – отражение противоречивости самого феномена мужественности, характеризующей русскую культуру «изнутри» и задающей как ее «имманентную женственность», так и ее «богатырское начало».

Заключение

Основные методологические проблемы, с которыми сталкивается исследователь, изучающий образы сознания, связаны с фактом производства сознания и с невоз-

можностью единого рефлексивного взгляда на сознание, вытекающей из существования феномена идеологии. Неизбежное противоречие между онтологией и характером рефлексии проявляется как на уровне профанного сознания, так и на уровне научного исследования. Часто это противоречие заставляет нас атрибутировать выявляемые тенденции в рефлектируемом материале некоторым агентам социальной системы, якобы извне влияющим на сознание. Исследовать тот или иной образ сознания – значит не только зафиксировать его структуру, но и попытаться выявить тенденции, лежащие в основе его формирования. С этим связана невозможность ограничить изучение сознания только психолингвистическими приемами (либо, наоборот, невозможность задать границы психолингвистики). Исследование образа мужчины вскрывает ряд тенденций и противоречий, характерных для современной российской культуры.

Список литературы

1. *Ажгихина Н.* Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ // Гласность и журналистика: 1985-2005 / Под ред. Я.Н. Засурского, О.М. Здравомысловой. - М., 2006.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. - М.: Эксмо, 2005.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. - М.: РОССПЭН, 2005.
5. *Горошко Е.И.* Образы мужчины и женщины в языковом сознании // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». - М.: Информация XXI век, 2002.
6. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Общая психолингвистика: Хрестоматия / Сост. К. Ф. Седов. - М.: Лабиринт, 2004. С. 47-65.
7. *Журавлев В.К.* Русский язык и русский характер. - М., 2002.

8. *Журавлев И. В.* Психология и психопатология восприятия: пролегомены к теории «зонда». - М.: Издательство ЛКИ, 2008.
9. *Журавлев К. В.* Война против отцов?! Узаконенное отцеубийство в России и в мире // Интернет-публикация. 2008. <http://kirzhuravlyov.livejournal.com/4525.html>.
10. *Ижванова Е. М.* Образы мужчины и женщины в истории России // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 2. С. 321-325.
11. *Ильенков Э. В.* Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. - М.: Издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1962. С. 219-227.
12. *Ильин И. А.* О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Собр. соч.: В 10 т. М., 1997. Т. 6, кн. 3.
13. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999.
14. *Кон И. С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. - Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
15. *Кондратьева О. Н.* Гендерная характеристика концептов душа, сердце и ум в древнерусских текстах // Материалы международной научной конференции «Мужское и женское в культуре» (Санкт-Петербург, 26-27 сентября 2005 г.). Интернет-публикация. <http://sofik-rgi.narod.ru/avtorii/konferencia/sbornik.htm>.
16. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997.
17. *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Издательство Московского психологосоциального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004.
18. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. - М.: Смысл, 2001.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Сочинения. Т. IV. - М., 1933.
20. *Орлянский С. А.* Трансформация образа мужчины в современной культуре. Дисс... канд. филос. наук. - Ставрополь, 2004.
21. *Паперный В.* Культура два. - М., 1996.
22. *Скорнякова С. С.* Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. - СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 225-231.
23. *Скорнякова С. С.* Женщины и власть в России – уроки демократии. - СПб., 2000.
24. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. - М., 1991.
25. *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. - М., 2000. С. 24-32.
26. *Тарасов Е. Ф.* Проблемы теории речевого общения: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. - М., 1992.
27. *Урланис Б. Ц.* Берегите мужчин // Литературная газета. 7 июня 1978 г.
28. *Фромм Э.* Мужчина и женщина. М., 1998.
29. *Graham S.* Undiscovered Russia. London, 1912.

Е. С. Ощепкова

Исследование образа России на примере социальной сферы

Статья посвящена методологическому обоснованию исследования образа страны. В качестве примера приводится анализ социальной сферы, как одной из сфер, вычленяемых в образе России. Предлагается использовать для моделирования образа страны в автохтонном сознании такие источники, как лингвистические и ассоциативные словари, данные социологических опросов и тексты экспертов, функционирующие в СМИ.

Ключевые слова: образ страны, языковое сознание, русский ассоциативный словарь, направления интеллектуальной мысли, социальная сфера, демография, рождаемость, смертность, семья

Образ любой страны представляет собой многомерное и многозначное явление, исследовать которое полностью не представляется возможным. Необходимо построение модели, отражающей основные, существенные черты данного объекта. Применительно к образу России это значит, что для изучения образа нашей страны необходимо построить ее модель в автохтонном сознании. Однако, как уже неоднократно отмечалось, исследовать сознание напрямую невозможно, поскольку все процессы, происходящие в нем, скрыты от стороннего наблюдателя. Именно поэтому сознание исследуется через продукты, порожденные в процессе его функционирования.

Образ России как чрезвычайно сложный и многосторонний объект исследования должен быть расчленен на составляющие для упрощения задачи его описания. Одним из таких делений может стать деление образа России на несколько сфер: социальную, духовную, политическую, экономическую. В каждой из этих сфер мы можем выделить определенные составляющие – темы и подтемы, и уже через функционирование этих

тем и подтем в экспертном и профанном сознании мы сможем описать образ России в автохтонном языковом сознании.

Но в начале несколько слов о методике нашего анализа.

Во-первых, каждое из рассматриваемых нами понятий мы анализируем с точки зрения его устоявшегося значения и употребления. Для этого привлекаются толковые и энциклопедические словари, сборники пословиц и поговорок и т. д. Если слово изменило значение в последнее время, дополнительно используются словари языковых изменений.

Во-вторых, мы выясняем, как это понятие функционирует в экспертном языковом сознании. Разумеется, здесь перед нами встает проблема отбора репрезентативного материала, поскольку о России сейчас пишут практически все. Мы считаем целесообразным выделить основные направления интеллектуальной мысли и уже в рамках каждого направления анализировать наиболее значимых авторов или СМИ, представляющие эту точку зрения. Вслед за авторами книги «Мыслящая Россия» [Мыслящая Россия 2006] можем выделить три таких направления: либеральное, консервативное и социалистическое.

В третьих, мы анализируем, как данные образы функционируют в профанном сознании. Для изучения этого аспекта мы привлекаем обширный материал, полученный

Исследование поддержано грантами
РГНФ № 06-04-00550а «Образ России
в автохтонном и неавтохтонном языковом
сознании»

и РГНФ – НАН Украины № 08-04-91400а
«Образы стран в языковом сознании носителей:
украинско-русские параллели»

а) в результате ассоциативного эксперимента (это словари ассоциативных норм САНРЯ, РАС, САС и данные, полученные в ходе исследования «Базовые ценности россиян»);

б) в результате проведенного нашим коллективом эксперимента по исследованию ценностей носителей языка;

в) в результате массовых социологических опросов (т.е. данные различных социологических институций: ФОМ, ВЦИОМ, Центр Ю. Левады и др.).

И, наконец, мы даем собственную интерпретацию полученным данным и предлагаем свои выводы.

В данной статье речь пойдет о такой сфере, как социальная. Социальная сфера любой страны связана, прежде всего, с такими понятиями как «демографическая ситуация» и «богатые и бедные». Мы положили эти темы в основу описания социальной сферы образа России на современном этапе. Однако объем статьи позволяет нам остановиться только на одной из тем, входящих в данную сферу. Поэтому мы рассмотрим только демографическую ситуацию.

Демографическая ситуация – это состояние демографических процессов и структуры населения в определенный момент или период времени, то есть воспроизводство населения в целом или изменение численности всего населения в результате рождений и смертей.

В экспертном сознании вопросы демографии в целом описываются через следующие образы: «демографическая война» против России [Медведева, Шишова 2006], «демографическая пропасть», «демографическая кривая, с ужасающей скоростью ползущая вниз» [Знаменский 2007], «против нашей страны развязана демографическая война» [там же], «настойчиво конструируемый миф об умирании России» [Тишков 2006], «демография террора» [Левинсон 2002], «вымирание», «геноцид русского народа», «социальная трагедия» и «антирусский проект» [Зиновьев 2003]. Большинство же экспертов, рассуждая на эту тему, используют словосочетания «демографический кризис» и «демографическая катастрофа».

Таким образом, мы видим, что в экспертном сообществе демографическая ситуация в стране вызывает однозначно беспокойство с той или иной степенью паникерства. Не даром самыми цитируемыми словами А.И. Солженицына стали его слова о том, что «Сбережение народа – высшая из всех наших государственных задач» [Солженицын 2006].

Мы видим, что в большинстве случаев, образы экспертного сообщества, связанные с демографией эмоционально насыщены и способны (а может, и призваны?) посеять панику. Слова «война», «пропасть», «ужасающий», «кривая» и т.д. несут очень сильный негативный оттенок, благодаря чему данная проблема становится одной из самых «больных» в нашем обществе.

Как же демографическая ситуация воспринимается рядовыми гражданами?

Если обратиться к социологическим опросам, то, по данным ВЦИОМ (на ноябрь 2006 года), вымирание российского населения из-за низкой рождаемости остается одной из самых реальных опасностей, грозящих России, по мнению испытуемых. 36% считают это вполне реальным, 38% – возможным, но маловероятным, 23% – практически нереальным, 3% затруднились ответить. С другой стороны, по сравнению с апрелем 2005 года число людей, расценивающих эту опасность как вполне реальную резко сократилось, с 58 до 36% [ВЦИОМ 2006].

Если же проанализировать более целенаправленное исследование этого вопроса Фондом общественного мнения, то мы увидим, что очень часто такую позицию задают сами исследователи, поскольку «демографическая ситуация» почему-то сразу рассматривается ими как «демографический кризис» и «депопуляция» [ФОМ 2001].

Как же видят рядовые россияне демографическую катастрофу? Большинство просто объясняют это таким образом: 'рождаемость идет на спад'; 'превышение смертности над рождаемостью'; 'катастрофическая убыль населения'; 'народ деградирует'; 'вырождение русской нации'.

Если же попытаться проанализировать языковое сознание русских по данным Русского ассоциативного словаря, то мы увидим,

что слова «демография» и однокоренные с ним не встречаются ни в виде стимулов, ни в виде реакций. Слово «население» в виде стимулов не представлено, зато встречается в виде единичных реакций в обратных словарях на стимулы занять, коренной, процент, мирный, площадь, а слово «населения» – как реакция на стимулы защита; доход, неопределенность, протест, процент, унижение. Т. о., по всей видимости, проблема «вымирания» не слишком волнует простое население нашей страны не смотря на постоянные «страшилки» журналистов и экспертов. Гораздо важнее другие проблемы – занятость, рост доходов, рост уважения и самоуважения.

Как мы уже показали, в теме «демографическая ситуация» очевидно выделяются следующие подтемы первого уровня: рождаемость, смертность, мобильность населения.

По официальным данным, неоднократно озвученным высшими лицами государства, рождаемость в России постоянно растет. Однако экспертное сообщество в целом скептически относится к решению демографических проблем через повышение рождаемости. Вот высказывания представителей либерального направления:

Доктор исторических наук, профессор Игорь Бестужев-Лада: «Деньги – не важный стимул для женщины в вопросе рождения детей. Важнее обычаи, статус женщины, желание быть равноправным членом общества, ее личная свобода...».

Никита Белых, лидер партии Союз Правых Сил (теперь уже бывший лидер бывшей партии): «Не решить проблему повышения рождаемости и тем более не решить демографическую проблему в целом путем увеличения пособий. Увеличивать пособия надо, но это проблема социальная».

Наталья Манжикова, член Федерального политсовета СПС: «Может быть, нам сегодня нужно заботиться не о механическом увеличении рождаемости, а о качестве здоровья тех детей, которые рождаются, о качестве здоровья их матерей и отцов? Может быть, сегодня необходимо просто изменить отношение общества к женщине?»

Виктор Рудиков, политолог: «К конкретным мерам, предложенным президентом

для повышения рождаемости, я отношусь скептически... Это всего лишь 10 кв. м жилья на сегодняшний день. А каковы цены будут через 3-4 года?»

Борис Надеждин говорит, что демография – бассейн с двумя трубами. Рождаемость заполняет бассейн, смертность – опорожняет. Государство взялось чинить не ту трубу (цит. по [Гудович 2006]).

Социалистическая оппозиция по-прежнему считает, что рождаемость в стране «катастрофически низкая», «падает», необходимо «повысить рост рождаемости», поскольку у нас «катастрофическое положение с рождаемостью», кроме того, в виде «писем простых людей» до читателей доводится мысль о том, что никакого повышения рождаемости нет вообще: «дескать, из Москвы главам администраций установка прошла – говорить, что в их регионе поднялась эта самая рождаемость и снизилась смертность. Это, мол, заслуга самого В. Путина, а то ему шибко не хочется уходить из Кремля с ярлыком: «Президент вымирающей страны». Такое же ЦУ и Росстат получил» [Сорокина 2007].

Таким образом, если про демографические проблемы говорят много и эмоционально, то при разговоре о повышении рождаемости мнения расходятся кардинально.

В первую очередь, как нам кажется, это связано с тем, что никто не может сказать однозначно, как же повысить рождаемость. Во-вторых, эта проблема касается всех развитых стран, где о «катастрофе», «войне» и «яме» не говорят, а пытаются стимулировать рождаемость экономическими методами. А, в третьих, эту тему лучше всего анализировать через образ семьи в автохтонном языковом сознании. Подтверждение этому мы находим и в данных ФОМ. Так, по данным этой организации, простые граждане согласны с тем, что показатели рождаемости сейчас низкие (79%), а также, что рождаемость нужно повышать (90%) [ФОМ 2007]. Однако высказывания рядовых граждан о рождаемости можно свести к следующему: 'мало детей и почти нет беременных'; 'бездетность'; 'рождаемость мала в России'; 'когда не рождаются дети'; 'детей не заводят'; 'молодежь не заводит детей';

'люди меньше рожают детей – это плохо для страны'; 'рождаемость идет на спад'; 'семейные пары не хотят иметь детей'; 'мало детей в семье' (там же).

То есть мы видим, что в обыденном сознании рождаемость связана, прежде всего, с понятиями семьи, детей. Похожие данные мы находим и в РАСе [РАС 2002]. Слово «рождаемость» не встречается там ни в виде стимула, ни в виде реакций, а вот «дети» – это довольно распространенное слово. Реакции на слово-стимул ДЕТИ очень положительные. Дети – *маленькие* (26), они *играют* (17), это *радость* (15), *цветы жизни* (10), *счастье* (8), *наши* (7), *будущее* (5), их должно быть *много* (4), с ними связана *семья* (4), они *умные* (4), ходят в *школу* (4) или *детсад* (3). Как мы видим, даже у студентов, среди которых проводился эксперимент и среди которых не многие сами являются родителями, отношение к детям очень положительное. Отрицательные реакции встречаются только среди единичных и встречающихся два раза. Это *голодные, крик, несчастные, плачут, аборт, балбесы, больные, война, где вы?, надоели, недоноски, ужас, уроды, шумные*. То есть, мы видим, что и отрицательные реакции связаны, в первую очередь, с теми социальными проблемами, с которыми сталкиваются родители при воспитании.

Наше исследование ценностей показало, что любовь и семья – это ценности, которые оцениваются всеми испытуемыми максимально положительно. Кроме того, семья характеризуется как что-то устойчивое, стабильное, безопасное. По сумме всех оценок семья входит в одну группу с такими ценностями как безопасность, комфорт, практичность и равенство и противостоит в первую очередь власти.

Если проследить по трем ассоциативным словарям [САНРЯ 1977; РАС 2002; САС 2004], как менялось отношение к семье с 70-ых годов 20 века до наших дней, мы увидим, что это очень устойчивый образ, не зависящий от социально-политической обстановки в стране. Семья – это всегда что-то очень личное (моя, счастье, любовь), большое (большая – одна из самых частотных реакций), связанное с домом и детьми. Отрицательные реакции очень редки, среди

единичных (например, *распалась, непонимание, плохо, развод*). Нередко семья ассоциируется с общественными понятиями и процессами (*ячейка общества, народ, общество*)

Посмотрим теперь, каково отношение к разным членам семьи.

Слово-стимул РЕБЕНОК присутствует во всех трех ассоциативных словарях: САНРЯ, РАС и САС. И во всех трех случаях мы видим действительно положительное отношение к этому явлению. Ребенок всегда *маленький, мой* и он *плачет*. Это *дитя*, которое противопоставлено *взрослому*. Интересно, что со временем отношение к ребенку меняется в лучшую сторону. Если в РАС реакция *счастье* была единичной, а реакции *любимый* вообще не встречалось, то в РАСе они появляются, а в САСе реакции *радость* и *счастье* становятся одними из самых частотных.

Необходимо, на наш взгляд, отметить еще одну тенденцию. В РАСе на стимул РЕБЕНОК появляются крайне негативные реакции, типа *заболел, горе, без родителей, бестолковый, брошенный, в детском доме, внебрачный, гад, гадкий, катастрофа в жизни, кретин, мерзкий*. Некоторые подобные реакции присутствуют и в САС (*болен, внебрачный, вредный*), но уже намного реже, а реакции, связанные с отказом от детей, отсутствуют вовсе.

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что катастрофическая ситуация, когда ребенок воспринимался в семье исключительно как проблема в связи с невозможностью его прокормить, ситуация, когда детские дома были переполнены, постепенно уходит.

Сейчас, конечно, проблемы остаются. Дети по-прежнему *плачут, капризничают и болеют*, но как катастрофа это уже не воспринимается.

Отношение к родителям в нашей культуре тоже весьма положительное и уважительное.

Например, стимул МАТЬ на всех трех срезах вызывала, в первую очередь, кроме слова *отец*, реакции *родная, моя, любимая, добрая*. Очень часто мать связывается с *Родной* и, разумеется, с *ребенком, любовью, дочерью*. Все по-прежнему помнят и про изведение *Горького* под тем же названием.

Среди характерных изменений последних лет мы можем выявить появление реакций «*твою*» и «*вашу*», составляющих ругательство. В САНРЯ эти реакции отсутствовали вообще, а в РАСе и САСе они входят в 10 самых частых. На наш взгляд, это связано с ослаблением внутренней самоцензуры на ругательства, которые все чаще используются открыто во всех сферах жизни. Другие же отрицательные реакции практически отсутствуют. Зато часто встречаются *самая добрая, самая дорогая, самая лучшая, самое дорогое, самое прекрасное, самый близкий человек, самый хороший человек* и т. п.

ОТЕЦ вызывает больше отрицательных реакций, прежде всего, связанных с алкоголизмом и уходом из семьи: *алкоголик, ушел, гад, гуляет, отсутствует, подлец* и т. п. Однако эти реакции все же единичны. Основными же и самыми частотными являются, кроме самой частотной «*мать*», *мой, родной, любимый, строгий, хороший, добрый* и т. п.

Эта же тенденция характерна и для слова-стимула **ПАПА**. Папа, кроме связи с *мамой* и ассоциаций с *папой римским*, вызывает реакции *мой, добрый, любимый, отец, хороший, родной*. Отрицательные реакции также очень редки.

Почему же при таком положительном отношении к семье, детям и родителям в нашей стране рождаемость – это одна из самых больших проблем? Понять это помогут нам подтемы второго уровня, через которые раскрывается рождаемость. Это, прежде всего, «уровень жизни», «жильё», «здравоохранение», «образование» и т. д. Уровень жизни мы рассматриваем в преломлении к богатым и бедным в соответствующем разделе, а здесь мы подробнее остановимся на таких подтемах как «здравоохранение» и «жильё».

Здравоохранение

Здравоохранение, по определению Большой советской энциклопедии, «комплекс государственных, социальных, экономических, медицинских и др. мер, предпринимаемых обществом для охраны и улучшения здоровья членов этого общества» [Виноградов, Дерябина 1972].

Определение же здоровья меняется. Если у Дала Здоровье «состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» [Даль 1880], то Всемирная организация здравоохранения определяет его уже как «состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов».

Несмотря на то, что здоровье является одной из главных ценностей россиян (да и не только россиян), экспертное сообщество говорит о том, что проблемы в этой сфере огромные. Все так или иначе соглашались, что в здравоохранении сейчас кризис, но выходы из кризиса предлагаются непродуманные или необоснованные.

Обобщая приведенные данные, можно сказать следующее: на уровне заявлений Президента еще в 2004 году прозвучала как обеспокоенность состоянием здравоохранения в России, так и меры выхода из кризиса [Путин 2004].

В последующие годы здравоохранение было включено в национальные проекты, и на уровне правительства ему стало уделяться еще больше внимания. Однако проблемы это не решило, и до сих пор люди часто не получают необходимой медицинской помощи.

Оппозиция и справа, и слева продолжает критиковать правительство за состояние отечественного здравоохранения. Либеральное направление представляет, например, самый цитируемый в рунете доклад по этой теме, подготовленный сотрудниками ГУ-ВШЭ и другими видными учеными-либералами. В нем констатируется, что «Состояние российской системы охраны здоровья населения и здравоохранения как ее важнейшего элемента сегодня можно охарактеризовать как кризисное. Показатели здоровья населения ухудшаются. Обостряются проблемы доступности и качества медицинской помощи. Неблагополучное состояние этой сферы перерастает в серьезную социальную проблему» [Вишневский, Кузьминов, Шейман 2006]. При этом авторы обращаются непосредственно к обществу: «Мы обращаемся к российскому обществу: пора осознать

бедственное и постоянно ухудшающееся положение нашего здравоохранения, пора принимать решения и начинать действовать» [там же].

Коммунисты представляют еще более радикальную точку зрения на то, что происходит в отечественной медицине: «Здоровье нации ухудшается. Свиристуют туберкулез, гепатит, сифилис. Алкоголь и наркотики убивают десятки тысяч людей. Растет число ВИЧ-инфицированных. Но сокращается число медицинских учреждений. Для многих граждан лекарства стали недоступны» [КПРФ 2007].

Хороший критический анализ взглядов представителей различных направлений на здравоохранение дает Вячеслав Глазычев в книге «Социальное меню в программах российских партий» [Глазычев 2005]. В частности, проанализировав предвыборные программы всех (в том числе не существующих больше сегодня политических партий), В.Л. Глазычев показывает, что, несмотря на декларации заботы о здоровье граждан и критику правительства, реальных, действенных механизмов никто не предлагает. Таким образом, в экспертном сознании тема здравоохранения скорее объявляется важной, но остается плохо проработанной и носит скорее декларативный характер.

Как эти мнения отражаются на уровне обыденного сознания.

Здоровье относится к числу базовых ценностей [Базовые ценности 2003]. Это проявляется и в пословицах, главным образом, в следующей: *Здоровье всего дороже (дороже денег). Или Даст Бог здоровья, даст и счастья. Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже.*

По данным исследования, проведенного сектором психолингвистики ИЯ РАН, здоровье как ценность характеризуется как что-то хорошее, устойчиво-привычное, активное, но слабое. Здоровье входит в одну группу с такими ценностями как независимость, процветание, свобода личности, свобода, эффективность. Противопоставляются им беззаконие, одиночество, правосудие.

Если сравнить реакции на стимул ЗДОРОВОБЕ в словарях САНРЯ и РАС, мы увидим, что за 20 лет 10 самых частотных реакций

практически не изменились (хотя, конечно, их количество незначительно поменялось). Здоровье у информантов *хорошее, крепкое, отличное*, но может, конечно, быть *плохое*, когда наступает *болезнь* и нужно ложиться в *больницу*. Здоровье нужно *беречь*, а для этого заниматься *спортом*. Помогают же сохранить здоровье одноименный *журнал и врач*.

Из изменений, произошедших после перестройки, можно отметить следующие: во-первых, ушли такие частотные в САНРЯ реакции как *больной, мама, мамин, надорванное*. Правда, совсем про маму информанты не забыли, т.к. встречаются реакции *мамы и матери*, но общее количество реакций, связанных с заботой о близких, все равно сократилось.

Зато усилилась составляющая ассоциативного поля, связанная с ценностью здоровья: реакции *богатство, железное, мое, радость* были единичными, а стали частотными, и появились такие среднечастотные реакции, которых раньше не было вообще, как: *богатырское, бодрость, в порядке, не купишь, сибирское, народа, отлично, в наших руках, главное, дорого, не вечно, не купить, необходимо, самое главное*.

По данным обратного РАС, реакция «здравоохранение» вызвана стимулами *здраво, медицина, учреждение; здравоохранения – министр, отдел, орган*.

МЕДИЦИНА же у нас связана с *больницей, это – наука, врач, она бесплатная, бессильна, народная, плохая, страховая, бедная, нетрадиционная, платная*.

Отношение к врачу, по данным РАС, скорее положительное. Так, врач *хороший* у 16 респондентов, а *плохой* – у 12. Еще по 6 респондентов дали реакции *добрый и опытный*, а 4 – *внимательный*. Других отрицательных реакций зафиксировано мало.

Что касается социологических исследований, то они часто противоречат друг другу. Однако, обобщая непротиворечивые данные, можно отметить, что в целом граждане скорее не удовлетворены системой здравоохранения в России (по данным Левада-центра, в августе 2008 года удовлетворены здравоохранением 18% граждан (в 2007 году таковых было 14%), не удовлетворены – 58%

(в 2007 году – 64%) [Левада 2008]. То есть, ситуация действительно тревожная. Эти данные подтверждает и ВЦИОМ. Участники их опроса скорее негативно оценивают качество того медицинского обслуживания, которое они получают: более-менее довольны им 34% (в том числе 6% полностью), не довольны 66% (в их числе 24% совсем) [ВЦИОМ 2006]. А вот конкретные высказывания граждан, собранные ФОМ: 'низкий уровень поликлиник, плохое обслуживание'; 'равнодушная медицина'; 'не верю в сегодняшнее медобслуживание'; 'наше министерство здравоохранения гробит здоровье нации'; 'в районных поликлиниках нет даже нужных врачей'; 'плохая диагностика, не знаешь, что лечишь'; 'низкая квалификация врачей'. То есть, наши сограждане, несомненно, очень недовольны медициной. Недоверие к медицине и недовольство медобслуживанием приводит к тому, что в вопросе сохранения здоровья граждане надеются прежде всего на себя [ФОМ 2008].

При вопросе о причинах заболеваний данные ВЦИОМ и ФОМ несколько расходятся. В первую очередь, это связано с тем, как задается вопрос. Если вопрос открытый: «Что, на ваш взгляд, сильнее всего угрожает вашему здоровью», то, по данным ФОМ, это, прежде всего,

экологические проблемы (21%): 'Выбросы в атмосферу, загрязнение воздуха'; 'ядерные отходы, которые у нас захоранивают'; 'вода, воздух, обстановка вокруг'; 'угарный газ от машин'; 'больше всего здоровью угрожает плохая экология';

стрессы, нервные перегрузки (15%): 'От стресса теряю здоровье'; 'большие психологические нагрузки'; 'нервотрепка – отсюда все болячки'; 'непокойная жизнь'; 'нестабильное состояние страны'; 'неуверенность в завтрашнем дне';

заболевания (12%): 'весь организм больной'; 'гипертонический криз'; 'астма у меня'; 'болезнь почек'; 'вирусные заболевания'; 'туберкулез'; 'эпидемии какие-нибудь'; 'инфекции – гепатит, туберкулез'; 'ВИЧ-инфекция'; 'венерические болезни'.

низкий уровень жизни (9%): 'Денег нет: зуб выдернуть – и то деньги нужны'; 'боюсь, что не хватит денег для покупки лекарства';

'безденежье – не могу купить лекарства, лечь в больницу, сделать операцию'; 'денег нет, вот и болею: нужно делать операцию, а денег нет'; 'нет денег – нет здоровья'.

вредные привычки (7%): 'Водка'; 'наркотики, алкоголь'; 'алкоголь, курение'; 'курево, выпивка'; 'табакокурение'; 'вредные привычки, которые у меня есть'; 'никотин';

неправильное питание (6%): 'Неполноценное питание'; 'плохое питание'; 'скудное питание'; 'фальсифицированные продукты'; 'концентраты и плохие продукты'.

обстановка на работе (4%): 'Работа слишком напряженная'; 'тяжелая работа без выходных'; 'много работаю дома, на огороде'; 'работа – все силы ей'; 'рабочий день – более двенадцати часов, нет времени даже пообедать'; 'переутомление на работе'; 'работа на износ'; 'я работаю на вредном производстве'.

возраст (4%): 'Старость'; 'с возрастом появится много болезней'; 'годы'; 'годы уже не те'. и т. д. [ФОМ 2008].

Таким образом, по теме «Здравоохранение» можно сделать следующие выводы: ситуация со здравоохранением в нашей стране приближается к критической. Правительство осознает проблемы в этой области и пытается предпринимать какие-то меры. Эти меры пока помогают плохо, так как необходимы более глубокие преобразования, на которые никто не решается. Коммунисты постоянно ссылаются на уровень медицинского обслуживания в СССР, однако государственники доказывают, что и в СССР с медобслуживанием было лучше только в отраслевых поликлиниках, а с обеспечением лекарств в целом по стране было намного хуже [Глазычев 2005]. Для обычных людей здоровье является одной из базовых ценностей. К врачам наши сограждане относятся скорее положительно, хотя медицине в целом не доверяют. И это положение с медобслуживанием в нашей стране действительно должно измениться, если нам нужно исправить демографическую ситуацию. Поскольку при плохом медобслуживании продолжительность жизни намного уменьшается. Да и качество жизни тоже играет не последнюю роль. Это относится, прежде всего, к пожилым и малообеспеченным гражд-

данам [Лежнина 2008]. Пожилые, малообеспеченные люди страдают из-за эксклюзии, которая еще больше увеличивается, если они заболевают.

Дом, жилье

Жилищный вопрос, или, точнее, жилищная проблема занимает одно из главных мест в сознании большинства наших граждан. О том, как «квартирный вопрос» испортил наших граждан, писали многие и многие (это и семейные склоки, и доносы на соседей в коммуналке, чтобы занять освободившуюся жилплощадь и т. д. и т. п.). Долгое время место проживания вообще называли не домом (какой уж тут дом, если многие жили в комнатах с подселением), а жилплощадью, которую постоянно хотелось увеличить. Хотя, вообще-то, дом – это одна из самых главных вещей в жизни любого человека, любой национальности. С другой стороны, ничто так хорошо не отражает национально-культурную специфику народа, как его представления о доме.

В России жилищный вопрос часто поднимается на уровне президента и правительства. В Посланиях Федеральному собранию В. В. Путин не раз подчеркивал важность для страны решения этой проблемы, которая получила официальное название «жилищной политики». Программа «Доступное жилье» была включена в национальные проекты, однако до сих пор можно прочитать жалобы самых разных слоев населения на то, что в стране нет «доступного жилья», что необходимо «социальное жилье», а строится в основном только «элитное», на покупку которого у подавляющего большинства населения нет средств.

Партии стремятся использовать желание граждан улучшить свои жилищные условия и обязательно включают пункт, связанный с жильем в свои программы. Например, у «Единой России»: «Необходимо, чтобы покупка жилья была доступна обычному работающему человеку со средней зарплатой. <...> снижать цены на жилье ... снизить проценты по ипотеке»; «Яблоко»: «Необходимо создать эффективный рынок недвижимости с разумным государственным регулированием».

Хотелось бы сразу оговориться. Словосочетание «жилищная политика» вызывает однозначно негативное отношение наших сограждан, поскольку слово «политика», по данным ассоциативных словарей, это «грязь» и «дрянь». Поэтому ничего хорошего от дела, которое называется «жилищная политика» наши граждане просто не могут ждать.

Тем не менее, для граждан нашей страны «квартирный вопрос» остается одним из наиболее важных и актуальных. По данным ФОМ, «большинство россиян (62%) оценивают ситуацию с обеспеченностью населения жильем там, где они живут, как «плохую»; четверть (25%) опрошенных – как «удовлетворительную», и только 3% – как «хорошую». Остальные (10%) оценить положение дел с жильем в своем городе или селе затруднились. Распределение мнений за последние два года, т. е. со времени запуска национального проекта «Доступное жилье», практически не изменилось» [ФОМ 2008].

По данным ассоциативных словарей, за последние годы значение **дома** существенно выросло. В этом понятии стало больше личного, положительно окрашенного. Если в 70-е годы, по данным САНРЯ, дом представлял прежде всего как *здание* (самая частотная реакция) или *новый* (тоже реакция, связанная со значением дома как здания), то в РАСе самыми частотными уже становятся *родной, большой и мой*, а последние данные, т. е. САС, показывают уже совсем другую картину: дом теперь вызывает реакции *родной, семья, большой, крепость, квартира, уют*.

Мы считаем, что объяснить это можно тем, что в советское время образ дома сознательно занижался, преподносился как что-то мещанское, недостойное. Теперь же происходит поворот, наоборот, к семейным ценностям, к безопасности. А символом безопасности во многих культурах все-таки является собственный дом. Конечно, в России это пока не так, но страна идет к этому. И главным, как нам кажется, стала массовая приватизация жилья, когда дом стал действительно *своим и родным*. А постепенно превратится и в *крепость*, тенденция к чему уже наблюдается.

Смертность

Однако, как мы уже отметили, демографический кризис связан не только с уменьшением рождаемости. Очень большую и серьезную роль играет также увеличение смертности.

Мы уже приводили слова Б. Надеждина о том, что государство взялось чинить не ту трубу. Т. е. многие согласны с тем, что смертность нужно сокращать.

Действительно, «уровень смертности в стране поднялся с 10 до 16 промилле (человек на тысячу населения) в 1989-1994 годах и с тех пор оставался на уровне 14-16 промилле, что соответствует сокращению средней продолжительности предстоящей жизни на шесть лет – с 70 до 64» [Попов 2008]. Вызывает ужас тот факт, что средняя продолжительность жизни в России, по данным доклада ООН 2004 года, составляет сейчас 58,7 лет для мужчин и 71,8 для женщин. При этом 15 лет назад российские мужчины жили 63,4 года. То есть, несмотря на общемировую тенденцию увеличения продолжительности жизни россияне живут меньше. При этом 40% представителей мужского пола умирает между 16 и 59 годами. А это уже действительно национальная катастрофа.

Исследователи утверждают, что подобный скачок уровня смертности в мирное время без природных катаклизмов наблюдался в период перехода от палеолита к неолиту: с 30 до 20 лет (5-7 тыс. лет до н. э.) (ученые связывают это с изменением диеты и переменой образа жизни); в Англии в XVI-XVII веках (примерно с 40 до 30 лет), что также объясняется сменой диеты и образа жизни при переходе к капиталистическому, индустриальному и урбанизированному обществу, а также распространение болезней из-за городской антисанитарии. Кроме того, резко возросла смертность негров после отмены рабства в результате Гражданской войны в США 1861-1865 годов и до 1880 года. Предполагается, что главной причиной стало разрушение традиционной социальной организации, неспособность многих бывших рабов позаботиться о себе самостоятельно, без хозяина. То же самое наблюдалось и в ЮАР при отмене апартеида: продолжи-

тельность жизни всего населения (на 80% чернокожего) сократилась с 63 до 45 лет в 1989-2004 годах. И хотя здесь очень большую роль сыграло распространение СПИДа, но пережитый шок от смены социального устройства тоже сыграл свою роль.

Так чем же обусловлено это резкое сокращение продолжительности жизни?

Главной причиной смертности остаются сердечно-сосудистые заболевания. На них же пришлось и самое большое увеличение смертей.

«Увеличение потребления алкоголя, табачных изделий, наркотиков и ухудшение системы здравоохранения, как и ухудшение диеты, действительно имели место, но должны были бы привести к повышению смертности только с лагом в несколько лет, следовательно, не могут объяснить рост на 60% всего за пять лет (1989-1994 годы).» [там же].

Зато имеет статистическое подтверждение другая гипотеза: скачок смертности связан с ростом стрессов, обусловленных переходом к рыночной экономике. Эта теория была сформулирована и проверена еще в конце 90-х. Оказалось, что вариация падения продолжительности жизни по посткоммунистическим странам и по регионам России хорошо коррелирует с пятью показателями повышения стресса, которые можно количественно измерить: ростом безработицы, мобильности рабочей силы, миграции, разводов и доходного неравенства. Статистическая проверка этой теории на новых данных (1990-2003 годы) по регионам России и оценка вклада стресса, алкоголя и других факторов в снижение продолжительности жизни дали следующие результаты [там же].

Выше мы уже писали о крайне неблагоприятной ситуации в отечественной медицине. Однако ученые утверждают, что «лучшая обеспеченность врачами позитивно сказывается на продолжительности жизни, только когда медицинская помощь оказывается доступной – либо из-за того, что состоятельное население может себе это позволить, либо из-за сильной социальной политики региональных властей» [там же].

Еще одним, совершенно чудовищным фактором высокой смертности в нашей стране

является огромная смертность от «внешних причин». В 2002 году в расчете на 100000 жителей Россия с 245 случаями занимала одно из первых мест и обгоняла Сьерра-Леоне, Бурунди и Ангола. У нас ужасающий уровень не только самоубийств, о чем многие пишут, но и смертей от несчастных случаев, в результате убийств, прежде всего, на бытовой почве.

Многие ученые склоняются к тому, что и несчастные случаи, и убийства, особенно бытовые, очень часто случаются под воздействием алкоголя. Однако потребление алкоголя тоже не является первичным. Разумеется, стало уже общим местом, что в России пьют. Алкоголизм называется одной из главных бед России. При этом, конечно, остается вопрос о том, насколько была распространена эта беда до революции 1917-го года. Некоторые считают, что пьянство – это вечная беда русских, ссылаясь на князя Владимира, принявшего православие, аргументируя это тем, что «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Другие подчеркивают, что пили-то при этом медовуху и квас, то есть довольно слабоалкогольные напитки. Крепкие же пришли с Петром и поначалу вызывали резкое отторжение. Однако, поскольку на протяжении почти всей последующей истории доходы от продажи спиртного получало государство, то ему и не особо выгодно было бороться с этим социальным злом. Тем не менее, запойное пьянство случалось довольно редко, было горем и стыдом.

В СССР же распространение пьянства связывают, прежде всего, с тем, что у людей не было достойного дела, они не могли проявить себя в чем-то важном для них, предприимчивость, инициативность считались порочными, а потому людям ничего не оставалось, как уходить в запой. У колхозников все было еще хуже: их зарплата не зависела от того, сколько и как они работают, да и деньги не играют для наших граждан большой роли. Все традиции деревни были разрушены большевиками, а новые созданы не были. Да и вообще, крестьяне пользовались в Советском Союзе таким недоверием, презрением и т. д., что Россия, одна из самых больших аграрных стран, была вынуждена

ввозить и пшеницу, и овощи из-за границы. Для самой же деревни это обернулось полной депрессивностью, откуда был один выход – забытье в пьянстве.

Попытки же Горбачева вывести страну из состояния опьянения, его знаменитый Антиалкогольный указ сыграли, как считают некоторые эксперты [Привалов 2006], весьма и весьма серьезную роль в развале СССР. Во-первых, серьезно подорвав доходы, значительно увеличив расходы, во-вторых, способствовал разгулу преступности и деморализации правоохранительных органов, и, наконец, позволив гражданам в «алкогольных очередях» открыто и громогласно обсуждать действия власти, не стесняясь в выражениях [там же].

Ну и, разумеется, суррогатный алкоголь. Отравления им начались тогда и продолжают до сих пор.

Итак, одним из главных факторов, прямо или косвенно увеличивающим смертность в нашей стране, является алкоголь.

Какое отражение находит этот образ в сознании наших граждан?

Сделать продольный срез мы можем на примере слова «пить». Оно не обязательно предполагает связь с алкоголем, однако в обыденном сознании часто с ним связано.

У Даля: ПИТЬ, пивать в первом значении – «глотать влагу, жидкость; утолять жажду, принимать жидкую пищу глотками, лить что в себя, в желудок свой», а уже во втором – «напиваться, упиваться по привычке, страстно любить хмельные, пьяные напитки, пьянствовать» [Даль 1880].

Те же значения мы находим и в ассоциативных словарях. Самыми частотными во всех трех словарях являются реакции, связанные с первым значением (это реакции воду, есть, вода). Однако сразу же за ними идут реакции, связанные со вторым значением: вино, водку, пиво. Т. е. алкогольные напитки. Причем, если в САНРЯ *вино* было на 4-м месте, а *водку* – только на 7-м, то уже в РАС *водка* – на 3-м месте, *вино* – на 5-м, а *пиво* – на 7-м. В САС на 4-м *пиво*, *водку* – на 5-м, *вино* – на 7-м. Могут ли эти данные сказать нам о предпочтениях наших соотечественников? По всей видимости, да. Особенно, когда это подтверждается данными социо-

логов. А они свидетельствуют, что сейчас (опрос, на который мы ссылаемся, проводился в 2006 году) наши соотечественники предпочитают «пиво (37%) и водку (36%). 29% опрошенных, как правило, пьют вино. Другие виды крепкого алкоголя – как дорогого (виски, коньяк), так и самодельного (наливки или самогон), – предпочитают примерно по 6% россиян» [ФОМ 2006]. Как видим, данные очень хорошо коррелируют с данными ассоциативных словарей. Реакции *бренди или виски, коньяк, херши* являются единичными.

Как же относятся россияне к пьянству? По данным РАС, слова, связанные с алкоголизмом, вызывают либо негативные, либо, иногда, сочувственные реакции. Стимул «Алкоголик» вызывает такие эмоциональные реакции, как *безнадежный, конченный, неизлечимый, болезнь, вино, дурак, жалкий, беда, бедняга, бич, болезнь, несчастье, бухарик, вырожденный, грязь, законченный, не человек, несправильный, ненависть, несчастный, нолик, отпетый, полный, пропитый, противный, пьяный, пьянь, спившийся*. А стимул «пьяница» – *алкаш, горький, отвращение, пропойца, упал, бедняга, бедолага, безбожник, бесконтрольное состояние, бестолочь, бомж, глупец, грязный, дурачок, жалкий, идиот, конченный, кошмар, не нужен, небритый, непорядочный, неприятный, непробудный, нищая, плохой, последний, разгильдяй, свинья, сморщенный, угроза об-ву, хулиган*.

То есть испытываемые, судя по реакциям, неоднократно встречались с подобным явлением, и оно вызывает практически у всех отвращение или жалость. Люди понимают и вред, наносимый алкоголем. Так, на стимул алкоголь довольно часто встречаются реакции *вред, вреден, зло, яд, отвращение, отравка плохо, приносит вред организму*. Хотя тут же, правда, среди единичных, мы понимаем, почему же все-таки люди пьют: *алкоголь – это благо, вечеринка, дурманит, забытье; о, классно; помогает жить, смысл жизни*. А «ВЫПИВКА» – *веселье, вечеринка, гулянка, праздник, веселая, вещь!, друзья, избавление от комплексов, компания*.

Однако, если посмотреть реакции на стимул «допьяна», то они будут уже

однозначно отрицательными: *нажраться, алкоголик, алкоголизм, в лежку, в стельку, валяться, до одури, до ужаса, не пью, нельзя*.

Таким образом, мы видим, что в самом алкоголе наши граждане видят и зло, и благо. А вот к людям, которые им злоупотребляют, отношение однозначно негативное.

Исходя из полученных данных, мы можем констатировать, что в России проблема высокой смертности и малой продолжительности жизни остается одной из самых серьезных, однако отношение общества к его основной причине – пьянству резко отрицательное, что, на наш взгляд, должно привести к его сокращению в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Симфолы. Мифы/Отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003–448 с.
2. Виноградов Н. А., Дерябина В. Л. Здравоохранение // Большая советская энциклопедия/Гл. ред. А. М. Прохоров, 3-е изд. Т. 8. – М., «Сов. энциклопедия», 1972
3. Вишневский А., Кузьминов Я., Шейман И. Российское здравоохранение: как выйти из кризиса. Доклад VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство», 4–6 апреля 2006 года // «Отечественные записки» № 2 (29) (2006)
4. ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения <http://wciom.ru/>
5. Гудович И. Демография и демократия, или Чего хотят женщины? // Правое дело № 20 (177), октябрь 2006.
6. Даль В. Толковый словарь – 2-е изд., стереотип. – М.: «Худ. литература», 1880
7. Зиновьев А. Русская трагедия. – М.: Эксмо-пресс, 2003. – 358с.
8. Знаменский Г. Демографическая пропасть // Советская Россия от 14.06.2007 <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=739>
9. Левинсон А. Демография террора // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре № 5 (25) 2002.
10. Лежнина Ю. Роль здоровья в борьбе с бедностью и эксклюзией у пенсионеров //

- Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 197-223
11. Медведева И., Шишова Т. Демографическая война против России // <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/demograf.htm>
12. Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2006. – 379с.
13. Попов В. Мор без СПИДа и цунами // Эксперт №19 (608)/12 мая 2008
14. Предвыборная программа КПРФ 2007 http://kprf.ru/party_live/51880.html
15. Привалов А. Любитель отечества, 2006
16. Путин В.В. Послание Федеральному собранию 2004 года
17. РАС, 2002: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1-6. – М., 1994-1998.
18. САНРЯ: Словарь ассоциативных норм русского языка Под ред А. А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977.
19. САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: МГЛУ, 2004. – 792 с.
20. Солженицын А.И. Сбережение народа – высшая из всех наших государственных задач. Интервью. // The Moscow news №15 2006 г. (28.04.2006)
21. Сорокина С. Рождаемость по щучьему велению // Советская Россия от 27.10.2007 <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1840>
22. Социальное меню в программах российских партий. Обзор Вячеслава Глазычева: Сборник / сост.: В.Л. Глазычев – М.: Издательство «Европа», 2005. – 200с.
23. Тишков В. Страсти до демографии // Эксперт №5 (499) 6 февраля 2006 г.
24. ФОМ: Фонд общественного мнения <http://bd.fom.ru/>

П. Н. Яшин

Сопоставительный анализ образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан

В статье предпринимается попытка проанализировать образы сознания современных русских, британцев и немцев на примере содержания образов «жизнь» и «смерть». Материалом для исследования послужили русский, немецкий и английский ассоциативные словари. Образы жизни и смерти входят в образ мира любого человека и важны, чтобы понять человеческие мотивы и намерения.

Ключевые слова: ассоциации, ассоциативный тезаурус, бинарные оппозиции, концепт, сознание, сопоставительное исследование, ментальные репрезентации, образ мира

Следует признать, что человеческое существование в мире, жизнь и смерть человека представляют собой явления вселенского масштаба. Их трудно осмыслить в системе научных понятий.

Жизнь человека, его обычная, повседневная жизнь бесконечно изменчива, полна неожиданностей, изобилует моментами, содержащими стимул для творческого поведения и расширения его сознания. Жизнь всегда сложна, противоречива, во многом непредсказуема.

Смерть всегда несла отпечаток таинственности и мистичности. Непредсказуемость, неизбежность, неожиданность и подчас незначительность причин, приводящих к смерти, выводили само понятие смерти за пределы человеческого восприятия, превращали смерть в божественную кару за греховное существование либо в божественный дар, после которого человека ожидает вечная и счастливая жизнь.

Нам показалось интересным исследовать содержание образов «жизнь» и «смерть» и сравнить их понимание между предста-

вителями русской, немецкой и английской культур. Мы предположили, что содержание и понимание этих фрагментов образа мира у разных культур будут различаться, поскольку образ мира индивидуален для каждой культуры. Ученые-психологи признают, что «по своему генезу образ мира субъекта социален и «наследует» родовые свойства культуры. Культура задает сам способ отношения к реальности, предоставляет индивиду специфические средства переработки поступающей информации» [Гуревич 2007: 419-420].

Для выявления национально-культурной специфики образов сознания и образа мира носителей разных культур используется ассоциативный эксперимент. «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок» [Уфимцева 1996: 144].

Ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами, которые в обоих случаях сопровождаются количественными показателями, которые позволяют судить о силе этих связей.

Материалы ассоциативных словарей удобны именно тем, что они являются результатом не избирательного, а массового эксперимента, что позволяет использовать их как источник лингвистической и психолингвистической информации.

В данном случае мы пользовались Русским ассоциативным словарем (Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., далее – РАС), Словарем ассоциативных норм русского и немецкого языков (Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Эккерт Х., Миленина В.И., Топорова В.М.) и Ассоциативным Тезаурусом Английского Языка (Kiss G., Armstrong C., Milroy R.).

Кроме того, в нашем исследовании мы использовали структуру сознания А.В. Ива-

нова в качестве инструмента для анализа. Это позволило нам разбить разнородные реакции на логические группы и упорядочить их. По Иванову, «поле сознания можно условно разбить на четыре части: телесно-перцептивную, логико-понятийную, эмоционально-аффектную и ценностно-смысловую» [Алексеев, Панин 2007: 235-237]. Следуя данному принципу, мы разбили реакции ассоциативных полей «жизнь» и «смерть» и их коррелятов в немецком и английском ассоциативных словарях на четыре группы.

При анализе самых частотных реакций на стимулы ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ и их сопоставлении между русскими, англичанами и немцами мы встретились с явлением так называемой «бинарной оппозиции». На протяжении многих лет учёными выдвигалось предположение, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противоречий, имеющих для народов мира почти универсальный характер [Иванов, Топоров 1965]. Одним из таких противоречий является оппозиция «жизнь-смерть». Сопоставление реакций, выявленных в ходе ассоциативных экспериментов и зафиксированных в ассоциативных словарях русского, английского и немецкого языков, показало, что в сознании представителей трех исследуемых этносов эти два понятия «жизнь и смерть» взаимосвязаны и подразумевают друг друга даже на подсознательном уровне. Поэтому почти во всех случаях (за исключением немецких ассоциатов на стимул СМЕРТЬ/der Tod, где на первом месте по частоте оказалась реакция *конец*/das Ende) самой частотной реакцией на стимул ЖИЗНЬ является *смерть*, и наоборот. Вероятно, такая высокая частотность объясняется тем, что в сознании у большей части реципиентов существует четкое понимание того, что жизнь конечна, а смерть неизбежна, поэтому они неотделимы друг от друга. Можно сказать, что в сознании реципиентов эти два образа как бы замыкаются друг на друге. О неразрывности жизни и смерти хорошо сказал Мережковский:

*И смерть и жизнь – родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены* [Мережковский 1990].

В результате сравнительного анализа и интерпретации ассоциативного поля «жизнь» у русских, немцев и англичан мы пришли к следующим выводам:

Русские представляют жизнь как перемещение по отрезку определенной длины (реакции *коротка* 3,4%, *короткая* 3,1%, *длинная* 2,2%) в некотором пространстве и во времени по направлению вперед, т.е. из прошлого в будущее, причем прошлое со временем все сильнее и сильнее идеализируется. Интересно, что отрезок жизни воспринимается сравнительно коротким, а пространство, в котором этот отрезок располагается, наоборот, огромным (ср. реакции *большая* 0,8%, *огромная* 0,2%).

Жизненное время русских не имеет границ, оно циклично (реакции *долгая* 4,4%, *вечность* 0,8%, *долго* 0,8%, *век* 0,2%). Восприятие течения времени замедлено, что, вероятно, обусловлено историческим влиянием природного ландшафта. Иными словами, большое малонаселенное пространство нашей страны издревле способствовало торможению исторической динамики и замедлению социального времени русского народа. Даже русское слово «время», хоть и в скрытой форме, несет на себе отпечаток циклического восприятия жизни. Согласно «Словарю современной культуры» Степанова, «русское слово «время» этимологически восходит к индоевропейскому *uert-men* от корня *uert* – «вращать, вращаться» и означает «круговорот» [Степанов 2001: 117].

Такое восприятие хронотопа жизни дублируется в русском сознании природными образами-архетипами (ср. реакции *поле*, *весна*, *река*, *мир*, *солнце*). Можно сказать, что сознание русского человека метафорично и до сих пор сохраняет некоторые архетипические элементы, пришедшие из глубокой древности. Например, поле – это физическое пространство нашей жизни, ее пространственная координата. Солнце и река – это не просто природные феномены – так мы понимаем время нашей жизни. Это не просто

абстракции со скрытой внутренней формой, как, например, слово «время», принятое обществом для обозначения в речи некоего отвлеченного понятия. Такое сравнение глубоко и точно передает особенности восприятия этого отвлеченного понятия народом. Наше время циклично, т.е. воспринимается как круг, солнечный круг. Оно течет неторопливо, как великие русские реки.

На отрезке жизненного пути имеется множество препятствий, которые надо преодолевать. Русский человек поставлен перед необходимостью постоянно прикладывать умственные и физические усилия для выживания в сложной социальной ситуации. Русским очень часто на протяжении их истории приходилось приспосабливаться к новым, чаще всего неблагоприятным условиям. Русская жизнь полна событиями, которые вызывают живое участие всего народа и требуют корректировки и переосмысления идеалов, норм и ценностей, изменения жизненной стратегии.

Тяжесть препятствий и количество необходимых усилий определяются судьбой. Судьба неотвратима и не контролируется человеком, ее нельзя изменить. А счастье – это лишь частный случай судьбы, ее наиболее привлекательный вариант. Поэтому счастье – это случайность, его нельзя добиться или организовать своими силами. Неуверенность в личном счастье объясняется тем, что счастье, как его обыкновенно понимают люди, не может быть прочным уже потому, что фундаментом ему служит или случай, или произвол, а не закон, не нравственное начало [Колесов 2002].

Целью жизненного пути являются поиски смысла (реакция *смысл* 0,2%), под которым понимается самореализация человека в его социальном окружении. Для русских поиски *смысла жизни* выступают в качестве одного из конституирующих элементов этнической ментальности. Русскому человеку непременно хочется жить не просто так, а во имя, ради чего-то. Одного факта существования мало, хочется вплести его в некую осмысленную, заведомо спланированную цепь мироздания, чтобы было понятно, ради чего терпеть. Цель русского человека в том, чтобы отыскать

смысл не самой жизни, а, скорее, ее мук, неудач, разочарований.

Высшим духовным идеалом жизни выступает любовь (реакция *любовь* 1,1%). Причем в русском сознании субъект и объект любви сливаются, растворяются друг в друге с целью достижения особого состояния сознания.

Эмоциональное отношение русских к жизни предполагает ее некоторую идеализацию, т.к. в таком случае жизнь рассматривается в противопоставлении к смерти, и, соответственно, наделяется самыми положительными чертами.

В эмоциональном плане для русских жизнь предстает как высшая степень проявления всего самого хорошего, красивого и дорогого для человека (*прекрасна* 8,3%, *хороша* 4,4%, *дорога* 1,7%, *хорошо* 1,7%, *веселая* 1,1%, *прекрасная* 1,1%, *счастливая* 1,1%, *прекрасно* 0,8%, *радость* 0,8%). Возможно, в данном случае жизнь подсознательно наделяется самыми положительными чертами, поскольку автоматически воспринимается не в субъективно-личностном плане, а как часть оппозиции жизнь-смерть, где смерть, соответственно, наделяется самыми отрицательными чертами. Т.е. эту бинарную оппозицию можно расширить следующим образом: *жизнь прекрасна – смерть ужасна*.

Для **немцев** жизнь – это, скорее, длинная последовательность сменяющих друг друга состояний тела, находящегося в сложной системе взаимоотношений с другими телами, которая начинается с рождения человека и заканчивается в момент его смерти. Об этом свидетельствуют три самых частотных глагола в этой группе (*leben, geniessen, sterben*). Причем, глаголы *leben* и *sterben* выступают в качестве двух полюсов, ограничивающих и обобщающих возможные состояния жизни, а ее началом признается рождение человека (*Geburt*).

В немецком сознании четко разделяется бесконечная жизнь бессмертного рода (ср.: *ewig*) и конечное существование смертного индивида (ср.: *vergänglich, endlich, begrenzt*). Идеалом жизни предстает Порядок (ср.: реакция *regeln*) в противопоставлении Хаосу, выражающемуся непредсказуемостью жизни (ср.: реакция *unberechenbar*). Моти-

вом жизни является принцип удовольствия (*Spass* 1,5%, *geniessen* 4%), однако достижению удовольствия мешают некие препятствия, которые также нужно преодолевать.

Жизненный путь состоит в личностном развитии, повышении статуса. Целью пути является достижение счастья. Счастья можно достичь, совершая определенные действия в жизни (труд, образование). Субъект и объект, в отличие от русских, четко различаются, причем активность признается за субъектом-человеком, а жизнь при этом остается пассивной, хотя за ней и признается высшая ценность.

В немецком языковом сознании идеализация жизни менее выражена. Немцы более склонны эмоционально оценивать жизнь с субъективной точки зрения, не абстрагируясь.

Англичане воспринимают жизнь как длительный процесс, в основе которого лежит побуждающий мотив (ср.: реакция *force*). Им свойственно рассматривать жизнь с точки зрения ее практической значимости. Жизненное время воспринимается безграничным, как и у русских. Однако, в отличие от русских, является линейным, а не циклическим и представляет собой постоянное развитие, прогресс, а не вечное движение по кругу.

Для англичан большое значение в жизни имеет статус. Духовным идеалом жизни признается любовь. Однако любовь воспринимается как взаимные уступки между участниками отношений, что указывает на приоритет этических критериев над эмоциональными. Об этом свидетельствует и отсутствие эмоциональной компоненты образа «жизнь» в ассоциативном поле англичан. Вероятно, это объясняется национальной психологией англичан, основанной на жестком контроле эмоций. Англичанин придерживается правила «*не быть личным*», то есть не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии. Он привык скрывать свои эмоции, и эта привычка давно уже стала подсознательной – она включается автоматически, даже когда это не требуется [Зиньковская 2005].

В результате сравнительного анализа и интерпретации ассоциативных полей

«смерть» у русских, немцев и англичан мы пришли к следующим выводам:

В русском сознании проявляется понимание неизбежности смерти и беспомощности человека при встрече с ней (реакция неизбежна 0,9%, неизбежная 0,6%). Однако парадокс русского восприятия смерти в том, что, признавая ее неизбежной, русские, тем не менее, считают ее временной. При этом состояние смерти характеризуется полной потерей телесных способностей и ощущений.

В образе смерти для русских важную роль играет компонент «движение». Поэтому идеальной для русских считается внезапная смерть, случившаяся на ходу (ср.: реакция быстрая 1,1%, внезапная 2,6%, мгновенная 2,6%, скоростная 1,1%). По представлениям русских, их смерть всегда находится поблизости (ср.: реакция близка 0,9%) и может прийти к ним в любой момент очень быстро. По статистике Всемирной организации здравоохранения, в России в 2002 году «быстрая смерть» настигла приблизительно 2238000 человек [www.gks.ru]. Для сравнения в Германии эта цифра составила приблизительно 344500 человек, а в Великобритании – 146600 человек [http://www.who.int/en/]. Даже если принять в расчет разницу в количестве населения этих стран, Россия значительно их опережает.

По ощущениям смерть связывается с понижением температуры и чувством холода (реакция холодная 0,6%).

Цветовое обозначение смерти расширено, по сравнению с другими исследуемыми этносами, и включает три цвета, которые подчеркивают различные аспекты смерти: архетипичный белый, торжественный красный и траурный черный (ср.: белая 0,9%, красный 0,6%, черная 0,6%). Возможно, причиной, вызвавшей ассоциацию смерти с белым цветом в сознании русских людей, послужил белый цвет снега, т.к. зима рассматривалась мифологическим сознанием древних славян как умирание природы. Также, белый цвет – это цвет погребального савана, а Смерть как персонаж загробного мира мертвых по логике должна иметь одежды из мира мертвых – т.е. саван белого цвета. Более того, следует отметить,

что многие исследователи цвета как физического феномена не считают белый цветом вообще, т.к. по сути, он представляет собой смешение всех цветов спектра. Этим подчеркивается его трансцендентальная сущность.

В христианской традиции черный цвет символизирует горе, оплакивание и скорбь. В значениях черного, как и у первобытных народов, сохранился и даже развился аспект «ритуальной смерти», смерти для мира. Поэтому черный стал цветом монашества. Возможно, этим объясняется и черный цвет траура, принятый в Европе и в нашей стране. Люди, носящие траур, также на некоторое время добровольно умирают для мира и в знак солидарности с покойным отказываются от всех мирских удовольствий и утех.

Символика красного цвета амбивалентна: красный ассоциируется как с разрушением (это цвет богов войны), так и с радостью, торжеством (красные дни календаря). В религиозном, христианском представлении красный – цвет мученичества, крови Христа, пролитой ради спасения людей. Чаще всего красный цвет ассоциируется именно с кровью. Это подтверждают результаты ассоциативного эксперимента, проведенного Петровой Е.Ю. По ее данным, реакцию «кровь» на стимул «красный» дали 25% опрошенных [Петрова 2006]. Однако следует обратить внимание на тот факт, что реакция «красный» на стимул «смерть» имеет форму мужского рода, хотя смерть – женского рода. Возможно, данная реакция имеет отношение к цвету ритуальных предметов – атрибутов смерти. Например, гробы в нашей культуре традиционно красного цвета, либо его оттенков; к местам памяти усопших обычно возлагают красные гвоздики. Вероятно, такая цветовая символика служит для придания торжественности погребальному и поминальным обрядам.

В целом, русскими смерть воспринимается нейтрально, в сравнении с английской и немецкой культурами. Тем не менее, у русских так же, как у немцев и англичан, присутствует страх смерти (реакции страх 4,5%, ужас 3,4%, страшно 2%, страшна 1,1%, страшная 1,1%, ужасна 0,9%). Нам представляется, что такой способ восприятия смерти детерминирован действием инстинкта са-

мосохранения, который оберегает человека от преждевременной смерти и в некоторых случаях может навязывать стереотипы поведения. Каждый человек учится преодолевать страх смерти по-своему. Для русских, судя по представленным реакциям, характерно два способа борьбы со страхом смерти: высмеивание смерти (святочные бесчинства, сказки) и отрицание смерти (реакции *глупая* 1,1%, *нелепая* 0,9%, *нет* 0,6%).

Характеристика процесса умирания отличается двойственностью: с разных точек зрения смерть может восприниматься как легкой, так и тяжелой (реакции *легкая* 0,9%, *тяжелая* 0,9%). Та же самая двойственность присутствует и в эмоциональном отношении к смерти: собственная смерть воспринимается русскими более или менее нейтрально, однако смерть близких людей может вызывать сильные эмоциональные переживания, шок (реакции *горе* 4,3%, *жалко* 0,6%, *трагическая* 0,6%). В общем, русские не скрывают своих эмоций и переживаний по этому поводу. Можно сказать, что их переживания носят личностный и интровертный характер.

Визуально смерть представляется в образе скелета. Однако при персонификации смерть получает женский пол, что, по всей видимости, связано с грамматическим родом данного слова в русском языке (*старуха с косой* 1,7%). Сам образ смерти в виде старухи с косой, который в общих чертах совпадает у всех европейских народов, представляется нам заимствованным из европейской иконографии. В современном обществе на предметном уровне прослеживается тесная ассоциативная связь смерти с гробом, как неотъемлемым атрибутом умершего.

На ценностно-смысловом уровне у русских превалирует идеологический компонент отношения к смерти, где на первый план выходит «образ врага», а смерть рассматривается в качестве кары за преступления перед обществом или народом (реакции *фашистам* 1,7%, *врагам* 1,1%, *захватчикам* 0,9%, *предателю* 0,6%, *врагу* 0,6%). Враг угрожает жизни народа и поэтому должен быть уничтожен. Этот образ долгое время активно поддерживался советской пропа-

гандой и сохраняет свою значимость до сих пор.

У немцев мысли о неизбежности смерти и о возможности воскресения выражены слабее, однако пассивность и зависимость человека от смерти также выражены меньше, по сравнению с русскими. Смерть признается бесконечной и окончательной. В процентном выражении реакции, подтверждающие данное утверждение, находятся на первом месте по частоте (реакции *die Ende* 21,2%, *ewig* 1,9%, *Ewigkeit* 0,8%, *unendlich* 0,8%). При этом смерть рассматривается с позиций потери умершим человеком своего социального статуса. В немецком сознании большое значение имеют социальные ритуалы, связанные со смертью. Эмоции немцев в отношении смерти можно признать социально-ориентированными, т. к. они являются частью нормативного ритуала траура и направлены на получение одобрения общества (*traurig* 1,9%, *Traurigkeit* 0,8%, *Schmerz* 0,8%, *trauern* 1,5%). Тем не менее, понимание смерти как неизбежности и надежда на воскресение из мертвых проявляются на уровне символов (коса и крест). Более того, у немцев отмечается целый пласт реакций, отражающих мифологические представления о смерти по большей части христианского происхождения (реакции *Sense* 2,3%, *Kreuz* 0,8%, *Sensenmann* 3,4%, *Satan* 0,8%, *Teufel* 0,8%, *Himmel* 0,8%, *Holle* 0,8%). Для преодоления страха смерти немцы используют прием отрицания (смерть отождествляется со сном).

С оценочной точки зрения, в восприятии смерти немцами обнаруживается двойственность. С одной стороны, смерть воспринимается враждебно и негативно, в качестве врага рода человеческого (*Feind* 1,5%), её образу приписываются самые отрицательные черты, в том числе жестокость (*grausam* 1,9%). С другой стороны, в немецком языковом сознании явно выражена тенденция к идеализации смерти, которая рассматривается как освобождение от всех мирских забот и проблем (реакции *Erlosung* 3,8%, *erlosend* 1,5%, *Befreiung* 0,8%, *Freiheit* 0,8%).

По их собственным представлениям, Смерть приходит к немцам в старости (реакция *alt* 0,8% и логически примыкающие

к ней реакции *Grosseltern* 0,8%, *Opa* 0,8%, *Vorfahren* 0,8%), что свидетельствует о высоком уровне жизни. По ощущениям смерть, как и у русских, связана с понижением температуры (*kalt* 1,5%). Для обозначения смерти однозначно выбирается черный цвет (реакция *schwarz* 8,5%), который понимается как отсутствие всякого цвета и воспринимается негативно. Отметим, что словари немецкого языка в качестве дополнительных значений слова «*schwarz*» дают такие варианты, как «*грязный, темный, мрачный, печальный*».

Визуально смерть воспринимается в виде скелета (реакция *Skelett* 1,5%), который служит ей материальным субстратом. Большое значение придается похоронной атрибутике, ввиду серьезных социальных проблем в этой области (реакции *Sarg* 3,5%, *Grab* 3,1%, *Friedhof* 2,3%). В результате секуляризации похоронный обряд потерял сакральность и духовность, превратившись в товар сферы услуг, подчиняющийся законам спроса и предложения и веяниям моды.

Англичане воспринимают свою смерть окончательной и бесконечной (реакция *eternity* 4,5%), но, несмотря на это, человек остается активным субъектом по отношению к ней. При этом на первый план выступает изолирующий фактор смерти (*part* 6,8%). Смерть рассматривается как разделение души и тела и исключение умершего из сферы социальных отношений. Значимость похоронного обряда у англичан ниже, чем у немцев, но выше, чем у русских.

Смерти приписывается черный цвет. Черный цвет в английской культуре воспринимается крайне отрицательно, что проявляется на фразеологическом и метафорическом уровне. Для английского языка характерно традиционное соотношение черного цвета с чем-то плохим. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным *black* имеют негативные коннотации. Действительно, *black sheep* (черная овца), *black market* (черный рынок), *blackmail* (шантаж (букв. черная почта)), *black soul* (черная душа) – во всех этих случаях *black* ассоциируется со злом. [Тер-Минасова 2000]

У англичан отношение к смерти имеет, скорее, этический характер, чем эмоцио-

нальный. В сознании англичан важное место занимает представление о «правильной смерти» (реакция *good* 3,5%). Правильная смерть заключается в проявлении стойкости и твердости духа перед лицом гибели, а также жестком самоконтроле [Strange 2005]. Жесткий самоконтроль и иногда отрицание смерти используются для борьбы со страхом смерти. Ценность смерти для англичан состоит в достижении состояния покоя и умиротворения (*peace* 2,5%). Покой в данном случае является показателем «правильной смерти».

Резюмируем сходства и различия, обнаруженные нами в результате сопоставления полей «жизнь» и «смерть» между русскими немцами и англичанами:

В сознании русских высокую значимость получает компонент «движение». Этот компонент проявляется прямо или косвенно практически во всех группах реакций и изменяется как для жизни, так и для смерти. Логично предположить, что подобное отношение детерминировано особенностями жизненного пространства и исторического развития русского народа.

Другим отличием русского сознания является наличие в поле «жизнь» целой группы природных реалий. Эти реалии можно определить как образы-архетипы, которые дублируют характер восприятия хронотопа русскими.

Кроме того, русские имеют склонность к фатализму в своих отношениях с миром. Этот компонент русского образа мира так же развит, как и компонент «движение». Фатализм отмечается у русских как в отношении к жизни, так и в отношении к смерти. Причем очень часто это свойство выражается косвенно и не осознается носителями русской культуры.

Для немцев так же, как и для англичан, на первый план выступает социальный компонент в их взаимоотношениях с окружающим миром. Причём для немцев этот компонент более выражен, чем для англичан.

Следует также отметить, что русские отличаются от немцев и англичан восприятием продолжительности своей жизни. Русские считают, что жизнь их коротка, а смерть приходит рано. Англичане и немцы, наобо-

рот, характеризуют жизнь как длительный процесс, а умирают в старости. Вероятно, это связано с более высоким уровнем жизни, чем в России.

Интересно также, что в русской культуре до сих пор сохраняется идеологический компонент в отношении к окружающей реальности. Он проявляется в существовании «образа врага» в народном сознании.

Общим моментом для всех трех исследуемых этносов в отношении к смерти является страх смерти. Нам представляется, что такой способ восприятия смерти обусловлен действием инстинкта самосохранения, который оберегает человека от преждевременной смерти.

Кроме того, определенное сходство обнаруживается и в восприятии физических проявлений смерти (ощущений, цветовых обозначений, мифологических символов и образов).

Таким образом, в результате анализа образов «жизнь» и «смерть» у русских, немцев и англичан мы выявили ряд сходств и различий. Эти сходства и различия, как это явствует из проделанного анализа, обусловлены различием природных условий, в рамках которых формировались исследуемые этносы, особенностями исторического и социального развития народов, религией, нравственно-этическими и социальными нормами.

Список литературы

1. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия: учебник – 4-е изд. перераб. доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
2. Всемирная организация здравоохранения (World Health Organization) <http://www.who.int/en/>
3. *Гуревич П. С.* Психологический словарь. – М.: ОЛМА Пресс Образование, 2007.
4. *Зиньковская И. В.* Этническая психология. Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский Гос. Университет, 2005-210 с.
5. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – М.: Наука, 1965 – 248 с.
6. *Колесов В. В.* Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Серия «Мыслители». Выпуск 11. – СПб., 2002.
7. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений в 4-х т. Библиотека «Огонек». – М.: Правда, 1990.
8. *Петрова Е. Ю.* Кто раскрасил российский флаг // Языковое сознание как образ мира. – М.: МГЛУ, 2006
9. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь современной культуры. – М., 2001.
10. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000 – 624 с.
11. *Уфимцева Н. В.* Русские: Опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996.
12. Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru
13. *Strange Julie Marie*, Death, grief and poverty in Britain 1870-1914, Cambridge, 2005

А. Д. Палкин

Образ богатства в русской и японской культурах

В статье с опорой на ассоциативный эксперимент анализируется образ богатства у носителей русского и японского языков. Рассматриваются данные по трем выборкам: Русскому ассоциативному словарю, а также ассоциативным словарям русских и японцев, собранным автором

Ключевые слова: образы сознания, ассоциативный эксперимент, русские, японцы, богатый.

В рамках масштабного кросскультурного исследования образов сознания нами была проведена серия ассоциативных экспериментов в России и Японии. Сравнивались различные образы сознания носителей русской и японской культур. Были рассмотрены три выборки: русских респондентов начала XXI века (эксперимент проводился в 2006 г. в Москве и Московской области); японских респондентов начала XXI века (эксперимент проводился в 2001–2002 гг. в японском городе Осака); кроме того, мы исследовали ассоциации русских респондентов начала 1990-х гг., используя данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС). Все выборки содержат более 100 ассоциативных реакций, что обеспечивает достоверность собранных данных.

В данной статье остановимся на образе богатства, обратившись к стимулу «богатый» и его японским эквивалентам.

В толковом словаре русское слово «богатый» определяется следующим образом: «обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный»; «дорого сто¹ящий, роскошный»; «то же, что обильный; содержащий в себе много чего-либо ценного»; «содержащий много ценных качеств».

Семемы, эквивалентные русскому слову «богатый», выражаются в японском языке при помощи нескольких лексем. Поэтому в японский список стимулов было решено внести две лексем, передающие соответствующие семемы русского слова, – *kanemochi-no* с семемой «очень зажиточный» и *houfu-na* с семемой «обильный». При этом пришлось оставить без рассмотрения ряд менее употребительных семем русского слова «богатый», с тем чтобы избежать

«перегрузки» японского списка ассоциативных стимулов.

Японское существительное *kanemochi* имеет следующие толкования: «человек, обладающий большим количеством денежных и материальных ценностей»; «богач»; «миллионер». Путем прибавления к данному существительному частицы родительного падежа *no* мы получили лексему *kanemochi-no*, которая соответствует русскому прилагательному «богатый». Она и стала словом-стимулом в японском списке. Прилагательное *houfu-na*, также вошедшее в список слов-стимулов, указывает на «нечто, отличающееся изобилием». Так как семема «очень зажиточный» является доминирующей в русской семанте «богатый», мы уделим основное внимание сравнению стимулов «богатый» и *kanemochi-no*.

Сопоставление выборок показывает, что наиболее существенные различия наблюдаются на периферии ассоциативных полей. Две первых по частотности реакции во всех трех выборках совпадают, только если в РАС реакции «бедный» и «человек» набрали по 12%, то в японской выборке на первое место выходит «человек» с 8,5%, оставляя «бедный» на втором с 5,5% (1,5% приходится на слово «бедняк»), а в 2006 г. у русских «бедный» набирает 17,5%, «человек» – только 10%. Видимо, дало о себе знать расслоение общества, произошедшее в России за 15 лет. В целом же, респонденты обеих стран предпочли наиболее очевидные антонимы к слову «богатый» и наиболее очевидное существительное, синтагматически сочетающееся со стимулом.

Серьезные расхождения начинаются далее. Третьей по частотности у японцев идет реакция «машина» (5%). Действительно, большинство богатых людей в Японии имеют машину. Однако покупка машины вполне по карману и японцу со средним уровнем дохода. Машины в Японии относительно дешевы. Дело, однако, в том, что в Японии не принято без особой необходимости покупать машину. У богатых японцев такая необходимость имеется, так как они предпочитают жить не в многоквартирных домах, а в отдельном доме на окраине города подальше от шума центральных улиц и оживленных автотранспортных развязок. До таких домов гораздо удобнее добраться на машине. По этой причине машина является неотъемлемым атрибутом богатого японца. Простые смертные предпочитают передвигаться на велосипедах и общественном транспорте. Для Японии отнюдь не редкость, когда многоопытный и уважаемый профессор вуза по окончании занятий садится на велосипед и на нем отправляется домой. Его средства позволяют ему приобрести хорошую машину без большого ущерба для семейного бюджета, но он не испытывает в ней необходимости. У россиян постперестроечного периода реакция «машина» набрала 1%. Машину тогда могли себе позволить далеко не все, но, с другой стороны, видимо, сказало влияние распространенного стереотипа «Машина – не роскошь, а средство передвижения». В новом веке личный автомобиль в России стал чрезвычайно распространенным явлением, и во второй русской выборке реакция «машина» как атрибут богатой жизни вообще отсутствует. Хочется подчеркнуть, что для японцев наличие машины не является признаком элитарности. Машина покупается по большей части в случае необходимости. Признаком элитарности в Японии считается наличие элитной машины. Отсюда реакции «Бенц» (1,5%), «Феррари» и «немецкая машина» (по 0,5%). Интересно, что японские брэнды элитными в Японии не считаются ввиду их общедоступности.

В связи с только что отмеченными причинами 4% японских респондентов указали на наличие у богатых дома. «Дом» – важный

атрибут в жизни богатого человека (сюда же отнесем реакции «особняк» (1,5%) и «большой особняк» (0,5%)). Такого же мнения придерживались 2% русских респондентов как в начале 1990-х, так и 15 лет спустя.

Реакции «нувориш» (4%) уделила внимание исключительно японская аудитория. В последнее время в Японии наметился рост числа людей, за короткое время сколотивших себе большое состояние. Их часто эпатажное поведение вызывает недовольство многих японцев. Отсюда и соответствующая реакция. В России всех богачей можно окрестить словом «нувориш» (почти все разбогатели быстро и сравнительно недавно), но в начале 1990-х специальное наименование для богачей еще не прижилось, а вот в начале XXI века уже 3% русских респондентов прибегли к реакции «олигарх» – широко распространенному в России способу именования отечественных миллионеров. Более того, еще 3% русских респондентов – причем, исключительно мужчины – упомянули фамилию «Абрамович». Этот известный персонаж всевозможных слухов и домыслов не дает покоя русским мужчинам, видимо, в связи с его большой любовью к футболу, которую разделяют большинство сильной половины страны. Лишнее подтверждение тому – единичная реакция «Челси» (название футбольной команды, которую приобрел в собственность Р. А. Абрамович).

Естественно, в связи со словом «богатый» были упомянуты и «деньги». Это сделали 3,5% японских испытуемых, 1% русских испытуемых начала 1990-х и 7% – 15 лет спустя. Мы видим, что «детьми социализма» еще не до конца осознается очевидная связь богатства и денег, а вот в XXI веке россияне уже полностью отдают себе в этом отчет. То же можно сказать и о японцах, у которых наряду с реакцией «деньги» встречаются единичные реакции «банкир» и «кошелек».

Очень интересная реакция встречается у русских женщин. Речь идет о реакции «муж». Она интересна тем, что ни один мужчина ее не упомянул. 4% от общего числа респондентов 2006 г. считают, что их муж должен быть богатым. Здесь же отметим единичную реакцию «мужчина», которая также принадлежит представительнице

слабого пола. В РАС реакция «муж» набрала 2%, реакция «жених» – 1%. У нас нет возможности выяснить пол респондентов РАС, предложивших данные реакции, но велика вероятность того, что это также были женщины. Да, в условиях экономической нестабильности русские женщины при выборе супруга нередко во главу угла ставят финансовое положение мужчины. Для японцев и японок реакция «муж» нехарактерна.

В японской выборке бросается в глаза реакция «дядя» (*oji-san*), набравшая 3,5% от общего числа испытуемых и также упомянутая только женщинами. Данное существительное употребляется, как правило, в отношении людей зрелого возраста (от сорока лет). Таким образом, перед нами констатация того факта, что в Японии человек обычно становится богатым по прошествии нескольких десятилетий жизни. У русских респондентов 1990-х также встретилась единичная реакция «дядя», но она, по всей видимости, была употреблена в ином значении. Можно предположить, что в данном случае имелся в виду родственник.

В ответах респондентов 1990-х, помимо всего прочего, ярко отразились реалии того времени, не актуальные для двух других выборок. 5% реакций пришлось на слово «мужик». Эта несколько грубая реакция указывает на то, что в тот период у мужчин было на несколько порядков больше шансов разбогатеть, чем у женщин. (Похожая ситуация сохраняется и в наши дни, но она не столь ярко выражена. Вспомним о реакции «мужчина».) По 3% набрали реакции «кооператор», «купец» и «тоже плачет». Кооператор, заработавший много денег, – типичная реалья перестроечного периода. К этому же периоду относится ностальгия по славной эпохе российского могущества и стабильности XVIII-XIX веков. С ней связана реакция «купец». Огромная популярность мексиканского телесериала «Богатые тоже плачут» – первой так называемой «мыльной оперы», показанной по центральному российскому телевидению, – привела к синтагматической реакции «тоже плачет».

Реалии, характерные для России в начале XXI века, – «обеспеченный» и «золото» – на-

брали по 2%. В других выборках такие реакции отсутствуют.

Определенная часть японцев и русских постперестроечного времени воспринимают богача как толстого человека. У японских респондентов 3% набрала реакция «толстый» и 1,5% – реакция «толстяк»; к этому перечню можно добавить единичные реакции «растолстевший папа», «растолстевший человек», «живот» и «выпирающий живот». В РАС реакция «толстый» набрала 2%. Так как большинство новоявленных российских олигархов не страдают ожирением, у россиян, опрошенных в 2006 г., богатый уже не ассоциируется с толстым человеком. Вместе с тем 2% прибегли к реакции «жадный» и 0,5% приходится на единичную реакцию «скупой». 1,5% японских респондентов также предложили реакцию «жадный», а вот россияне 1990-х гг. еще не успели убедиться в скарденности, свойственной разбогатевшим людям, поэтому вместо реакции «жадный» предпочли написать «умный» и «щедрый» (по 1%). В 2006 г. с ними согласились соответственно 3,5% и 2% русских респондентов. Таким образом, россияне ожидают от богатого человека не только скупости, но и щедрости. Японцы менее оптимистичны в этом отношении.

Наконец, хочется отметить единичные реакции «сын», «сын богача», «сынок богача» и «богатый мальчик» из японской выборки. В Японии с давних пор заведено, что мужчина работает с утра до вечера не покладая рук. Иная модель поведения выглядит по меньшей мере странной, однако все больше молодых людей, живущих в богатых семьях, предпочитают не утруждать себя излишней работой, имея возможность беззаботно жить на родительские деньги. У окружающих это вызывает непонимание и недовольство. Этим и объясняются перечисленные реакции.

Что касается второстепенных семем слова «богатый» в русском языке, то они оказались далеко на периферии обеих выборок. Реакции «душой» и «урожай» были единичны. В этой связи совпадений с реакциями на японское слово-стимул *houfu-na* было немного. Ядро ассоциативного поля *houfu-na* в японской выборке составили реакции «полезные ископаемые» (19%) и «вода» (13%).

(Напомним, что у японских прилагательных отсутствуют категории рода и числа). От 3% до 5% пришлось на реакции «рис», «знания», «обильный», «деньги», «еда», «опыт». По 2% набрали реакции «земля» и «бедный».

этих японских слова переводятся на русский язык одинаково – «богатый».

Образ богатства в русской и японской культуре мы будем далее анализировать, исходя из пары стимулов «богатый – *kanemochi-no*».

Сводная таблица. Разбиение ассоциативных полей «богатый» и *kanemochi-no* по смысловым компонентам.

	Телесно-перцептивная компонента
Я	4; 5; 6; 10; 14; 17 (23%)
P1	6; 8; 9 (8%)
P2	9; 10 (4%)

	Логико-понятийная компонента
Я	1; 2; 3; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 18 (45,5%)
P1	1; 2; 3; 4; 5; 7; 11 (51%)
P2	1; 2; 3; 4; 5; 8; 11; 13; 14; 16 (57,5%)

	Ценностно-смысловая компонента
Я	15 (1,5%)
P1	10 (2%)
P2	6; 7; 12 (8%)

	Эмоционально-аффективная компонента
Я	16 (1,5%)
P1	
P2	15 (1,5%)

Легенда

Я (реакции японцев)	P1 (реакции русских из PAC)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: дядя + дедушка + папа + + мужчина + дед + дедок + + джентльмен + старик (3,5% + 2% + 2% + 1,5% + 0,5% + + 0,5% + 0,5% + 0,5% = 11%)	1: бедный + бедняк + и бедняк (12% + 1% + 1% = 14%)	1: бедный + нищий + беднота (17,5% + 1,5% + 0,5% = 20%)
2: человек (9,5%)	2: человек (12%)	2: человек (10%)
3: бедный (8,5%)	3: мужик + мужчина + + гражданин + дядя + отец + + родственник (5% + 2% + + 1% + 1% + 1% + 1% = 11%)	3: Абрамович + олигарх + + Березовский + Билл Гейтс + + миллионер + Челси (3% + + 3% + 0,5% + 0,5% + 0,5% + + 0,5% = 8%)
4: дом + особняк + большой особ- няк (4,5% + 1,5% + 0,5% = 6,5%)	4: купец + барин + помещик (3% + 1% + 1% = 5%)	4: деньги + много денег (7% + + 0,5% = 7,5%)
5: толстый + толстяк + выпираю- щий живот + живот + растол- стевший папа + растолстевший человек (3% + 1,5% + 0,5% + 0,5% + 0,5% + + 0,5% = 6,5%)	5: кооператор + бизнесмен (3% + 1% = 4%)	5: муж (4%)
6: машина (5%)	6: тоже плачет + плачет (3% + + 1% = 4%)	6: умный (3,5%)
7: нувориш (4,5%)	7: муж + жених (2% + 1% = 3%)	7: жадный + скупой (2% + 0,5% = = 2,5%)
8: деньги (3,5%)	8: дом (2%)	8: властный + власть (1,5% + + 0,5% = 2%)
9: богатый мальчик + ребенок + сын + + сын богача + сынок богача (0,5% + + 0,5% + 0,5% + 0,5% = 2,5%)	9: толстый (2%)	9: дом (2%)
10: «Бенц» + немецкая машина (1,5% + 0,5% = 2%)	10: умный + умом (1% + 1% = 2%)	10: золото (2%)
11: Билл Гейтс (1,5%)	11: урожай (2%)	11: обеспеченный (2%)
12: богатый (1,5%)		12: щедрый (2%)
13: больной (1,5%)		13: Буратино (1,5%)
14: бриллиант (1,5%)		14: буржуй (1,5%)
15: жадный (1,5%)		15: счастливый (1,5%)
16: завидно (1,5%)		16: царь (1,5%)
17: лоск (1,5%)		
18: развлечения (1,5%)		

Как видим, реакции «деньги» и «бедный», имеющие корреляты в русских выборках, демонстрируют достаточно невысокие процентные показатели. Следовательно, ассоциативное поле прилагательного *houfu-na* в гораздо меньшей степени соответствует русской семанте «богатый», чем ассоциативное поле лексемы *kanemochi-no*, хотя оба

Итак, рассмотрим смысловые компоненты соответствующих ассоциативных полей¹.

1. Вслед за Е.Ф. Тарасовым [Ментальность россиян... 1997: 264-277] мы выделяем следующие четыре компоненты: логико-понятийную (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивную (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной деятельности), ценностно-смысловую (знания, связанные с духовными

Сопоставление смысловых компонент, в целом, соответствует выводам, сделанным нами в результате подсчета показателей близости. Отношение к образу богатства у представителей двух русских выборок имеет больше сходств, чем различий, причем значимого сближения позиций японцев и русских за прошедшие 15 лет не произошло.

Между тем на уровне логико-понятийной компоненты мы обнаруживаем единство мнений представителей всех трех выборок: очевидно, что на данную компоненту приходится основная масса повторяющихся реакций. Анализ имен прилагательных, выступающих в качестве стимула, осложняется наличием в русском языке грамматического рода. Вполне естественно ожидать, что на стимул, предложенный в мужском роде, последует большое количество реакций мужского рода. По этой причине нам остается только предполагать, в какой степени грамматический род стимула влияет на ассоциативные реакции и какие реакции могли бы последовать на однокоренной стимул женского или среднего рода. Прилагательные японского языка лишены грамматического рода, равно как существительные. В этой связи мы можем с уверенностью утверждать, что богатыми в Японии считаются преимущественно мужчины. Японские испытуемые приводят различные ответы, указывающие на представителей мужского пола как обладателей богатства. Эти ответы в совокупности набирают 11%. Ровно столько же набирают реакции аналогичного толка в первой русской выборке. Во второй русской выборке из этой «серии» встречаются только единичные реакции «дядя» и «мужчина», однако на мужчин как обладателей богатства указывают такие реакции, как «олигарх», «миллионер» и ряд фамилий крупнейших миллиардеров; здесь же отметим ироничный разговорный вариант именованного богача – «Буратино» (обычно «богатенький Буратино» – выражение, ставшее крылатым благодаря фильму о Буратино, который задумывался и снимался еще в советское

идеалами) и эмоционально-аффективную (знания, возникшие на основе субъективных переживаний).

время как сказка для детей, но со временем стал восприниматься как пародия на «взрослую» общественную жизнь). Учитывая, что как в Японии, так и в России большими состояниями обладают в подавляющем большинстве случаев именно мужчины, мы считаем вполне естественным тот факт, что во всех трех выборках респонденты неоднократно упоминают представителей мужского пола в качестве реакций на стимул «богатый». Интересно отметить разные способы именованья богачей в двух русских выборках: испытуемые 2006 г. упоминают новомодное слово «олигарх» и переживающее второе рождение «буржуй», а испытуемые начала 1990-х гг. апеллируют к реалиям того времени («кооператор») и историзмам («купец», «барин», «помещик»). Японцы, осваивающие те же ценности современного капиталистического (по другой терминологии – посткапиталистического) общества, что и русские начала XXI века, упоминают имя известнейшего американского миллионера Билла Гейтса, а также не раз повторяют реакцию «нувориш». (Заметим, что во второй русской выборке встретилась единичная реакция «Билл Гейтс».) Мы видим, что русские начала 1990-х оперируют несколько иными средствами именованья богатых людей, чем японцы и русские начала XXI века. При этом связь образов богатства и человека четко осознается представителями всех трех выборок: реакция «человек» уверенно входит в ядро всех трех ассоциативных полей.

Оппозиция «богатый – бедный» также обладает высокой актуальностью для обеих культур. Однако в японской выборке эта оппозиция выражена менее явно, чем в русской, причем показатель реакций, указывающих на бедность во второй русской выборке, обгоняет соответствующий показатель из японской выборки почти втрое. По нашему мнению, это объясняется разным уровнем материального расслоения русского и японского обществ. В Японии разрыв доходов между богатыми и бедными не столь велик, как в России начала 1990-х, и заметно меньше, чем в России начала XXI века. Кроме того, к бедности в России издавна было особое отношение: «Нищета – крайняя сте-

пень нужды-бедности; но и на нее не слишком угрюмыми глазами смотрит великий в своем смирении русский народ... «Скупой богач», по народному слову, «беднее нищего». Обнищавший люд вызывает в посельщине-деревенщине не только сострадание, но и нечто сродное с преклонением перед его убожеством» [Коринфский 1994: 482].

Еще одно яркое свидетельство общности взглядов японцев и русских начала XXI века – реакция «деньги». Для русских начала 1990-х гг. деньги являются лишь одним из многочисленных источников благополучия, о чем свидетельствует скромный 1%, пришедшийся на реакцию «деньги» в выборке РАС. А вот в двух других выборках реакция «деньги» имеет высокую частотность. Это говорит о вытеснении нравственных ценностей материальными в сфере современных товарно-денежных отношений, которые принято называть капиталистическими. Ломка идеалов социализма происходила постепенно, поэтому русские испытуемые начала 1990-х гг. еще демонстрируют нам подход, характерный для советской эпохи: деньги – это второстепенно; куда важнее битва за «урожай» (2% в первой русской выборке).

Русским постперестроечного периода даже жалко богатых, ведь богатый «тоже плачет». Богатство для русских еще не стало самоцелью. К тому же, богатый человек, по убеждению представителей эпохи становления обновленной России, страдает физическими недостатками, в частности полностью. При таком отношении к богатству стремление к обогащению предстает в комичном виде. Мы уже перешли в нашем анализе к телесно-перцептивной компоненте, которая у русских выражена в значительно меньшей степени, чем у японцев. Однако и между русскими выборками существует определенная разница. Обе группы русских испытуемых отмечают наличие у богатого человека дома, однако к началу XXI века образ богатого человека начисто лишается комичности. Богатство теперь ассоциируется с деньгами (эта реакция хотя и отнесена нами к логико-понятийной компоненте, имеет немало черт перцептивного характера), с золотом, но не со слезами. Японцы также

«оказывают» богатого роскошью и лоском, а избыточный вес, свойственный богатым людям, видится японцам скорее как нейтральный фактор, так как в Японии не принято критиковать людей за их физические недостатки. На примере данной компоненты мы прослеживается сближение взглядов русских начала XXI века и японцев. Между тем в традиционной русской культуре материальное богатство не ставилось во главу угла. Об этом пишет и В.В. Владимиров, указывая на низкую значимость материального благополучия в русской системе ценностей. Далее Владимиров цитирует немецкого автора В.К. Штрик-Штрикфельда, который в 1942 г. писал: «Собственность для русского человека является не самоцелью, а лишь средством к достижению цели» [Владимиров, 2006: 360]. Мы видим, что новые экономические отношения нанесли серьезный удар по веками формировавшейся системе ценностей русского народа.

Аналогичная тенденция прослеживается и при изучении эмоционально-аффективной компоненты. В целом, представители всех трех выборок не испытывают особых эмоций в связи со стимулом «богатый», однако по 1,5% японцев и русских начала XXI века посчитали нужным высказать свой пиетет по отношению к богатым. Японцы им завидуют, а русские полагают, что богатство приносит счастье. Вот так всего за 15 лет сменились ценностные ориентиры: богатые, которые раньше плакали, теперь воспринимаются как счастливые люди.

Интересна и ценностно-смысловая компонента. На периферии японского ассоциативного поля содержится указание на жадность богатого человека. Русские постперестроечного периода отмечают ум, присущий богатому человеку, но здесь нужно учитывать еще характерное для большинства русских этого периода нестяжательство. Говоря об уме, русские имели в виду не только деловые качества человека, но и богатство его знаний, о чем свидетельствует реакция «умом», указывающая на богатство нематериального свойства. Русские начала XXI века тоже отметили ум богатого человека, а вот дальше возникло явное противоречие: одни респонденты назва-

ли богатого жадным, другие – щедрым. Противоречивость свойственна русской культуре, особенно если традиционные ценности сталкиваются с чуждой идеологией. И как раз такое развитие событий оказывается характерным для русской культуры и истории. Приведем цитату из И.В. Кондакова: «Эпоха «государственного устроения», доведя централизацию и сплошную «заорганизованность» социокультурных явлений и процессов до логического предела (т.е. буквально не оставив ничего вне сферы государственного контроля и управления), тем самым нарушила *меры соответствия* необходимости и свободы, интегрированности и дифференцированности целого, центростремительности и центробежности, порядка и хаоса, т.е. как раз поколебала воссоздаваемый и желанный *порядок*, ввергнув страну, ее социум и культуру в состояние *хаоса*» [Кондаков 2007: 135]. Кондаков писал эти строки о смуте XVI–XVII веков, однако ситуация XX–XXI веков может быть описана примерно в тех же выражениях. Эта ситуация началась еще в советский период и, пережив ряд болезненных кризисов, в начале XXI века совершила новый виток «централизации» и «заорганизованности». Естественный результат – развитие в русской культуре многочисленных ценностных противоречий. Одно из них мы уже упомянули: русские так и не могут решить, жаден богатый человек или щедр.

Для изучения еще одного противоречия необходимо снова обратиться к логико-понятийной компоненте. Несмотря на меньшие материальные притязания русских постперестроечного периода по сравнению с представителями двух других выборок, сложная экономическая ситуация вынуждает их задумываться над материальным состоянием супруга. Заметное место в ассоциативном поле «богатый» в первой русской выборке занимает тандем реакций «муж» и «жених». Нам неизвестно, респонденты какого пола предложили эти реакции, но все 4% реакции «муж» из второй русской выборки, как мы уже отмечали, принадлежат исключительно женщинам. Именно в начале 1990-х гг. социологами зафиксирован существенный рост числа россиян, заявляющих,

что их супруг (реже – супруга) обязательно должен быть состоятельным человеком. Т.В. Андреева пишет об исследовании, проведенном в 1997 г. Это исследование зафиксировало рост значимости материального фактора при вступлении в брак: от 12 до 36% различных возрастных категорий опрошенных хотели бы иметь возможность жениться (выйти замуж) по причине богатства партнера [Андреева 2005: 9]. При этом исследование аналогичного характера, проведенное С.И. Голодом в 1977 г., показало, что для русских того времени материальная обеспеченность будущего мужа (жены) являлась одним из наименее значимых мотивов при вступлении в брак [Там же: 46]. Описанная тенденция усиления значимости материального фактора к началу XXI века только набрала обороты, преимущественно среди женщин.

Что касается японских женщин, то хотя они и не упоминают в своих ответах слово «муж», именно и исключительно им принадлежат реакции «дядя» и «мужчина», что также свидетельствует о наличии у некоторых японок планов замужества с богатым человеком. Напомним, что в русской выборке 2006 г. реакция «мужчина» была единичной и принадлежала женщине, а в выборке РАС данную реакцию отметили 4% всех респондентов, о половой принадлежности которых мы, к сожалению, не имеем сведений.

Переключим внимание на реакцию «больной» из японской выборки. Дело в том, что обычно японец становится по-настоящему богатым человеком в пожилом возрасте, когда в результате постоянного напряжения на работе его начинают одолевать различные недуги. Обладая большим состоянием, такой человек может долгое время поддерживать свою жизнь, часто обращаясь к врачам. Получается, что богатый японец часто стар и часто болеет. Избалованные дети богачей, получающие большой капитал от богатых родителей и не прилагающих особых усилий для зарабатывания денег, – сравнительно новое для Японии явление, являющееся результатом экономического бума 1980-х гг. Вполне ожидаемо, что необычное вальяжное поведение юных богачей вызывает к себе негативное отно-

шение в японском обществе, где не принято выделяться в общей массе.

Итак, ядро ассоциативного поля «богатый» у русских во многом соответствует ядру ассоциативного поля *kanetochi-no* у японцев, но на периферии обнаруживаются существенные расхождения, хотя, в целом, отношение к богатым в обеих странах скорее отрицательное, чем положительное. Расхождение в образе богатого человека у русских соответственно конца XX и начала XXI веков определяется не столько изменением личностного отношения к богатым как таковым, сколько существенным изменением экономических и бытовых реалий, связанных с жизнью так называемой российской элиты.

Несколько слов об очевидных сходствах. И в русской, и в японской культурах богатыми становятся преимущественно мужчины. Экономические условия жизни в обществе «развитого капитализма» приводят некоторых женщин к мысли о том, что было бы неплохо стать женой (женить на себе) богатого мужчины. Материальные ценности в обеих культурах оказываются в конце концов более важными, чем нравственные, хотя было бы неверно говорить о безоговорочном доминировании первых над вторыми. Тем не менее, на примере ассоциативных полей «богатый» и *kanetochi-no* мы видим преобладание реакций, говорящих об определенной меркантильности испытуемых, что, впрочем, подразумевается самим стимулом. Эта меркантильность в меньшей степени прослеживается в первой русской выборке (начало 1990-х гг.) и в большей степени – в двух других выборках.

Принципиальное отличие восприятия богатого в двух культурах – в возрасте и ком-

плекции людей, обладающим богатством. Японцы представляют богача как пожилого и толстого человека; русские начала 1990-х гг. – как толстого и энергичного; русские начала XXI века – как энергичного. Еще раз подчеркнем факт преобладания реакций, вошедших в японском ассоциативном поле в телесно-перцептивную компоненту, над соответствующими реакциями из русских ассоциативных полей.

Основное отличие двух русских выборок определяется постепенным вытеснением нравственных ценностей материальными в области товарно-денежных отношений. Кроме того, богатство представляется русским постперестроечного периода как не заслуживающее пиетета, тогда как русские начала XXI века более серьезно относятся к этому вопросу, хотя для последних характерно и отсутствие единого мнения из-за противоречивости событий, происходящих в общественной жизни страны, притом что богатые люди играют в этой жизни далеко не последнюю роль.

Список литературы

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи. – СПб., 2005.
2. Владимиров В. В. Смысл русской жизни. – М., 2006.
3. Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. – М., 2007.
4. Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М., 1994.
5. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России)/Под ред. И. Г. Дубова. – М., 1997.

А. П. Василевич

Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции

В статье экспериментально доказывается, что белый, синий и красный цвета, составляющие российский триколор, являются наиболее значимыми в сознании современных россиян. С другой стороны, появление этих цветов на государственном флаге в XVII в. было обусловлено рядом славянских этнокультурных традиций.

Ключевые слова: цвет, российский триколор, флаг, значимость цвета, национальное мирозерцание

Вижу ищущих свет.

Луч красный, луч синий, луч белый серебряный.

Рерих. Криптограммы Востока

Государственный флаг обычно определяется как кусок материи (в том числе специальной) определённого цвета или нескольких цветов, часто с эмблемой, объявленный официальным символом государственной власти. Это один из древнейших и наиболее широко распространенных геральдических знаков.

В России до последней четверти XVII в. существовали знамена, а не флаги. Слово *флаг*, по данным этимологического словаря Фасмера, датируется 1699 г. и произошло от голл. *vlag*, причем изначально, возможно, существовало в форме *флагтук* – голландского названия ткани, которая из-за прочности как раз и шла на морские флаги. *Знамя* же изначально имело совсем другой смысл. В словаре Даля оно даже не удостоено отдельной словарной статьи: оно включено в статью *знаменоватъ*. Др.-русск. *знаменоватися* означало «отличаться, выделяться чем-либо». С этой целью, в частности, поднимался на древке сакральный символ (знак) племени или группы людей. *Знамя*, по версии Даля, означало примерно то же, что *знаменье*, т.е. знак, признак и только много позже приобрело значение «полотнище на древке, вручаемое войскам для почета и как сборный знак во время боя».

При всем разнообразии государственных флагов следует признать, что их основным изобразительным средством является сочетание цветов: именно цвета́ флага олицетво-

ряют его государственную принадлежность.¹ Обычно цвета представлены на флаге в виде абстрактных геометрических фигур – прежде всего, полос. Именно таковым является современный российский триколор.

В большинстве случаев выбор цвета для национального флага не является случайным. Он отражает определенную культурно-историческую традицию данной страны и определенные цветовые предпочтения, веками складывающиеся в данном этносе. Речь идет о *национальных цветах*. Они внесловны, внеклассовы, внепартийны и относительно постоянны: они не меняются даже при смене правящих режимов. Верность своим эмблемам и способность пронести их сквозь века составляют особую гордость и служат залогом преемственности исторической жизни народов.

Любому цвету, независимо от того, является ли он национальным, свойственна определенная символика, отчетливо и единообразно осознаваемая многими представителями этноса. Понятие «национальный цвет» с неизбежностью включает в себя множество культурно-исторических и даже национально-психологических параметров. Национальные особенности весьма отчетливо проявляются на уровне ассоциаций. Об этом говорят, например, данные Е. Пе-

1. Заметим, что англ. *colours* букв. 'цвета́' выступает синонимом слова *флаг*; ср. также русск. *защищать цвета страны*.

тровой [2006; 2008], которая сравнивала цветовые ассоциации русских и французов. На желтый цвет ведущими ассоциациями в обеих аудиториях были слова *цвет солнца, золото, песок, теплый, веселье*. Но на этом сходство кончается. В русской группе существенную долю составили слова *сумасшествие, разлука, осенний*, которых у французов не было вовсе. В то же время у французов важными оказались понятия *предательство, измена*, начисто отсутствующие в ответах русских испытуемых.

Среди эмоциональных ответов на красный цвет у русских и французов выделяются *ярость, гнев, агрессия*, которые вызывают в воображении картину бушующего разрушительного огня и, как правило, связаны с повышенной эмоциональной возбудимостью, сопровождающейся покраснением кожи (приливом крови).

Однако эмоциональное возбуждение сопровождается не только отрицательные эмоции. Порозовевшее лицо девушки, сильно бьющееся сердце – симптомы влюбленности или просто радости и счастья. На Руси долгое время именно красный цвет был цветом торжества, праздника. До сих пор осталась традиция отмечать выходные и праздники в календарях красным цветом. В силу этого среди ассоциаций на красный цвет в русской аудитории немало положительно окрашенных слов; у французов они практически отсутствуют.

У каждого народа можно отметить свои цветовые симпатии. Почетным императорским цветом в Византии был багряно-красный, в Китае – желтый. В Германии к числу преимущественных цветов исторически относится черный (у немцев он символизировал силу, мужество, великое прошлое). Напротив, французам свойственно инстинктивное неприятие черного – как и русским, у которых этот цвет всегда считался знаком смерти, печали, монашества, мрака, ада кромешного.

Можно ли каким-то образом определить эту самую «психологическую значимость» цвета для русских? И окажутся ли в числе значимых цвета российского триколора?

Проявление значимости цвета может иметь две формы: опосредованную (доля

того или иного цвета в одежде; употребительность соответствующих цветоименований в фольклоре и художественной литературе и т.п.) и прямую (можно обратиться непосредственно к представителям русской культуры и выяснить их мнение).

В одном из наших ранних исследований приведены результаты анализа большого корпуса текстов русской художественной литературы XIX–XX вв. [Василевич 1981]. В задачу анализа входила оценка употребительности цветоименований. Объем выборки составил более 2 млн. словоупотреблений; всего было зафиксировано ок. 11 тыс. случаев употребления названий цвета.

Важно подчеркнуть, что в нашем случае речь идет не о конкретных словах цветоименованиях. Если нас интересует степень важности красного цвета, то мы учитываем суммарную частоту слов *красный, багровый, алый, малиновый, винно-красный, темно-красный, багрово-синий* и т.д. – т.е. все случаи, когда так или иначе был упомянут какой-нибудь оттенок красного цвета.

Подсчеты показали, что самыми частыми были слова, обозначающие оттенки красного и белого цвета, а, например, на шесть цветовых категорий из одиннадцати (зеленый, фиолетовый, розовый, серый, оранжевый и коричневый) приходится только 18% всех случаев появления цветоименований в тексте.

Теперь обратимся к прямым показателям. В упомянутом выше исследовании [Василевич 1981] группе из 200 носителей русского языка была дана инструкция вспомнить и написать как можно больше названий цвета (любых, которые придут в голову). В анкетах оказалось более 6 тыс. ответов. Очевидно, что степень значимости отдельных цветов для русской аудитории напрямую связана с числом появления в анкетах соответствующих слов: чем чаще появляется указание на данный цвет, тем важнее этот цвет для опрашиваемой аудитории. Основные результаты эксперимента представлены в табл. 1.

Отметим, что категория красного цвета резко выделяется по обоим параметрам – и по общей частоте появления и по числу

Таблица 1. Результаты ассоциативного эксперимента

Цветовая категория	Общее число ответов	В т.ч. разных слов
красный	1091	83
синий/ голубой	876	48
зеленый	692	49
желтый	623	54
коричневый	584	29
белый	452	58
серый	444	53
оранжевый	405	20
фиолетовый	402	21
черный	192	26
розовый	171	12

разных слов; категория синего цвета занимает «прочное» второе место и т. д.

Однако общее число ответов и число разных слов внутри одной категории еще не исчерпывают всех возможностей оценки значимости цветовых категорий. Хорошо известно, что наиболее важные слова приходят в голову первыми, и соответственно, в числе первых фиксируются в анкете испытуемого. Значит, при обработке результатов им надо придавать больший вес. С другой стороны, число ответов, зафиксированных в индивидуальных анкетах, колебалось в большом диапазоне: от 10-15 до 70 слов. Получается, что те, кто породил больше ответов, имели гораздо больший «вес» в общем множестве данных, т.е. испытуемые были, в каком-то смысле не равноправными.

Мы приняли решение повторить эксперимент, усовершенствовав процедуру его проведения. Во-первых, мы ограничили число ответов, приняв во внимание только первые 15 слов каждой анкеты. Тем самым, испы-

туемые уравнивались по своему «вкладу» в общее множество ответов. Во-вторых, мы строго фиксировали ранг появления каждого слова в индивидуальной анкете.

В новом эксперименте приняли участие 40 испытуемых – студентов языкового вуза. Особого внимания заслуживает предложенная нами процедура обработки результатов.

На первом этапе индивидуальные анкеты были сведены в единую матрицу результатов. Опишем подробно процедуру обобщения данных.

Как и ранее, мы выделили 11 основных цветовых категорий и отмечали, на каком месте появлялся в анкете «представитель» этого цвета: независимо от того, было ли это слово *красный*, *бордовый* или *пурпурный*, мы считали, что появился «красный цвет»; *синий*, *голубой*, *бирюзовый*, *темно-синий* и т.п. сигнализировали о появлении «синего цвета» и т.д. Следует сказать, что подавляющую долю слов, описывающих данный цвет, во всех случаях составляли основные цветоименования. Например, *зеленый* встретилось в 39 анкетах, в то время, как *хаки*, *изумрудный*, *оливковый* и *бледно-зеленый* встретились в 1-3 анкетах, и лишь *салатовый* было несколько употребительнее (18 анкет).

Приведем пример анализа анкет двух испытуемых (табл. 2). Напомним, что список каждого испытуемого включал ровно 15 слов.

Представим обобщенные данные двух испытуемых в более удобном виде. Понятно, что в первую очередь следует следить, вклю-

Таблица 2. Пример предварительного этапа обработки данных

Ответы в исходной анкете			Результаты		
Ранг	Испытуемый 1	Испытуемый 2	Основные цвета	Исп. 1	Исп. 2
1	<i>красный</i>	<i>белый</i>	белый	7	1, 10
2	<i>синий</i>	<i>черный</i>	желтый	-	6
3	<i>голубой</i>	<i>красный</i>	зеленый	15	5, 8, 12
4	<i>фиолетовый</i>	<i>синий</i>	коричневый	5, 13	11
5	<i>бежевый</i>	<i>зеленый</i>	красный	1, 8, 10	3
6	<i>черный</i>	<i>желтый</i>	оранжевый	9	-
7	<i>белый</i>	<i>голубой</i>	розовый	12	10
8	<i>темно-красный</i>	<i>салатовый</i>	серый	14	12
9	<i>оранжевый</i>	<i>фиолетовый</i>	синий	2, 3, 11	4, 7
10	<i>пурпурный</i>	<i>розовый</i>	фиолетовый	4	9, 11
11	<i>темно-синий</i>	<i>перламутровый</i>	черный	6	2
12	<i>розовый</i>	<i>лиловый</i>			
13	<i>коричневый</i>	<i>пурпурный</i>			
14	<i>серый</i>	<i>коричневый</i>			
15	<i>зеленый</i>	<i>серый</i>			

чает ли индивидуальный список всю группу 11 основных цветов. В нашем случае желтый и оранжевый цвета в одном из списков отсутствуют.

С другой стороны, как мы говорили выше, важно оценить, на каком месте в индивидуальном списке появляется тот или иной цвет. При этом, согласно общепринятым психологическим принципам, наиболее существенным показателем является *первое* появление соответствующего слова. Если у исп. 1 красный цвет представлен тремя словами, то важнейшим из них является то, которое появилось первым (в данном случае, слово *красный*, первое место в списке). Коричневый цвет представляют два слова, причем первым появилось совсем не основное цветоименование (*бежевый* – 5-ое место, в то время, как *коричневый* – только 13-ое).

Чтобы облегчить дальнейшие расчеты, мы перешли от рангов к баллам, применив следующую схему: 1→18 баллов; 2→16 баллов;

Таблица 3. Пример обобщения данных

	Ранг 1-го появления в анкетах		Ранги последующих появлений	Число анкет, содержащих цвет	Суммарный балл первого появления	Суммарный балл последующих появлений
	Исп. 1	Исп. 2	Исп. 1, 2		Исп. 1, 2	Исп. 1, 2
<i>красный</i>	1	3	8, 10	2	32	14
<i>синий</i>	2	4	3, 7, 11	2	28	28
<i>белый</i>	7	1	10	2	27	6
<i>черный</i>	6	2	-	2	26	-
<i>фиолетовый</i>	4	9	11	2	19	5
<i>коричневый</i>	5	11	13	2	16	3
<i>зеленый</i>	15	5	8, 12	2	12	12
<i>розовый</i>	12	10	-	2	10	-
<i>желтый</i>	-	6	-	1	10	-
<i>оранжевый</i>	9	-	-	1	7	-
<i>серый</i>	14	12	-	2	6	-

3→14 баллов; 4→12 баллов; 5→11 баллов; ... 14→2 балла; 15→1 балл.

Небольшой бонус трем первым местам списка, на наш взгляд, психологически оправдан.

Наконец, мы считали полезным не терять информацию и по тем словам, которые дополняли данный цвет (типа *темно-красный* и *пурпурный*, которые хотя и появились у исп. 1 позже слова *красный*, но все же усиливают роль красного цвета. Итак, объединим данные наших двух испытуемых (табл. 3).

Понятно, что информация трех последних столбцов имеет самое непосредственное отношение к определению значимости цвета для русских информантов. С этой целью желательно было бы охарактеризовать каждый цвет некоей величиной, в которой будут учтены и общее число, и ранги его появлений в индивидуальных анкетах. Однако, прежде чем предложить процедуру определения этой величины, представим фрагмент итоговой матрицы результатов, которая, собственно, и дает основу всех дальнейших расчетов (табл. 4).

Теперь опишем процедуру получения величины Q, которая будет характеризовать степень значимости цвета – исходя из величин N и \sum . Итак,

$$Q = N \frac{\sum}{\sum_{\max}}$$

где \sum_{\max} представляет собой максимально возможную величину суммарного балла для данного числа ответов. Напри-

мер, если серый цвет появился в 32 анкетах, то для него \sum_{\max} составит (32 x 18 = 576). Другими словами, если бы все 32 человека поставили серый цвет на первое место в своих анкетах, то «серый» набрал бы 576 баллов. Из табл. 3 видно, что реальный балл серого цвета равен 190. В таком случае значимость серого по нашей формуле составит 10,6. Эта величина и помещена в последнем столбце Q табл. 4.

Получившиеся результаты знаменательны в двух отношениях. Во-первых, последние пять мест занимают цветовые категории, для которых, согласно теории Берлина-Кея,

Таблица 4. Итоговая матрица результатов (фрагмент)

	Испытуемые					Число анкет, содержащих данный цвет (N)	Суммарный балл первого появления (Σ)	Суммарный балл последую- щих появлений	Q
	1	2	3	...	40				
<i>красный</i>	1	3	4		1	40	559	139	31.1
<i>синий</i>	2	4	3		5	40	532	390	27.6
<i>белый</i>	7	1	2		8	39	466	29	25.9
<i>черный</i>	6	2	9		7	39	439	-	24.4
<i>зеленый</i>	15	5	7		3	39	434	46	24.1
<i>желтый</i>	-	6	5		2	35	406	60	22.6
<i>фиолетовый</i>	4	9	8		6	38	338	87	18.8
<i>розовый</i>	12	10	15		-	34	242	-	13.4
<i>коричневый</i>	5	11	1		10	38	217	123	12.1
<i>оранжевый</i>	9	-	6		4	37	210	32	11.7
<i>серый</i>	14	12	-		9	32	190	4	10.6

во всех языках соответствующие лексические выражения появились в самую последнюю очередь, т. е. в определенном смысле они являются наиболее «молодыми».

Во-вторых, первые три места в списке занимают красный, белый и синий – цвета современного российского триколора.

Предложенная нами процедура позволяет оценить не только значимость цвета, исходя из первого появления слова в анкете испытуемого (назовем его Q^1 – это, конечно основной показатель), но и сохранять информацию, связанную с последующими появлениями слов той же категории. Конечно, важно, что исп. 1 поставил на первое место слово *красный* (см. табл. 2), но существенно и то, что в дальнейшем он еще дважды употреблял слова из категории красного цвета. Применяв аналогичную расчетную процедуру к таким дополнительным словам, мы получили показатель Q^2 , который позволяет дополнять оценку Q^1 . Значения обоих показателей см. в табл. 5.

Таблица 5. Значимость первого (Q^1) и последующих (Q^2) появлений слов

	Q^1	Q^2
красный	31.1	7.8
синий	27.6	6.8
белый	25.9	1.6
черный	24.4	-
зеленый	24.1	3.0
желтый	22.6	3.3
фиолетовый	18.8	4.8
розовый	13.4	-
коричневый	12.1	6.8
оранжевый	11.7	1.8
серый	10.6	0.2

Низкие значения Q^2 у категорий «белый» и «черный» связаны, как нам кажется, с тем,

что в русском языке вообще не много разных слов, относящихся к этим категориям. Связано это с тем, что появление нового слова обычно вызывается необходимостью обозначить *оттенок* цвета (ср. *малиновый, алый, гранатовый, насыщенно-красный, светло-красный* и т. д.). У ахроматических цветов оттенков практически нет; отпадает и нужда их называть. С другой стороны, неожиданно высок показатель у группы «коричневый» (главным образом, за счет одного слова – *бежевый*, которое встретилось в 25 анкетах из 40, хотя и далеко не в начале списков). Возможно, это связано с тем обстоятельством, что в данный конкретный момент психологическая значимость коричневого цвета повысилась благодаря моде (подавляющее большинство испытуемых составляли молодые девушки).

Итак, мы показали, что в сознании современных носителей русского языка цвета триколора, действительно, занимают важнейшее место. Но как обстояло дело раньше, во времена, предшествующие XVII в., когда этот самый триколор создавался? Начнем с двух цветов, которые единодушно признаются «исконно славянскими»: белого и красного. Об их значимости говорят многочисленные факты. Так, эти цвета играли исключительно большую роль в русском быту. Достаточно сказать, что белая рубаха с красной вышивкой была типичной народной одеждой русских. Кстати, по некоторым данным красному цвету придавалась обережная функция, т. е. люди верили, что зло боится красного цвета (не случайно вышивка шла по подолу, воротнику и концам

рукавов, т.е. в местах, наиболее уязвимых для проникновения нечистой силы). Понятно, что красный цвет не мог не превалять в символике русского воинства. Судя по летописям и немногим сохранившимся древним флагам, до 90% древнерусских знамен и стягов были именно красного цвета.

Белый цвет имеет исключительное значение в православии. С самых древних времен он был символом всего самого высокого, одним из эмблемных цветов самого Бога. И наоборот, все черное, темное, мрачное всегда означало нечто низкое, не божественное, земное.

Отсюда белые одежды богов, ангелов, святых, праведников в раю, белая окраска православных храмов. Словосочетания типа *белые ризы* или *св. Георгий на белом коне*, часто встречающиеся в древних памятниках, выражают, конечно, не белый цвет как таковой, а причастность к святости. Белыми называл народ свою веру, царя и Отечество.

Отнюдь не случайно белый цвет в свое время был прочно связан с такими качествами, как благородство, знатность, величие, благосостояние. Да и сейчас белые костюмы, автомобили, рубашки, интерьеры служат знаком принадлежности к обеспеченному классу, а словосочетания *белые воротнички*, *белая косточка* относятся к категории лиц, которые в определенной мере составляют высшие слои общества.

Кстати, если мы обратимся к государственным флагам, то легко убедимся, что белый и красный цвета помещены на флагах ВСЕХ славянских стран.¹

Что до синего цвета (точнее голубого – см. об этом [Василевич 2007]), то он был скорее «русским», чем общеславянским. Голубой считается цветом Богоматери; на крестные ходы русские патриархи шествовали под голубыми балдахинами. Синими на Руси были небо, вода, да и весь видимый мир. Ср.:

Гой Ты, Русь моя родная, Хаты – в ризах образа, Не видать конца и края – Только синь сосет глаза.	И мне в глаза ударит синий, До боли синий, грустный свет. И вдруг повеет той Россией, Которой – мне казалось – нет!
С. Есенин	В. Сидоров

1. Включая и балтославянские Латвию и Литву. Впрочем, есть и исключение – Украина; здесь имеются свои исторические причины, о которых мы здесь говорить не будем.

Итак, для выбора белого, красного и синего цвета у Петра I были все основания.² А вот тот факт, что эти цвета остаются ведущими и для современных россиян, был в определенной мере неочевиден. Впрочем, этот результат можно рассматривать двояко. С одной стороны, можно предположить (и это было бы «красиво»), что русские сумели сохранить основные черты национального мирозерцания. С другой стороны, уместна и обратная версия: триколор стал привычным атрибутом современного быта (достаточно сказать, что человек видит его каждый раз, когда включает государственный канал телевидения). Соответственно психологическая значимость этих цветов неосознанно повышается. Не будем сейчас подробно аргументировать ту или иную позицию и разбираться, где тут яйцо и где курица, но не можем не отметить следующего факта. Когда мы проводили аналогичный эксперимент (это было на рубеже 1980-х гг.), триколор был практически не известен широкой аудитории. Наши испытуемые были воспитаны на красном советском флаге, и все же синий и белый цвета уже тогда неизменно входили в число наиболее важных.

Список литературы

1. Василевич А. П. Обозначение цвета в современном русском языке. Деп. в ИНИОН АН СССР 10.6. 1981, № 7699.
2. Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания. // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007.
3. Василевич А. П. Три цвета в истории российского флага // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты. – М., 2009.
4. Петрова Е. Ю. Кто раскрасил российский флаг? // Вестник МГЛУ, вып. 525. – М., 2006, с. 138-145.
5. Петрова Е. Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности. Автореф. канд. дисс.... – М., 2008

2. Точнее будет сказать, что сами цвета для флага выбрал еще Алексей Михайлович; Петр ввел собственно трехполосный флаг (см. об этом подробнее в работе [Василевич 2009]).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ly Toan Thang, Nguyen Thi Thanh Huyen

The Vietnamese way of viewing and thinking about the world (based on animal and plant puzzles)

Тот способ, которым этно-культурная общность воспринимает и концептуализирует предметы и ситуации внешнего мира, тесным образом связан с важнейшими теориями и концепциями психолингвистики и когнитивной лингвистики, такими как связь между языком и сознанием (восприятием, мышлением, памятью, вниманием и т.д.); понятиями «образ мира» и «картина мира»; учением о «внутренней форме» Гумбольдта и его учеников; гипотезой лингвистической относительности Сэпира-Уорфа и т.д. Проведя эксперимент по классификации и описанию 800 пазлов животных и растений, мы увидели, каким образом вьетнамцы выбирают определенные особенности предложенных животных и растений и как сравнивают их с особенностями других объектов для решения поставленной задачи по сбору пазла.

Keywords: folk literature, puzzles; Humboldt's Linguistic Doctrines, Hypothesis «Linguistic Relativity»; Psycholinguistics, Cognitive Linguistics

I. Introduction

According to Humboldt, languages have to be studied in a close relation with the thinking, culture and the spiritual life of human.

In his conception, every language does not directly reflect the world around us but to show us a specific way/mode in interpreting this world. Different languages bring different world-views, and, therefore, the language is not the different expression about the world but the different way of viewing it.

Humboldt also pointed out that it is necessary to differentiate the «outer form» and the «inner form» of languages and words, of which «the inner form» relates to the world-view of the native community and «the outer form» refers to phonetics and grammar etc.

In the theory of linguistic nomination, applying the idea of Humboldt concerning about the «inner form» of words, it is common to base on the way that native speakers choose the properties/attributes of things to name them. It is easy to see when we compare two different languages as Vietnamese and English, for example: the equivalents of «underpants» in English is «quan lot» (pants- for lining the long

pants) or /and «quan dui» (pants-shot as thigh) in Vietnamese. Here, in this case, we can see the two different «inner forms» in naming the same object:

- in English «underpants» there is a choice of the spatial orientation «under-“
- in Vietnamese «quần lót» there is a choice of the function «lót» of the underpants – «lining» the long pants
- in Vietnamese «quần đùi» there is a choice of the size «đùi» of the underpants – shot as «thigh» of a man.

However, we can see that in linguistics, up to now, the study of this «inner form» is often just focused on words, not on a broader constructions. Therefore, we use the data of puzzles to open a new direction for the study of linguistic nomination and the «inner form» of languages.

On the other hand, we also want to supply more evidence about the way of Vietnamese perception about the world for the study of the relation between language, thinking and culture from the view of cognitive linguistics as well as from the view of the hypothesis of «linguistic relativity».

To have a clear understanding about the above ideas, those are the two main aspects about puzzles that will be discussed:

In the puzzles, what properties/attributes are often chosen as a foundation to identify objects (animals, plants)?

In the puzzles, the object asked is often compared with what kind of things (human beings and others objects)?

II. Puzzles in Vietnamese

In the treasure of Vietnamese folk literature, puzzles account for a remarkable quantity, not less than folk-songs, proverbs or other kinds of oral literatures. Up to now, puzzles are still a favorite game of many people, even in many websites and forums currently there are many young people taking part in this game.

Puzzles have 2 parts: the questions and the answers. In the question, there are always the description of one or some properties/attributes of the object being asked, which are used as the clue to find out the answer.

The question is often poem – four meter poem or six-eight meter poem.

Vietnamese people often have puzzles about the daily life, labor or recreations which can be classified into two areas: puzzles about the culture and puzzles about the nature. In the total of 3000 puzzles on general, the puzzle about animals and plants account for the largest part (30% approximately) of which animal puzzles is 13% and the plant ones is 17%.

Regarding the puzzle about animals and plants, the objects being asked are often familiar animals and plants relating closely to the daily life of Vietnamese farmers or it could be the body of animals or different part of plants.

Following are the list of 10 most common animals and plants that are often asked in 800 puzzles (400 for animals and 400 for plants):

Table 1. 10 most common animals asked in the puzzle

Names of the animal	Number of puzzle	Names of the animal	Number of puzzle
Chickens	30	Bees	13
Buffalo	19	Cows	12
Crabs	17	Spiders	11
Fish	17	Louses	11
Dogs	15	Fire flies	10

Table 2. 10 most common plants asked in the puzzle

Names of the plant	Number of puzzle	Names of the plant	Number of puzzle
Corns	23	Bamboos	16
Areca	22	Lotus	15

Rice	19	Gourds	12
Bananas	19	Pineapples	9
Coconuts	19	Sweet potatoes	9

In the puzzle, animals or plants are often personified. For example:

- The puzzle about buffalo:

Bốn ông đập đất (4 feet)

Four men digging the land

Một ông phất cờ (the tail)

One man raising the flag

Một ông vợ cở (the mouth)

One man gathering the grass

Một ông bả phân (the buttock)

One man spreading the manure

- The puzzle about the areca tree and the areca nut:

Mẹ thì đứng ở ngoài sân

The mother is standing in the yard

Sai con tiếp khách đãi dân trong nhà

Asking her children to receive and welcome guess in the house

III. Attributes chosen for identifying an object in Vietnamese puzzles

In a puzzle, the animal or plant is often described with some certain properties/attributes in order to suggest the answer. The attributes used are the appearance/outlook or the ones that are easy to see from those animals or plants, at the same time some attributes of plants or animals are also described, just a few puzzles describe only ONE attribute of them. For instant:

- Describe just an attribute of the object asked – the body structure of a crab for example:

Có chân mà chẳng có tay

It has legs but no hands

Con mắt thì có lông mày thì không

It has eyes but no eyebrow

- Describe many different attributes of the object asked – the size and the shape of the leaf, the smell and the time for blossom of the lotus for example:

Hoa gì nở giữa mùa hè

What kind of flower that opens in summer

Trong đầm thơm mát, lá xòe che ô

Good smell from the pond and its leaf is like an umbrella

Through 800 puzzles investigated (400 for animals and 400 for plants) we have found

some attributes often used to identify the animals or plants with different level. They are closely combined to each other and the more attributes in a puzzle, the clearer the picture for the object asked is. More details are listed in the following tables:

Table 3. The animals asked in the puzzle with the most attributes for identification (5 attributes)

Animals	Number of attributes	Animals	Number of attributes
Ducks	5	Louses	5
Snails	5	Geese	5
Bees	5	Flies	5

Table 4: The plants asked in the puzzle with the most attributes for identification (5 attributes)

Plants	Number of attributes	Plants	Number of attributes
Betels	5	Corns	5
Jack-fruits	5		

Following are the list of the attributes of the object asked in puzzles, arranging in the order of the mostly used to the less (we do not put them in percentage because in each puzzle the attributes for identification are used with different level therefore it is difficult to put them in a correct percentage).

Table 5: Attributes for identification in the puzzle for animals

Order number	Attributes	Number of puzzles	Number of puzzles using just 1 attribute	Number of puzzles using many attributes
1	The structure and movement of body	129	12	117
2	Form or shape	126	5	121
3	Living condition	93	5	88
4	Habit and lifestyle	69	4	65
5	Function and relation with human	61	2	59
6	Body size	60	0	60
7	Mode of motion	54	2	52
8	Body colors	53	0	53
9	Sound	50	2	48
10	Name	47	20	27
11	Method of food hunting	44	0	44
12	Growing	25	3	22
13	Standard position	20	3	22
14	Origin	14	0	14
15	Reaction	13	1	12
16	Quantity	12	0	12
17	Relation with other animals	8	0	8
18	Character	8	0	8
19	Animal instinct	7	0	7
20	Race	7	1	6

Table 6: Attributes for identification in the puzzle for animals

Order number	Attributes	Number of puzzles	Number of puzzles using just 1 attribute	Number of puzzles using many attributes
1	Role and relation with human	145	8	138
2	Appearance	139	17	121
3	Colors	104	4	100
4	Names	87	60	27
5	Structure	56	10	46
6	Location for growing	48	1	47
7	Size	44	3	41
8	Development process	42	9	33
9	Flowers, fruits	38	1	37
10	Location	25	1	24
11	Smell and taste	23	0	23
12	Method of cultivation and caring for	12	3	9
13	Quantity	13	0	13
14	Reproduction	10	3	7
15	Collecting and harvesting	8	0	8
16	State of a leaf or fruit	5	0	5
17	Duration for blooming	5	1	5
18	Condition for land and living environment	4	0	4
19	Relation to the animals	4	0	4
20	Price	1	0	1

IV. The way to associate and compare in Vietnamese puzzles

When a puzzle is given out, people often use the association to compare the object asked or one or some characteristics of this object to other object (it could be human or not). This association or comparison more or less show us the «world view» or the way of thinking about this world of Vietnamese people. For example, when the puzzle is about the buffalo, people often compare the appearance of it with the elephant:

Cái gì trông tựa con voi,

What is It that looks like an elephant?

Nhưng ngà mọc ngược, mà vòi lại không?

But its tusk is upside down and has no trunk

When the puzzle is about the fly, people compare its size with a bean:

Vừa bằng hạt đỗ

It has the same size as a bean

Ăn cỗ cả làng

Having meals at all eating tables around the village

Based on the attributes chosen as the foundation for identification in 800 puzzles about animals and plants investigated above, we have learnt the way Vietnamese people associate and compare the object asked in the puzzle with the object compared.

Following are the attributes often associated and compared:

A. Puzzles for animals

The association and comparison are based on the similarity of:

1. *Appearance*: (176/305 unit of comparison; 58%)
2. *Size*: (45/305 unit of comparison; 15%)
3. *Structure of body*: (33/305 unit of comparison; 11%)
4. *Color*: (23/305 unit of imagination; 7%)
5. *Characteristics of sound*: (10/305 unit of imagination; 3%)
6. *Quantity*: (9/305 unit of comparison; 3%)
7. *Characteristics of race*: (6/305 unit of comparison; 2%)
8. *Characteristics of living condition*: (2/305 unit of comparison; 0.7%)
9. *Mode of moving*: (1/305 unit of comparison; 0.3%)

B. Puzzles for plants

The association and comparison are based on the similarity of:

1. *Outlook*: (164/291 unit of comparison, 56%)
2. *Color*: (46/291 unit of comparison, 16%)
3. *Size*: (30/291 unit of comparison, 10%)
4. *Structure*: (25/291 unit of comparison, 8.5%)
5. *Reproduction characteristics*: (14/291 unit of comparison, 5%)
6. *Quantity*: (7/291 unit of comparison, 2.5%)
7. *Other cases*: (5/291 unit of comparison, 2%) characteristics of harvesting or value.

All the above results show us that the association from Vietnamese people are performed with the outlook features such as: sizes, colors, structure etc. and these attributes are all those mostly used among 22 foundations to identify animals and 20 foundations to name plants (mentioned in part II)

The special thing here is that although there are just 16 attributes to associate and compare, but there are 305 lexical units (words or phrase) referred to the objects compared in the puzzle for animals and 291 units for ones of plants. We can classified these objects into the following groups:

A. Puzzles for animals

The compared object is related with:

1. Houses, pagodas, boats: 66/305 (22%)
For example: house, pagoda, brick, wooden bell, flag, bell, boat etc.
2. Human and other activities of human: 65/305 (21%)
For example: the carpenter, celibate women, fist, hand, raising flag, fanning etc.
3. Daily tools: 53/305 (17%)
For example: knives, brooms, combs, saws, needle, the thread etc.
4. Human costumes: 46/305 (15%)
For example: coats, amours, brocaded robes, brassiere, white towel etc.
5. Animals and their parts: 33/305 (11%)
For example: cows, buffalo, ducks, chickens, elephants, snacks, horses' eyes, goats' jaw etc.
6. Plants: 27/305 (9%)
For example: loopah, gourd, bananas, peanuts, rice, betel leaf etc.\
7. Natural things and phenomena: 9/305 (3%)
For example: old forest, mountains, rain, sand, stone etc.
8. Weapons: 6/305 (2%)
For example: swords, lances, tanks etc.

B. Puzzles for plants:

The compared object is related with:

1. Human and human activities: 160/291 (55%)
For example: old men, celibate women, eyes, legs, adopted children, getting married etc.
2. Human costumes: 43/291 (15%)
For example: hats, silk shirt, long pants, silver belts etc.
3. Animals: 34/291 (12%)
For example: buffalo, birds, fish, flies, peafowls etc.
4. Daily tools: 19/291 (6.5%)
For example: fans, hanging lamp, hammock, fishing rod etc.

5. Plants: 14/291 (5%)

For example: flowers, small bamboo, tomatoes, roses, mandarins etc.

6. Houses, pagodas: 11/291 (3.5%)

For example: bells, flags, statue etc.

7. Others: 10/291 (3%)

For example: stones, soil, coins, coal etc.

All the data above shows that Vietnamese people often associate to those about humans. One different thing is that in the puzzle for animals those concerning houses, pagodas, boats account for the largest part (22%), those of plants just take 3.5%.

V. Conclusion

From all the initial study about puzzles of Vietnamese people and the way Vietnamese perceive the world, we can sum up some following ideas:

1. Animals and plants in the puzzle of Vietnamese people are those closely relating to daily life of the farmer in Vietnam long time ago.

2. Animals or plants are observed very carefully and described with different attributes mainly to the appearance that is salient, easy to see. With those that can not be observed by eyes are rarely used (biological instinct, the intelligence, some parts of plants like the root of a tree)

3. The object asked in a puzzle is often personified therefore its characteristics are usually associated and compared with those of human. One interesting thing is that different from puzzles of animals, the puzzle for plants

is often personified with women or young women (not men or young men)

4. The way to perceive the animal and describe them in puzzles about animals of Vietnamese people is always objective, no emotion expressions (even with the animals like flies, mosquitoes, louse, leech etc. are described just as the way they are, sometimes in a very humorous way)

Reference

1. *Ho Anh Thai*, 2004. Vietnamese Puzzles (in Vietnamese), Hai Phong Publisher
2. *Humboldt W. von*, 1984. Izbrannye trudy po jazykoznaniju, Moskva
3. *Humboldt W. von*, 1985. Jazyki i filozofii kul'tury, Moskva
4. Jazykovaja nominatsija: Obshie voprosy, 1977. Moskva
5. *Ly Toan Thang*, 2005. Cognitive Linguistics: From theoretical prerequisites to Vietnamese evidence (in Vietnamese). Social Sciences Publisher, Hanoi
6. *Manchester M.L.*, 1985. The Philosophical Foundations of Humboldt's Linguistic Doctrines. Amsterdam, Benjamins.
7. *Ninh Viet Giao*, 2008. Vietnamese Puzzles (in Vietnamese), Literature Publisher Hanoi
8. *Nguyen Van Trung*, 2007. Vietnamese Puzzles (in Vietnamese), Tong Hop Ho Chi Minh City Publisher
9. *Trieu Nguyen*, 2007. Puzzles of Vietnamese People about the Nature (in Vietnamese), Thuan Hoa Publisher, Hue

Е. А. Елина

Изобразительное искусство как феномен «удвоенной коммуникации»

В статье рассматривается соотношение изобразительных и креолизованных текстов. Предлагается классификация и анализ трех типов креолизованных текстов, что позволяет отметить содержательные особенности, коммуникативную эффективность и эстетическую нагрузку каждого из трех типов текстов. Структурная усложненность подобных текстов, их двукодовая организация выявляет в то же время их визуальную, смысловую и функциональную целостность, которая оказывает эстетическое и коммуникативное воздействие на адресата.

Ключевые слова: текст, изобразительный текст, креолизованный текст, двухкодовая организация текста, коммуникативное воздействие

Что смысл иконического знака не всегда так отчетлив, как думают, подтверждается тем, что в большинстве случаев его сопровождает подпись; даже будучи узнаваемым, иконический знак может толковаться неоднозначно и поэтому требует, когда нужно точно знать, о чем идет речь, закрепления в словесном тексте.

У. Эко «Отсутствующая структура»

Традиционно под текстом понимают осмысленную последовательность вербальных знаков, обладающую формальной связностью и содержательным единством. Однако такое толкование текста, будучи верным узколингвистически, оставляет за рамками своего содержания все семиотические варианты, не имеющие линейной вербальной структуры. Таким образом, понятие текста неизбежно сужается, лишаясь семиотической широты и многоплановости.

Однако этимологическое значение понятия «текст» (ткань, связь, сплетение) отсылает к широкому пониманию термина, которое трактует текст как определенным образом устроенную совокупность любых знаков, обладающую формальной связностью и содержательной цельностью. «Понятие текста для семиотики очень важно, – пишет М. Майенова. – Оно не обязательно касается только языковых структур. Всякая знаковая структура, передающая определенное целостное значение, есть текст. Картина, ритуал, определенное поведение – это тексты с семиотической точки зрения» [Мауенова 1973: 154]. Иначе говоря, текстами в широком значении можно считать совокупность имеющих знаковую природу социальных феноменов, со-

ставляющих культуру, иначе говоря, любые созданные человеком семиотические системы. Анализируя широкое и узкое понимание текста в герменевтике, Г. И. Богин отмечает: «Самая широкая трактовка понятия «текст» заключается в том, что текст выступает как общее название для продукта человеческой целенаправленной деятельности, т. е. как материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность» [Богин 1982: 20].

Согласно Ю. М. Лотману, человеческая культура в целом может быть представлена как совокупность текстов, однако, с точки зрения исследователя, точнее говорить о культуре как о механизме, создающем совокупность текстов, и о текстах как о реализации культуры [Лотман 1992: 333].

Таким образом, не только вербальная информация, но и различные культурные артефакты, в частности, кино, музыка, фотография, архитектура, географические локусы и др., являются текстами, подчиняются семиотическим законам и изучаются как семиотические системы.

Произведение изобразительного искусства (живописное полотно, картина) правомерно также рассматривать как эсте-

тически значимый текст с его цельностью, связностью его элементов и формально-содержательным единством. Эстетический текст-изображение представляет собой отграниченное, замкнутое в себе конечное образование, главными признаками которого являются наличие специфической имманентной структуры, высокая значимость категории пространственной «границы» – рамы, а также тяготение к панхронности. Произведение изобразительного искусства можно назвать *панхронным* текстом, поскольку в отличие от линейно протекающей во временной последовательности вербальной информации, текст-изображение не имеет временных границ коммуникации с реципиентом: с момента его создания и сколь угодно долго (до момента его физического уничтожения) объект коммуницирует с аудиторией, иначе говоря, его *коммуникативная сила постоянна*. «Не надо предпринимать специальных усилий по воплощению духа времени – он дышит в художнике и в модели. Не важно, какое на дворе тысячелетие – достаточно быть честным и талантливим наблюдателем, дабы в лице проступил лик...» [Леняшин 2001: 4]. Если же принять во внимание возможные случаи, когда эстетическое изображение оказывается по каким-либо причинам неизвестным кругу зрителей, то всегда остается потенциальная возможность его предъявления, и когда бы это ни произошло, коммуникативная связь будет установлена (примером тому может служить античное искусство или наскальные рисунки древнего человека, практически сразу же после обнаружения причисленные современной цивилизацией к величайшим памятникам культуры).

Эстетический текст-изображение можно назвать и *пантопохронным* текстом с позиций не только временных, но и пространственных [Воронин 1990: 5], так как для благоприятного протекания эстетической коммуникации не представляет неразрешимой проблемы и культурная (а тем самым часто – и пространственная) отдаленность адресанта от адресата (например, японское, китайское и др. искусства при всех отличиях от, например, европейского могут вполне успешно воспринимать-

ся европейским адресатом, разумеется, подготовленным к инокультурному артефакту), в связи с чем произведение изобразительного искусства может быть названо также *панкультурным* текстом. «Воспринять и (или) освоить эстетические идеи, порожденные иным культурным окружением и иной эпохой, художнику, по-видимому, довольно легко, – пишет Г. Пауль. – Так же в основном обстоит дело и с «нехудожником». Ему, правда, для усвоения новых идей требуется обычно больше времени, а часто еще содействие со стороны художественной культуры» [Пауль 1995: 23]. Причиной такой вневременной и внетерриториальной коммуникации является ее эстетический характер, при котором художественное творчество действует по законам эстетической организации с общим кодом.

Итак, произведение изобразительного искусства, или изобразительный текст (далее – **ИзТ**) в своем основном, «чистом» виде функционирует как иконический (основанный на знаках-изображениях), континуальный (непрерывный, сплошной) пространственный (имеющий два измерения на плоскости) семиотический текст.

Но никакой ИзТ, становясь фактом культуры, не может оставаться единственно и только изображением: он должен вступать в эстетическую коммуникацию со зрителем, должен приниматься обществом, оцениваться специалистами и иметь свою музейную, выставочную, книжно-альбомную художественную жизнь. Требования социализации, приобретения данным ИзТ своей культурной, общественно-значимой ниши приводят к тому, что изначально гомогенный иконический ИзТ начинает выступать как текст семиотически осложненный, включающий в себя значительную вербальную составляющую.

Используя вошедшую в научный обиход терминологию, обозначим такие тексты как *креолизованные*, т.е. такие, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181]. «Креолизованный текст предстает слож-

ным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2006: 180]. При этом в центре внимания современных исследователей находится такое соотношение вербальной и иконической знаковых систем, которое предполагает главенствующую роль вербальной основы и подчиненное ей положение иконической составляющей: «*невербальные, графические средства, сопровождающие письменную речь*» [Ворошилова 2006: 182]; (см. также: [Бернацкая 2000], [Анисимова 2003], [Валгина 1998], [Кирилов 2006], [Лазарева, Горина 2003], [Чудакова 2005] и др.). Однако согласно тем же самым правилам и условиям создан и рассматриваемый нами «обратный» креолизованный текст с иконическим субстратом и вторичной вербальной знаковой системой.

Коммуникативный эффект от иконически-вербального креолизованного текста достигается, на наш взгляд, тремя способами, которые дают нам возможность выделить соответственно три типа креолизованных текстов (далее – **КрТ**) на основе ИзТ.

Первый тип КрТ (КрТ-1) предполагает получение готовым ИзТ своего собственного места среди других ИзТ путем указания всех его возможных непластических, неизобразительных атрибутов (авторства, времени создания, техники исполнения, материалов, размеров, места постоянного нахождения). Вся атрибутика КрТ имеет вербальную форму и представляет собой краткий текст на отдельной табличке внизу картины-оригинала или рядом с изображением-репродукцией в альбоме. Создание таких вербальных пояснений – обязанность специалистов-искусствоведов и музейных работников, в чью задачу входит отслеживание всех характеристик и параметров КрТ. Абсолютно каждый законченный ИзТ получает соответствующую ему вербальную атрибутику и функционирует с ней вместе как единое целое – КрТ. Вербальная составляющая может иметь, например, следующий вид: «**ФРАНС СНЕЙДЕРС** (1579–1657). Рыбная лавка. Холст, масло.

209,5 ´ 341 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург»

Второй тип КрТ (КрТ-2) определяет соответствующий способ достижения большей информативности, большего коммуникативного эффекта и связан с желанием или прихотью художника дать дополнительный комментарий к картине, который получает форму вербального текста в виде авторских пометок, замечаний, пояснений, стихов, сделанных прямо на пространстве холста или на его обратной стороне. Далеко не к каждому ИзТ дается авторский комментарий; по отношению ко всему огромному художественно-изобразительному массиву, находящемуся в человеческом распоряжении, это достаточно частные и редкие случаи. Однако эти КрТ достойны специального рассмотрения как яркие феномены особого психологического воздействия на зрителя. Например, к своей картине «Апофеоз войны» художник В. Верещагин сделал на раме саркастическую надпись: «*Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим*».

Третий способ общественного признания и вхождения ИзТ в культуру – создание на его основе интерпретирующих текстов, истолковывающих формальные (живописные средства) и содержательные (сюжет) стороны ИзТ, разъясняющих его зрителю-неспециалисту и читателю. *Это третий тип КрТ (КрТ-3)*, с которого начинается профессиональная деятельность искусствоведов и критиков, создающих монографии, аннотации, альбомы с описанием различных ИзТ и дающих тому или иному ИзТ профессиональную искусствоведческую оценку. Профессиональные искусствоведческие тексты включены в постоянный процесс научного интерпретирования с его стилистическими правилами и жанровыми признаками. Чем выше уровень ИзТ, чем большим живописным достижением он является, тем больше, чаще и многообразнее он описывается в искусствоведении. Образец такого искусствоведческого описания может выглядеть следующим образом: «*Фигуры связаны общностью живописно-пластической интерпретации. Краски густые, вязкие. Формы словно бы тяжелеют, набухая*

цветом... Вещь заявляет о себе представителем цвета, экстрактом красок. Трехмерное пространство уплотнено, вжато в плоскость. Картина производит внушительное впечатление, обыденная реальность переведена в план цветовых сущностей». (Л. В. Мочалов «Пространство мира и пространство картины», о картине П. Кончаловского «Семейный портрет»).

Создать вербальную интерпретацию ИзТ может и неспециалист, непрофессионал (например, в ходе эксперимента), и хотя это нерегулярное и несистемное явление, тем не менее, «наивные» вербальные интерпретации могут представлять большой интерес как оригинальные самостоятельные произведения.

К этому же третьему типу КрТ относятся поэтические произведения, созданные на основе и по мотивам реального живописного полотна – это тоже вербальные интерпретации, имеющие помимо (или вместо) информативной функции эстетический характер и свои поэтические особенности и достоинства. К таким КрТ можно отнести, например, стихотворения А. С. Пушкина «Извержение Везувия», Н. А. Заболоцкого «К портрету А. П. Струйской», А. А. Тарковского «Пауль Клее» и др.

Все три кратко описанных типа КрТ, сочетая два вида кодирования информации (иконический и вербальный), являются совершенно различными по своему содержанию, по соотношению и роли двух кодов и по своим функциям. Первые два типа КрТ представляют собой прежде всего иконический носитель информации, который присоединяет к себе вербальный «вспомогательный» элемент (непластические атрибуты всех видов). Третий тип КрТ (вербальная интерпретация) отчуждается от иконического носителя, существует как самостоятельный текст, а иконический носитель располагается либо физически близко (рядом на странице печатного издания), либо в принципе в пределах досягаемости (в музее, на выставке, в других печатных изданиях). Вербальная интерпретация картины зеркальным образом отражается в изображении-иллюстрации к литературному произведению (см.: [Валгина 1998]): свой собственный но-

ситель информации (в первом случае иконический, во втором – вербальный, и рядом находящийся, но уже существующий отдельно «перевод» – вербальный текст-интерпретация – с одной стороны, и изображение-иллюстрация – с другой).

Содержание и характеристика КрТ-1

В КрТ-1 непластические атрибуты кроме прямой технической функции несут некоторую установочную нагрузку, сходную с антиципирующей, установочной ролью авторства и заголовка в литературно-художественном тексте. При первичном восприятии КрТ-1 его атрибуты и само изображение предстают перед субъектом-зрителем или одновременно, или (что даже скорее) изображение воспринимается несколько раньше, чем подпись под ним из-за естественного свойства глаза улавливать сначала более крупный объект, а затем – мелкий. Но при дальнейшем изучении картины важными становятся все непластические детали, поскольку зритель опять возвращается к изображению, уже владея вербальной фактической информацией, дающей ключи к более глубокому пониманию картины: *фамилия автора* настраивает искусствоведчески и общекультурно подготовленного реципиента на восприятие определенной стилистики произведения, той или иной художественной школы, индивидуального авторского почерка, а также страны и эпохи; *название* картины в той или иной степени ориентирует субъекта в сюжете произведения, во времени и месте происходящего на картине; *год создания* дает представление (кроме хронологического) о творческом (раннем, позднем) периоде художника; *материал, размеры, место хранения* очень важны, если речь идет о КрТ-1, репродуцированном в книжном формате: эти данные позволяют увидеть (вернее, представить) за репродукцией оригинал.

Самым существенным непластическим атрибутом КрТ-1 является его *название* – заявление темы изображения. Если заголовки литературного текста понимаются как целостный и относительно автономный метатекстовый знак, представляющий собой «свертку» основного текста по принципу

«часть вместо целого», то названия в КрТ-1 выполняют сходную функцию. Но «сверткой» текста, «частью вместо целого» относительно изображения их можно назвать лишь условно, так как текст названия КрТ подан в принципиально другом, вербальном коде, это не «свернутый» живописный код.

Названия в той или иной мере связаны с изображением, в той или иной мере комментируют его. Однако дело именно в той самой «мере», которая может растягиваться в длиннейшую шкалу от полного вербального «наложения» названия на изображение, не вызывающего никаких вопросов, до совершенного несоответствия одного другому, наводящего на размышления и оставляющего некие загадки. Например, судя по названию, гравюра японского художника Кацусика Хокусая «Стихотворение Оно-но Комати» должна иллюстрировать стихи Оно-но Комати – величайшей японской поэтессы IX века:

Распустился впустую,
Минул вишенный цвет.
О, век мой недолгий!
Век не смежая, гляжу
Взглядом долгим, как дождь.

Но единственная деталь, связывающая текст и изображение в незатейливой сценке из сельской жизни, изображенной на картине, – это опавшие лепестки цветов вишни, которые убирают двое крестьян [Успенский 2006: 40].

Для заполнения условной шкалы соответствия/несоответствия названия изображению мы подвергли названия КрТ-1 типологической классификации и соответствующему типологическому описанию. Такая классификация позволит определить зависимость степени коммуникативного эффекта от места названия КрТ-1 в каждой точке шкалы.

По семантике означаемого названия КрТ-1 можно разделить на шесть групп с возможными подгруппами; в какой-то мере эти типы связаны с понятием «хронотопа» (по М.М. Бахтину), который позволяет объединить тексты по общим пространственно-временным признакам и свидетельствует о жанре текста – объекта:

ПЕРВАЯ ГРУППА – *событие*:

а) *бытовое*: «Сватовство майора» (П. Федотов), «Урок анатомии доктора Тюлпа» (Рембрандт), «Кутеж трех князей» (Н. Пироманишвили) и т.д.;

б) *историческое*: «Утро стрелецкой казни» (В. Суриков), «Смерть Марата» (Ж. Давид), «Последний день Помпеи» (К. Брюллов) и т.д.;

в) *мифологическое*: «Явление Христа народу» (А. Иванов), «Падение Икара» (П. Брейгель), «Похищение Европы» (В. Серов) и т.д.;

г) *фантастическое*: «Купание красного коня» (К. Петров-Водкин), «Пылающий жираф» (С. Дали), «Глаз как шар» (О. Редон) и т.д.;

ВТОРАЯ ГРУППА – *предметы и явления*:

а) *адресные* (с указанием места и времени): «Вечер. Золотой Плёс» (И. Левитан), «Руанский собор вечером» (К. Моне), «Гамбургский порт» (А. Марке) и т.д.;

б) *безадресные* (без указания места и времени): «Пейзаж с озером» (К. Коро), «Персики и груши» (П. Сезанн), «Черный квадрат» (К. Малевич) и т.д.;

ТРЕТЬЯ ГРУППА – *место и время* (без указания предметов, явлений и лиц):

«После обеда» (О. Ренуар), «В кафе» (П. Гоген), «На горах» (М. Нестеров) и т.д.;

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА – *персона*:

«Девушка с веером» (О. Ренуар), «Портрет А.П. Струйской» (Ф. Рокотов), «Автопортрет с трубкой» (Г. Курбе) и т.д.;

ПЯТАЯ ГРУППА – *символ, аллегория*:

«Невермор» (П. Гоген), «Апофеоз войны» (В. Верещагин), «Атомная Леда» (С. Дали) и т.д.;

ШЕСТАЯ ГРУППА – *условность*:

«Картина 1» (П. Мондриан), «Импровизация №7» (В. Кандинский), «Без названия» (Р. Магритт) и т.д.

По степени *информативности* и, следовательно, возможности *прогнозирования* и *понимания семантики* перечисленные типы названий распределяются на 4 вида, условно названные как а) *существенно ориентирующие*, создающие установку на достаточно конкретное восприятие определенной тематики; б) *ограниченно ориентирующие*, вызывающие общее пред-

ставление о теме и сюжете картины, иногда гипотетическое; в) *никак не ориентирующие*, вообще не дающие никакой установки на восприятие, совершенно не ассоциирующиеся с темой и сюжетом картины; г) *дезориентирующие*, формирующие ошибочную гипотезу о содержании произведения.

Первая группа (событие) может быть *существенно ориентирующим* в подпункте (б) – историческом событии, которое прямо заявлено в названии: «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» (Ф. Гойя), «Петр Первый, допрашивающий царевича Алексея Петровича в Петергофе» (Н. Ге) и др. Остальные подгруппы можно определить как *ограниченно ориентирующие*, так как во всех обязательно остается неполнота информации об объекте: можно с той или иной долей вероятности предполагать, что именно стоит за такими названиями, как, например, «Масленица» (Б. Кустодиев), «Поцелуй украдкой» (О. Фрагонар), «Ночной дозор» (Рембрандт) и т. д.

Вторая группа названий (предметы и явления) с ее двумя подгруппами может относиться как к существенно ориентирующему виду, так и к ограниченно ориентирующему. Достаточно полная, *существенно ориентирующая* информация содержится в многочисленных названиях этой группы: «Черемуха в стакане» (К. Петров-Водкин), «В тропическом лесу. Битва тигра и быка» (А. Руссо), «Бульвар Монмартр» (К. Писсарро), «Подсолнухи» (В. Ван Гог) и др. К *ограниченно ориентирующему виду* относятся такие названия этой же, второй, группы, как: «Сумерки» (А. Васнецов), «Ужин» (Л. Бакст), «Утро» (Б. Кустодиев), «Абсент» (Э. Дега) и др.

Третья и пятая группы названий (место – время; символ – аллегория) можно определить только как *ограниченно ориентирующие*: названия третьей группы неизбежно неполны из-за отсутствия в них грамматических субъекта, объекта и предиката (это синтаксически неполные предложения): «За обедом» (З. Серебрякова), «У папаши Латюля» (Э. Дега), «В горах» (М. Сарьян). В названиях пятой группы обязательно заложены обобщения, что существенно снижает их информативность: «Эхо

прошедшего времени» (К. Сомов), «Капризы памяти» (С. Дали), «Знамя Мира» (Н. Рерих) и др.

Существенно ориентирующие названия свойственны четвертой группе (персона), если представляются портреты конкретных людей: «Портрет жены брата художника» (Рембрандт), «Портрет актрисы Жанны Самари» (О. Ренуар), «Портрет А.С. Пушкина» (О. Кипренский), «Мика Морозов» (В. Серов) и пр. Но если названия портретов не включают в себя такого рода дополнительные ориентиры (имена, фамилии, профессии, степени родства и т. д.), тогда название носит *ограниченно ориентирующий* характер, так как в нем отмечается лишь какой-либо признак, не дающий полной информации об изображенном: «Девочка с персиками» (В. Серов), «Дама с горностаем» (Леонардо да Винчи), «Неизвестная» (И. Крамской), «Портрет польской девушки» (А. Модильяни) и др.

Количество *дезориентирующих* названий достаточно мало, так как у художника, как правило, нет задачи создания «эффекта обманутого ожидания» в отличие от возможности такого эффекта в литературном тексте. В случае использования автором названий такого рода необходимо обращение к зрительному ряду картины как антитезы названию для выяснения сущности дезориентации: «Прекрасная Анжель» (П. Гоген) – портрет женщины с подчеркнуто некрасивым, маскообразным лицом; «Завтрак аристократа» (П. Федотов) – жанровая сценка, изображающая скудный, убогий быт и жалкую трапезу опустившегося дворянина; «Иван Грозный и сын его Иван» (И. Репин) – эпическое, спокойно-повествовательное название противоречит страшной сцене убийства (не случайно существует второе, неофициальное название картины, прямо опирающееся на сюжет – «Иван Грозный убивает своего сына»); «Каникулы Гегеля» (Р. Магритт) – изображение зонта и стоящей на нем рюмки.

Никак не ориентирующие названия свойственны всей шестой группе – условной, так как «Композиции», «Рисунки», «Импровизации», обозначенные номерами, или декларированные отсутствия названий

(«Без названия») в принципе не могут создать никакой антиципирующей установки на восприятие объекта. Кстати, такой же тип заголовков – хотя крайне ограниченно – встречается и в литературе, например: «Без заглавия» (А.П. Чехов); «Как же называется эта книга?» и «Эта книга никак не называется» (Р. Смаллиан); «Несобранные произведения» (М.И. Цветаева).

В целом названия КрТ (совместно с другими вербальными атрибутами) задают общее направление для осмысленного восприятия, сразу же *ограничивая* общий *тематический, сюжетный, идейный круг* и отсекая от него все неподходящие жанровые, сюжетные и стилистические варианты. Такая ориентация является целесообразной для более эффективного восприятия КрТ-1, создавая у субъекта определенную психологическую и информационную установку на такое понимание картины, которое выполняло бы задачу самого художника, поскольку название – это тоже «произведение» художника, и от его содержательности, метафоричности и оценочности в определенной степени зависит и общая подготовленность субъекта к восприятию картины.

Коммуникативные возможности КрТ-2

КрТ-2, основанные на добавлении к иконическому ряду субъективно-авторских вербальных комментариев, представляют собой своеобразные «синтетические» феномены. История искусства говорит о том, что наряду с различными чистыми формами изображения постоянно использовались и до сих пор используются смешанные по функциям и структуре, синтетические, гибридные формы, имеющие ритуальный, документальный, иллюстративный, коммуникативный характер.

Примечания художника к своей картине, сделанные на полотне (на обороте полотна, на раме), прежде всего, содержат сведения об авторе и времени создания картины, т.е. являются сугубо информативными, например: «*Это я сам нарисовал себя в зеркале в 1484 году, когда я был еще ребенком. Альбрехт Дюрер*». Однако иногда примечания служат дополнительным толкованием изображения. Например, ко многим своим картинам, представляющим жан-

ровые сцены, художником П. Федотовым даны подписи в виде сатирических замечаний, иногда как бы от лица героев картины: «*Все это очень хорошо. А сколько у вас душ крестьян?*» («Невеста с расчетом»), «*Ах, братец, кажется, я дома забыл кошелек*» («Квартальный и извозчик») и т.д. Такими пояснениями просветительно настроенный автор стремится усилить воздействие своих работ на зрителя, сделать их более понятными простой аудитории. (Кстати, эти же приемы – словесные комментарии, характеристики используются и другими европейскими художниками, например, У. Хогартом, Ф. Гойей).

«Надпись, – отмечает С.Н. Соколов-Ремизов, – осуществляет самую важную – коммуникативную функцию... Надпись как бы обнаруживает внутреннюю готовность картины к «открытости» и утверждает ее как найденное, устойчивое качество... Являясь завершающим жестом художника, она ждет отклика, приглашает к сопереживанию и сотворчеству. Надпись... открывает путь к богатству «закартинных» смыслов...» [Соколов-Ремизов 1985: 169].

Особый интерес представляют поэтические пояснения к своим картинам, сделанные самими художниками. Например, Анри Руссо, художник-примитивист, убежден в необходимости поэтических пояснений изображения: «Люди не всегда понимают то, что видят. Обычно бывает лучше добавить немного стихов» (Цит. по: [Якобсон 1987: 352]). К картине «Сон» он прилагал «разъяснение»-восьмистишие (перевод И.В. Захарова; см. также перевод Р.О. Якобсона):

Уснув прекрасным сном, Ядвига
Тихонечко приподнялась,
Услышав чудный звук волынки:
То мудрый чародей играл.
И отблески бросал свет лунный
На лес и на речную гладь.
Прислушивались чутко змеи
К музыке бодрой колдуна.

Поэтическое сопроводительное творчество А. Руссо – достаточно редкий для европейской традиции случай органичного симбиоза живописи и поэзии, как и творчество П. Клее, в котором «поэт тесно переплетается с художником» [Якобсон 1987: 352].

Особое значение приобретают надписи на картинах в восточном искусстве, порой несущие не менее важную информацию для зрителя, подготовленного традициями данной культуры, чем само изображение. Такими надписями, текстами в китайской живописи являются стихи, печати, подписи: «В Китае, где живопись считалась благородным искусством, владелец картины часто писал свои комментарии в стихах или прозе на фоне величественных ландшафтов и ставил свою печать прямо на поверхности картины» [Шапиро 1972: 139]. В эпохи Юань и Мин художники начинают добавлять к живописи свои комментарии. С этого времени картины содержат не только автографы, оттиски печатей, комментарии художников, но и послесловия известных коллекционеров, владельцев свитков. Считалось, что киноварные оттиски личных печатей коллекционеров наполняли древние полотна новыми жизненными силами, продлевая их жизнь. Печати и подписи помогают проследить многовековую историю древних полотен, узнать перипетии их судеб.

«...стихотворения на картине – не излишество: по китайским представлениям, оно дополняет картину важной информацией, подключая ее к определенным традициям в живописи и в поэзии... Картина, таким образом, содержит двойное сообщение: одно – собственно пейзаж (речь идет о картине Ван Вэя. – Е. Е.), второе – письменный текст... они дополняют друг друга» [Миклош 1977: 306].

Художники Китая и Японии иногда сами были одновременно и литераторами, и помещали на картинах свои собственные литературные произведения, как, например, японский художник Ёсикуни Тоякава (1813-1831), очень популярный в конце XVIII столетия, который пробовал себя на литературном поприще и прославился как автор кёка – шуточных стихотворений, текст которых он помещал на гравюре.

Текстовый орнамент – свидетельство синкретизма коммуникативной и художественной функций изображения («двойная / усиленная коммуникация»). Искусствовед видит в такого рода КрТ сложившиеся формы изобразительного ис-

кусства, а с точки зрения историка письма он представляет собой надпись. Возможность такого совмещения позиций объясняется тем, что изобразительность и письмо в течение многих веков функционировали слитно, как единая знаковая система. «Для создателя такой картины позиции зрителя и читателя не были принципиально разделены. Так, изображение может входить в различные ансамбли, где сами его изобразительные качества оказываются второстепенными» [Даниэль 2006: 19-20].

Надписи на японской картине можно отнести к искусству каллиграфии. Они часто располагаются в определенном месте картины таким образом, чтобы не нарушить общего композиционного строя картины и составить вместе с изображенным единое композиционное целое: «Каждый лист из «Ста знаменитых видов Эдо» (серия японских гравюр – Е. Е.) сопровождается однотипными текстами. В верхнем правом углу, в красном или розовом прямоугольнике, скорописными иероглифами обозначено название серии... рядом, в многоцветном квадратном картуше, – описание места, изображенного в данном листе, краткое, но емкое. В нижней части гравюры, справа или слева (иногда в середине), помещен еще один красный, реже желтый прямоугольник... Это – подпись художника...» [Успенский 2006: 54].

Никто, в том числе и самый оригинальный художник, не творит, черпая силы только из глубин своего собственного «я». Каждый творец создает свои произведения, исходя из исторически сложившейся культурной традиции. Произведение в той особой художественной форме, какая ему придана, является свидетельством культуры и истории народа. Так, для Китая, а вслед за ним и Японии характерна «удвоенная коммуникация» в изобразительном искусстве, которая достигается путем слияния внутри иконического носителя информации вербальных искусств – поэзии и каллиграфии.

Виды и особенности КрТ-3

При исследовании КрТ-3 обращает на себя внимание разностильность и разнофункциональность подобных текстов: обладая общими формальными признаками (самостоятельное, практически автономное суще-

ствование вербальной интерпретации ИзТ) *искусствоведческие* КрТ и *поэтические* КрТ обслуживают разные сферы человеческой культурной деятельности. Искусствоведческие КрТ (и профессиональные, и «наивные») стремятся быть ближе к своему изобразительному оригиналу и воплощаются как его своеобразный вербальный «перевод». Поэтические КрТ часто «забывают» об изобразительной основе и становятся поэтическими феноменами – самостоятельными культурными событиями.

Сравним несколько таких разнофункциональных КрТ-3, посвященных одному ИзТ. Вот как, например, описывается в искусствоведческом КрТ-3 картина К. П. Брюллова «Гибель Помпеи»:

«...День катастрофы представлен трагически мрачным. Непроглядная грозная чернота нависла над землей, кроваво-красное зарево заливаает вдали небосвод, тьму разрывают длинные, острые молнии... И как в судный день, перед лицом смерти обнажается суть человеческой души. Каждая группа в «Помпее» – это своего рода «портрет» чувств, именно потому почти все герои, независимо от позы, повернуты к зрителю лицом... В полотне, наполненном бурным действием, особое значение приобретает композиция движения. Брюллов справляется с этой задачей блестяще. Артистична ритмика телодвижений, жестов рук – оберегающих, обнимающих, гневно простертых к небу, бессильно падающих. Все формы в картине поражают своей скульптурной объемностью. Ритму линий соответствует ритмическая организация цвета. Доминирующий в холсте цвет – красный. Центральная часть освещена холодным цветом молнии, поэтому здесь главенствуют разбеленные голубоватые, желтоватые, зеленоватые тона. Сама идея картины глубоко романтична...» [Леонтьева Г. К. Карл Павлович Брюллов. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 54].

В данном искусствоведческом КрТ-3 (приведенном нами для краткости с большими купюрами) автор сначала излагает историческую основу создания картины, описывает возникновение и развитие авторского замысла, стремится дать как можно более подробное визуальное описание и затем об-

ращается к формальным живописным средствам, которые позволили автору создать этот шедевр. Этот профессиональный искусствоведческий КрТ, при всей своей целостности, законченности и самостоятельности, стремится быть ближе к картине, он передает, «переводит» на вербальный уровень весь доступный автору фактический, живописный, исторический материал.

По мотивам этой же картины К. П. Брюллова написано короткое стихотворение А. С. Пушкина:

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя

Широко развилось, как боевое знамя.

Земля волнуется – с шатнувшихся колонн Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,

Под каменным дождем, под воспаленным прахом,

Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Эти шесть строк так же монументальны, как само грандиозное полотно К. П. Брюллова, но монументальность эта создается собственными, пушкинскими поэтическими средствами, использующими лаконичную, точную, динамичную лексику. Скупые, почти минималистские приемы передают страшную динамику события – все в движении, в падении, в огненном вихре, перед нами трагедия вселенского масштаба, каждая строка весома и впечатляюща. Но перед нами скорее краткое описание исторического события (пусть и отраженного на картине), чем сама картина. Автор не обращается ни к живописным приемам, используемым художником, ни к особенностям живописного языка, ни к деталям изображения – все это не входит в его задачу, его привлекает лишь фабула. Полотно для автора – только изображение, дающее повод воссоздать *существование* в его почти зримом развертывании. Читателю достаточно знать сам факт извержения Везувия и гибели Помпей. Появившись на основе картины, такой КрТ может существовать независимо от картины и производить на читателя поэтическое впечатление также независимо от его знания или незнания полотна К. П. Брюллова.

Классическому полотну Рембрандта «Ночной дозор» посвящен следующий искусствоведческий КрТ-3, созданный,

как и предыдущий, по традиционным искусствоведческим правилам (описывается история заказа картины, ее создание, детальный зрительный ряд, живописные средства – здесь все приводится с большими сокращениями):

«Одним из выдающихся произведений Рембрандта, созданных в начале 40-х годов, является картина «Ночной дозор» (1642 г., Амстердам, Рейксмузей). Она была выполнена для парадного зала нового здания амстердамской стрелковой гильдии... Заказчиком картины был капитан отряда стрелков Франс Баннинг-Кок, богатый, влиятельный человек. Отряд показан поднятым по сигналу боевой тревоги. Стрелки выходят из-под арки темного здания на ярко освещенный мост, смешиваются с находящимися на улице людьми. Поэтому на картине вместо 18 стрелков 34 фигуры, в том числе дети и даже лающая на барабанщика собака. На первом плане во весь рост изображены Франс Баннинг-Кок в черном капитанском костюме и лейтенант Виллем ван Рейтенбург в нарядной одежде, со шпагой. За ними движутся стрелки отряда... Несмотря на разнообразие поз и движений, отряд представляет собой сплоченную, компактную группу: люди как бы слились в едином порыве. Картина оставляет впечатление значительности, композиционной завершенности» [Андронов С. А. Рембрандт. М.: Знание, 1981. С. 80].

Наш современник, поэт Евгений Рейн, по-своему интерпретирует «Ночной дозор». В гнетущем, тревожном впечатлении поэта от картины – переплетение двух историй – Голландии XVII века и недавнего советского прошлого.

У «Ночного дозора» я стоял три минуты,
И сигнал загудел, изгоняя туристов.

Я бежал, я споткнулся о чекан Бенвенуто,
Растолкал итальянок в голландских батистах.

Что-то мне показалось, что-то мне показалось,

Что все это за мною, и мой ордер подписан,
И рука трибунала виска мне касалась,

И мой труп увозили в пакгаузы – крысам.

Этот вот капитан – это Феликс Дзержинский,

Этот в черном камзоле – это Генрих Ягода.

Я безумный? О нет, даже не одержимый,
Я задержанный с тридцать пятого года.

Кто дитя в кринолине? Это дочка Ежова.

А семит на коленях? Это Блюмкин злосчастный.

Подведите меня к этой стенке, и снова
Я увижу ее и кирпичной, и красной. //...//

Вас разбудят приклады «Ночного дозора»,
Эти дьяволы выйдут однажды из рамы.

Это было вчера, и сегодня, и скоро...

И тогда мы откроем углы пентаграммы.

В стихотворении намечены фрагменты визуального ряда картины – *этот вот капитан, этот в черном камзоле, дитя в кринолине, семит на коленях, эта стенка*, но без предшествующего чтению представления о картине сами по себе названные фрагменты мало помогут читателю в воссоздании зрительного ряда, хотя их можно назвать элементами описания картины. Но для адекватного понимания стихотворения важно прежде всего знание российской истории, поскольку ассоциативный план опирается на него. Рембрандт всего лишь изобразил людей, которые берутся за оружие, выходят и сливаются с толпой, но зритель, смотрящий на полотно, испытывает безотчетное чувство тревоги, и у каждого эта тревога своя и ассоциации свои, личностные. Испытывает кажущуюся необъяснимой тревогу при восприятии «Ночного дозора» и поэт. Но беспокойство и страх его вполне объяснимы и абсолютно реальны: он *задержанный с тридцать пятого года* (конечно, это метафора, поэт тогда только родился, он просто слишком хорошо знает историю своей страны). Главный безрадостный итог авторских ассоциаций заключен в ключевой строке стихотворения: *Это было вчера, и сегодня, и скоро...* И в любой момент прошлого, настоящего и будущего могут выйти вооруженные люди и прийти за тобой...

Поэт своими размышлениями и выводами втягивает читателя, своего современника, в зону воздействия картины, и ее поэтическое восприятие является здесь стержнем лирического повествования. И даже не видя до этого полотна Рембрандта, можно сопереживать поэту, можно адекватно истолковать стихотворение, поскольку все главное в нем

связано с подтекстом картины (каким его видит поэт), а не с самим изображением.

В стихотворении А. Тарковского «Пускай меня простит Винсент Ван Гог...» «Башмаки» Ван Гога и другие произведения художника оставили след в преображенном виде благодаря уникальному поэтическому восприятию:

Пускай меня простит Винсент Ван Гог
 За то, что я помочь ему не мог,
 За то, что я травы ему под ноги
 Не постелил на выжженной дороге,
 За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,
 За то, что в зной не дал ему напиться,
 Не помешал в больнице застрелиться.
 Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис,
Лимонный крон и темно-голубое, –
 Без них не стал бы я самим собою;
 Унизил бы я собственную речь,
 Когда б чужую ношу сбросил с плеч.
 А эта грубость ангела, с какою
 Он свой мазок роднит с моей строкою,
 Ведет и вас через его зрачок
 Туда, где дышит звездами Ван Гог.

В стихотворении переплетаются и организуют единый текст биографические моменты из жизни Ван Гога, авторское преклонение перед трагической личностью художника и горечь от «несовпадения» художника и поэта в едином жизненном пространстве. Выделенные нами фрагменты текста – явная аллюзия на конкретные живописные полотна художника («Башмаки», «Кипарисы», «Звездная ночь»), которые выступают в стихотворении как прецедентные тексты. Здесь происходит поэтический процесс завершения метафоризации, или деметафоризация образов: башмаки уже не значат ничего, кроме себя самих как вещи; после образного этапа, как бы завершая круг, они опять приобретают свою идентичность. Это уже не те «Башмаки», которые воспринимались как живописная метафора. Автор (как и предполагаемый читатель) уже прошел тот метафорический уровень восприятия живописного полотна, и все образные нюансы, будучи воспринятыми и переработанными, остались в подтексте, стали фоновыми знаниями, общими у автора

и читателя. На поверхность же текста возвращается первичное значение предмета, но на новой, высшей стадии восприятия и понимания.

Рассмотрев только несколько примеров использования живописи в поэтических КрТ-3 (такие стихотворения, безусловно, представляют собой целую поэтическую область), можно отметить принципиально различное содержание в поэтических и искусствоведческих КрТ.

Необходимость переложения на поэтический язык языка живописи определяется субъективным и часто неожиданным откликом живописной идеи в поэтическом сознании автора стихотворения. Поэтические образы-метафоры, созданные поэтическим восприятием «по мотивам» изображения, достаточно отчуждены от самого изображения, самостоятельны и самодостаточны, в отличие от искусствоведческих КрТ-3, не только создающихся с опорой на ИзТ, но существующих как целостные КрТ только благодаря этому ИзТ.

Поэтическое восприятие руководствуется собственными узкоспециальными поэтическими задачами, не описывающими изображение, а преобразующими его в поэтический образ. Поэзия определено выигрывает от такого союза с живописью, приобретая новую глубину, разнообразие и интеллектуальность. Но и живопись, благодаря использующей ее поэзии, тоже поднимается на новую ступень восприятия и истолкования, всегда неожиданную и в каждом случае поэтически-уникальную.

Представленная классификация и анализ трех типов КрТ позволяет отметить содержательные особенности, коммуникативную эффективность и эстетическую нагрузку каждого из трех типов текстов. Структурная усложненность подобных текстов, их двукодовая организации выявляет в то же время их визуальную, смысловую и функциональную целостность, которая оказывает эстетическое и коммуникативное воздействие на адресата.

Список литературы

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов. – М.: Academia, 2003.
2. *Бернацкая А. А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т; Вып. 3. 2000.
3. *Богин Г. И.* Филологическая герменевтика. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1982.
4. *Валгина Н. С.* Теория текста: Учебное пособие. – Москва: Изд-во МГУП Мир книги», 1998.
5. *Воронин С. В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
6. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006.
7. *Даниэль С. М.* Искусство видеть. – СПб.: Амфора, 2006.
8. *Кирилов А. Г.* Факторы воздействия новостей в политических нарративах на адресата // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее: Сб. материалов XII Международной научно-практической конференции. – Самара, 2006.
9. *Лазарева Э. А., Горина Е. В.* Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ // Лингвистика т. 11. – Екатеринбург, 2003.
10. *Леняшин В.* Портрет столетия // Общая газета. – 2001. – № 48.
11. *Лотман Ю. М.* Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992.
12. *Миклош П.* Двойное сообщение в одной картине // Семиотика и художественное творчество. – М.: Наука, 1977.
13. *Пауль Г.* Философские теории прекрасного и научное исследование мозга // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. – М.: Мир, 1995.
14. *Соколов-Ремизов С. Н.* Литература. Каллиграфия. Живопись. – М.: Наука, 1985.
15. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
16. *Успенский М. В.* Японская гравюра. – СПб., 2006.
17. *Чудакова Н. М.* Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.) // Диссертация к. ф. н. – Екатеринбург, 2005
18. *Шапиро М.* Некоторые проблемы семиотики визуального искусства // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972.
19. *Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987.
20. *Mayenova M.* Semiotyka i struktura tekstu. – Warszawa, 1973.

Н. А. Павлюк

Грамматическая категория рода в этнопсихолингвистическом аспекте

В статье излагаются результаты экспериментов на выявление корреляции между грамматической категорией рода и родокомфортным восприятием тех же слов в русском, литовском и грузинском языковом сознании. Было выявлено, что яркие проявления родокомфортных несоответствий, которые можно считать гендерными лакунами, довольно редки.

Ключевые слова: лакуны, гендерная семантика, психосемантика, категория рода, русское, литовское и грузинское языковое сознание

Представление о том, что практически все уровни языка и речи значимы, давно уже перешло из разряда инновационных в ортодоксальные. Различные типы, аспекты, компоненты, уровни семантики описываются не только в исследовательских работах, но и в классических учебниках. В рамках данного исследования хотелось бы вначале остановиться на грамматической семантике. «Лексические и грамматические значения сосуществуют в слове и тесно взаимодействуют, поэтому полное представление о семантике слова возможно только при учете как тех, так и других значений» [Ахутина 1984: 10-11]. Очевидно, что гендерное распределение лексики, ее соответствующие изменения и сочетаемость (в зависимости от рода) определенным образом связано с грамматической семантикой. А поскольку в процессе коммуникации на родном языке внимание в основном сосредоточено на содержании и цели высказывания, то грамматическая семантика, в том числе и ее гендерная составляющая, манифестируется как область бессознательного, автоматического функционирования. При этом само наличие различного числа грамматически оформленных родов в разных языках или их отсутствие (например, трех – в русском, немецком; двух – литовском, французском; отсутствие – в английском, грузинском) позволяет рассматривать данный феномен не только

с точки зрения сопоставительных грамматик, но и с этнопсихолингвистической.

В связи с этим возможно введение понятия особого типа лакуны (подробнее о лакунах – [Сорокин 1988, 2003]) – гендерной, которая характеризуется:

1. Наличием – отсутствием соответствующих родов в языках различных этносов, что влияет на речевое поведение в условиях иноязычной среды. Например, ставшее классически анекдотичным: «Какой красивый девушка!». Типичная речевая ошибка, вызванная отсутствием грамматической категории рода в грузинском языке. Однако эта ошибка наполняет высказывание множественством дополнительных смыслов и ассоциаций.

2. Антонимичным или несоответствующим распределением денотатов по родам. Пример антонимичного распределения: ИВА – женск. род в русском языке и GLOSNIŠ (ива) – мужск. род в литовском. Несоответствующее распределение: СОЛНЦЕ – средн. род в русск., SAULĖ (солнце) – женск. род в литовск.

3. Возможностью замещения личными местоимениями соответствующих понятий через соотнесенность с антропоморфностью или одушевленностью или только через гендерность. Так, для англичан ОНО (ИТ) не только ОКНО (ср. род), не только СТОЛ и МАШИНА (неодушевл.), но и СОБАКА и КОНЬ (неантропоморфн.). Им кажет-

ся странным, что СЛОВАРЬ – ОН (he), а ДВЕРЬ – ОНА (she), так как в этих словах нет ни формальных (окончания), ни семантических указаний на род.

4. Обусловленными гендерным распределением сочетаемостью, коннотациями, ассоциативными связями, национальными архетипами. Например, в литовском фольклоре СОЛНЦЕ нередко выступает в роли невесты. Женихом же является ЛУНА (мужск. род в литовск.).

5. Возможностью метафоризации, имеющей гендерное ограничение. Так, литовские переводчики испытывают большие сложности в переводе российской поэтической БЕРЕЗЫ на родной язык, поскольку VIARZAS (береза) в лит. мужского рода. Чтобы перевести на литовский «Зеленая прическа, девическая грудь, о тонкая березка, что засмотрелась в пруд», нужно подобрать иной денотат. Обычно – это СОСЕНКА (puisale), но это совершенно иной образ.

С точки зрения лексического значения гендерная семантика, видимо, связана с коннотативным значением. Так, В.Ф. Петренко неоднократно выделяет специфический фактор, который интерпретируется как КОМФОРТНОСТЬ [Петренко 1988, 1997]. При этом исследователь отмечает, что как для вербальных, так и для невербальных пространств, важными по этому фактору являются понятия ТЕПЛОТА и МЯГКОСТЬ. Нами также выделялся похожий фактор, и при факторизации данных центроидным методом наибольшую нагрузку получил параметр ЖЕНСТВЕННЫЙ – МУЖЕСТВЕННЫЙ (0,617) [Павлюк 1982]. Очевидно, что репрезентативный параметр соотносится с родограмматическими признаками через паронимию. ЖЕНСКИЙ и ЖЕНСТВЕННЫЙ, МУЖСКОЙ и МУЖЕСТВЕННЫЙ далеко не всегда совпадают. Например, СКАЛА и ГОРА в русском языке женского рода. Однако информантами эти денотаты оцениваются как МУЖЕСТВЕННЫЕ. А КОТЕНОК хоть и мужского рода, но ближе к ЖЕНСТВЕННОМУ. При этом можно предположить, что антонимичное или несоответствующее распределение лексик по родам в разных языках оказывает

определенное влияние на восприятие по вышеуказанному фактору.

Для предварительной проверки данного тезиса было выбрано пять слов с антонимичным распределением по родам в русском и литовском языках. Инструментом измерения послужила пятибалльная шкала, преимущество которой обосновал еще А.П. Журавлев при исследовании фоносемантики [Журавлев 1974]:

- 1 – очень женственный
- 2 – женственный
- 3 – никакой
- 4 – мужественный
- 5 – очень мужественный

Предварительный эксперимент проводился в 1987 году в Шяуляйском педагогическом институте им. К. Прейкшаса. Информантами были студенты 1-3 курсов филологического факультета. Опрошено 52 литовских студента и 58 носителей русского языка. Литовским информантам стимулы предъявлялись на родном языке. Русским – на русском. Обращалось внимание на паронимию ЖЕНСТВЕННЫЙ – ЖЕНСКИЙ и др. Результаты исследований докладывались на Межвузовской конференции в г. Шяуляй [Павлюк 1988], но полностью не публиковались. Результаты первого эксперимента приведены в Таблице.

Таблица 1

С л о в а	русские		литовцы	
	род	оценка	род	оценка
1. Боб	Мужск	3,6	Женск	2,3
2. Жажда	Женск.	2,4	Мужск	3,9
3. Ива	Женск.	2,0	Мужск	3,6
4. Береза	Женск.	1,7	Мужск.	3,9
5. Птица	Женск.	2,0	Мужск.	3,9

Из таблицы видно, что в данном списке категория рода влияет на коннотации. Правда, у слова БОБ в русском языке имеется еще и омонимичное мужское имя (разг). Возможно, и оно повлияло на восприятие стимула русскими информантами.

Для второй серии экспериментов было отобрано 60 стимулов с антонимичным и несоответствующим распределением лексик по родам в русском и литовском языках. Для сравнения этот же список предъявлялся грузинским информантам – студентам историко-филологического факультета (специальность «грузинский язык и литера-

тура») Кутаисского госпединститута им. Ал. Цулукидзе. Слова были переведены на грузинский. Эксперимент провели в 1987 году доцент Курцхалия А.М. и преподаватель Сичинава Н.Г.

По результатам эксперимента лексику можно условно разбить на три группы:

1. Слова, восприятие которых значительно отличается и обусловлено влиянием категории рода – Таблицы 1, 2.

2. Слова, восприятие которых сходно, но характеризуется существенными различиями в степени интенсивности проявления признака. Таблица 3.

3. Слова, различия в восприятии которых несущественны, но подтверждают наличие исследуемой тенденции.

4. Слова, восприятие которых противоречит исследуемой тенденции (влияние рода на коннотации).

Таблица 2.

слова	русские		литовцы		грузины	
	род	оценка	род	оценка	род	оценка
1. Собака	Женск.	2,8	Мужск.	3,8	-	3,3
2. Месть	Женск.	2,7	Мужск.	4,0	-	2,9
3. Кровь	Женск.	2,7	Мужск.	3,8	-	3,8
4. Акула	Женск.	2,9	Мужск.	4,3	-	4,1
5. Тюрьма	Женск.	3,1	Мужск.	3,8	-	4,0
6. Война	Женск.	3,4	Мужск.	4,5	-	4,5
7. Вера	Женск.	1,9	Мужск.	3,3	-	3,8
8. Зависть	Женск.	2,4	Мужск.	3,4	-	2,7
9. Боль	Женск.	2,4	Мужск.	3,4	-	2,3
10. Тень	Женск.	2,3	Мужск.	3,0	-	2,8
11. Луна	Женск.	1,9	Мужск.	3,4	-	2,6
12. Капля	Женск.	2,1	Мужск.	3,0	-	2,6
13. Ложь	Женск.	2,1	Мужск.	3,0	-	3,1
14. Просьба	Женск.	2,4	Мужск.	3,0	-	2,1
15. Журавль	Мужск.	3,2	Женск.	2,3	-	2,6
16. День	Мужск.	3,1	Женск.	2,5	-	2,8
17. Лето	Средн.	2,9	Женск.	2,0	-	2,1
18. Солнце	Средн.	3,4	Женск.	2,1	-	1,9
19. Море	Средн.	3,6	Женск.	2,6	-	3,1
20. Дерево	Средн.	3,1	Мужск.	3,9	-	3,3

В таблицах 1, 2 (38% от общего числа стимулов) наглядно демонстрируется влияние грамматического рода на восприятие стимула. Так, СОБАКА, МЕСТЬ, КРОВЬ, ВЕРА, ЛУНА, ЛОЖЬ, ЖАЖДА, ИВА, БЕРЕЗА, ПТИЦА более женственны для русских, чем для литовцев. А ЖУРАВЛЬ, ДЕНЬ, ЛЕТО, СОЛНЦЕ женственнее для литовцев.

Предполагалось, что информанты-грузины будут оценивать стимулы, исходя из наличия у денотатов соответствующих признаков, поскольку отсутствие грамматического рода в грузинском языке исключает

его влияние на коннотации. В этом случае при отсутствии родокомфортных признаков их оценки должны быть ближе к нейтральным. Действительно, для слов СОБАКА, МЕСТЬ, ЖУРАВЛЬ, ДЕРЕВО, ЗАВИСТЬ, ЛУНА, КАПЛЯ, МОРЕ, ОСЕНЬ и др. (41 из 60 стимулов) данное предположение подтвердилось. Но нередко полярность оценок у грузин даже выше, чем та, которая обусловлена влиянием рода. Так, ВЕРА более «мужественна», чем у литовцев 3,8 и 3,3 соответственно, а СОЛНЦЕ более женственно 2,1 и 1,9. Видимо, здесь влияют национально-культурные особенности, не связанные с категорией рода.

В Таблицу 3 сведены стимулы с разницей в оценках между русскими и литовцами от 0,4 и выше (всего 24 стимула – 37% от 65 стимулов в двух экспериментах). При этом разница количественная и не предполагает антонимичного восприятия. Однако данные оценки также подтверждают тезис о влиянии грамматического рода на коннотации, поскольку сдвиг восприятия происходит в сторону рода.

Таблица 3.

слова	русские		литовцы		грузины	
	род	оценка	род	оценка	род	оценка
1. Красота	Женск.	1,4	Мужск.	1,9	-	1,3
2. Гвоздика	Женск.	2,0	Мужск.	2,6	-	2,4
3. Весна	Женск.	1,3	Мужск.	2,4	-	1,1
4. Кость	Женск.	2,9	Мужск.	3,4	-	3,1
5. Шея	Женск.	2,4	Мужск.	2,8	-	2,9
6. Бабочка	Женск.	1,3	Мужск.	2,1	-	1,3
7. Радость	Женск.	2,0	Мужск.	2,6	-	1,9
8. Осень	Женск.	2,4	Мужск.	2,9	-	2,7
9. Клетка	Женск.	2,7	Мужск.	3,4	-	2,9
10. Улыбка	Женск.	1,5	Мужск.	1,9	-	1,9
11. Печаль	Женск.	1,9	Мужск.	2,3	-	2,5
12. Колыбель	Женск.	1,9	Мужск.	2,5	-	2,1
13. Судьба	Женск.	2,6	Мужск.	3,0	-	2,6
14. Жизнь	Женск.	2,6	Мужск.	3,4	-	3,8
15. Связь	Женск.	2,6	Мужск.	3,3	-	3,7
16. Медведь	Мужск.	4,0	Женск.	3,6	-	4,1
17. Муравей	Мужск.	2,8	Женск.	2,4	-	3,0
18. Огонь	Мужск.	4,1	Женск.	3,5	-	3,6
19. Хлеб	Мужск.	3,3	Женск.	2,9	-	3,0
20. Тело	Средн.	2,6	Мужск.	3,2	-	2,1

Слова с несущественной разницей в оценках (менее 0,4) мы не сводим в таблицу. Приведем лишь несколько примеров: ПРЕЛЕСТЬ (в лит. – мужск. род) русские – 1,3; литовцы – 1,4; грузины – 1,3. МОГИЛА (мужск. р в литовск) русские – 2,8; литовцы – 2,9; грузины – 3,1. НЕЖНОСТЬ (мужск. р в литовск.)

русские – 1,2; литовцы – 1,4; грузины – 1,8. В этой группе оказалось 14 стимулов – 21% от общего числа в двух экспериментах. Незначительный сдвиг в сторону грамматического рода наблюдается для всех стимулов.

Из 65 стимулов только 2 противоречат исследуемой тенденции (менее 3%), причем различия здесь не антонимичные: ШИНЕЛЬ и ДОБРОТА – мужск. род в литовском. Русские 3,3; 2,3. Литовцы – 3,0; 2,0.

Предварительные результаты:

1. Эксперименты подтвердили наличие определенной корреляции между грамматической категорией рода и родокомфортным восприятием.

2. Яркие проявления родокомфортных несоответствий, которые можно считать гендерными лакунами, довольно редки. В нашем случае около 10%, однако сама выборка была сделана с учетом гендерной антонимии в русском и литовском языках, поэтому таких лакун, видимо, менее 1%.

Безусловно, данные выводы требуют дополнительной проверки и более широкого исследования.

Список литературы

1. Ахутина Т.В., Величковский Б.М., Кемпе В. Семантический синтаксис и ориентация на порядок слов в онтогенезе // Семантика в речевой деятельности: Сборник

предварительных публикаций. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. С. 5-19.

2. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1974.

3. Павлюк Н.А. Автоматическое построение системы признаковых семантических связей в лексике // Текст как психолингвистическая реальность. – М.: ИЯ АН СССР, 1982. – С. 80-95.

4. Павлюк Н.А. Родокомфортная специфика национального восприятия // Совершенствование методики обучения студентов педагогических институтов в условиях перестройки: Тезисы докладов научно-методической конференции. – Министерство высшего и среднего специального образования Литовской ССР, 1988. – С. 246

5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. – Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997.

6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1988.

7. Сорокин Ю.А. Лакуны: Еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.

8. Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. – М.: Наука, 1988.

К. И. Долотин

Количественная оценка эмоционального напряжения говорящего по временным параметрам квазисегментной структуры речевого сигнала (психофизическое шкалирование)

Статья посвящена разработке метода количественной оценки эмоционального напряжения говорящего на основе кластерного и факторного анализов параметров имплицитных структур речевого сигнала.

Ключевые слова: параметры речевого сигнала, квазисегментная структура речевого сигнала, психофизическое шкалирование, эмоциональное напряжение

Помимо эксплицитно выраженных сегментной и суперсегментной структур речевой сигнал структурирован на имплицитном уровне квазициклами речи (КЦР), временная последовательность которых образует его квазисегментную структуру (КСР – квазисегментная структура речевого сигнала). Эта структура обусловлена эмоциональным процессом, в рамках которого порождается речь. Она опосредованно отражает динамику нарушения взаимодействия нейронных структур центрального управления речью (ЦУР). Необходимо отметить, что порождение речи в рамках определенного эмоционального процесса может сопровождаться конкретной последовательностью эмоциональных явлений, эмоциональных переживаний. Эксплицируется КСР посредством алгоритмической обработки числовых данных формантного анализа речевого сигнала диктора. Алгоритм обработки построен на основе применения кросскорреляционной функции к временным рядам числовых данных формантного анализа. На оси текущего времени речевого сигнала посредством этого алгоритма были выделены две фазы КЦР. Первая фаза КЦР соответствовала высокой степени корреляции, а вторая – низкой. Гипотетически принимается, что среднестатистическая величина временной длительности второй фазы КЦР – t_2 является физическим аналогом силы ощущения диктором его эмоционального напряжения в конкретной ситуации речевого общения.

Известно, что в физиологических механизмах человеческих реакций действует общий «закон силы», который устанавливает связь нарастания силы раздражителя

с монотонным увеличением силы ощущения этого раздражителя [Бойко 1956]. В нашем эксперименте в качестве раздражителей рассматриваются эмоциональные явления, которые возникают в рамках конкретного эмоционального процесса, контролирующего тот или иной акт речевой коммуникации. В связи с этим эмоциональные переживания дикторов можно рассматривать в качестве факторов процесса порождения речи, которые влияют на механизмы речеобразования, во время эксперимента по репродуцированию речевых сигналов во время прочтения и пересказа заданного текста.

Для количественной оценки ощущения суммарной величины эмоциональных раздражителей, которое можно обозначить как эмоциональное напряжение диктора – $\xi_{\text{дикт}}$ во время озвучивания им текста применялась психофизическая шкала Стивенса [Галунов 1970].

На основании результатов факторного анализа и многомерного шкалирования типов коммуникативных намерений диктора в пространстве их признаков – темпоральных параметров квазисегментной структуры речевых сигналов (КСС) в первом приближении можно считать, что шкала среднестатистических значений центроидов кластеров в массивах текущих значений временной длительности второй фазы квазициклов речевого сигнала (КЦР) – t_2' является объективным аналогом силы ощущения эмоционального напряжения диктором во время проведения эксперимента по репродуцированию речевых сигналов с различными типами коммуникативного задания [Галунов 1970: 271-298].

Параметры шкалы – $\xi_{\text{дикт.}}$ были определены по среднестатистическим экспериментальным данным о величинах центроидов для кластеров с максимальной факторной нагрузкой – (\bar{t}_2') . Среднестатистические значения этих величин были получены при анализе массивов $\{t_2\}$, характерных для речевых сигналов 10-ти русских дикторов при семикратном репродуцировании ими в случайном порядке типов коммуникативных заданий: нейтральности, повеления, приказа, требования и просьбы.

На основании факторных свойств среднестатистических значений центроидов – \bar{t}_2' для кластеров с максимальными факторными нагрузками психофизическая шкала количественной оценки эмоционального напряжения диктора рассматривается нами как монотонно нарастающая функция $\xi_{\text{дикт.}} = f(\bar{t}_2')$, которая в первом приближении может быть выражена степенной функцией по переменной \bar{t}_2' :

$$\xi_{\text{дикт.}} = m * (\bar{t}_2')^k, \tag{1}$$

где $\xi_{\text{дикт.}}$ – психофизическая шкала величины эмоционального напряжения диктора

(в относительных единицах), m и k – константы.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа для двумерной переменной $(\xi_n^{\text{дикт.}}, \bar{t}_2')$, где n – порядковый номер диктора, принимавшего участие в эксперименте, были вычислены константы m и k и построена среднестатистическая психофизическая шкала эмоционального напряжения дикторов во время эксперимента (см. рис. 1).

Значения временных параметров КЦР {t1 и t2 – длительности первой и второй фаз КЦР (в мс)} получены в результате анализа текста, взятого из романа Ж. Санд «Мельник из Анжибо». Текст озвучивали два русских диктора (мужчина и женщина) на русском языке и два китайских диктора (мужчина и женщина) на китайском языке.

Перед дикторами были поставлены две задачи:

- 1) без подготовки прочитать текст;
- 2) пересказать текст своими словами, обращая внимание на его смысловое содержание.

Рис. 1

Фрагмент озвучиваемого дикторами текста:

...В научном творчестве мысль извлекает из факта самую его суть, а в художественном – эта суть добавляется какими-то моментами воображения; и не важно, гениально это произведение или нет...

Ниже показан пример таблицы с текущими значениями параметров t_1 и t_2 (см. таблицу 1):

Таблица 1.

Фрагмент пересказа прочитанного текста с опорой на его смысловое содержание (русский диктор-женщина)

Транскрипция озвученного текста в квазицикле речевого сигнала	Временные параметры КЦР (в мс)	
	Длительность 1-й фазы КЦР	Длительность 2-й фазы КЦР
...в научном творч	539	38
е с т	64	166
в е м ы с л ь	1091	52
и з	115	39
в л е к а е т	744	103
и з ф	77	218
а к т а с а м у ю е г	1241	13
о с у т ь , а в х у д о ж е - с т в е н н о м –	2984	346
э	718	398
&	77	39
т а с у т ь	552	77
д о б а в л я е т с я к	1125	128
а к	64	90
и м и - т о м о м е н т а м и	1322	90
в о о		
б р	13	51
а ж	167	102
е н	166	116
&	103	77
и я ;	303	321
&	52	39
и н е в	321	26
а ж н о ,	500	39
г е н и а л ь н о э	770	102
т о	39	102
п р о и з в е д е н и е	1129	1,2
и л и н е т ...		

Для определения семантики эмоционального переживания диктора во время чтения или пересказа текста применялся факторный и корреляционно-регрессионный анализы двумерной случайной величины $\{t_1; t_2\}$ (в эксперименте принимали участие русские и китайские дикторы с мужским и женским типом голоса).

Пример такого анализа показан ниже (см. рисунки 2 и 2):

Рис. 2.

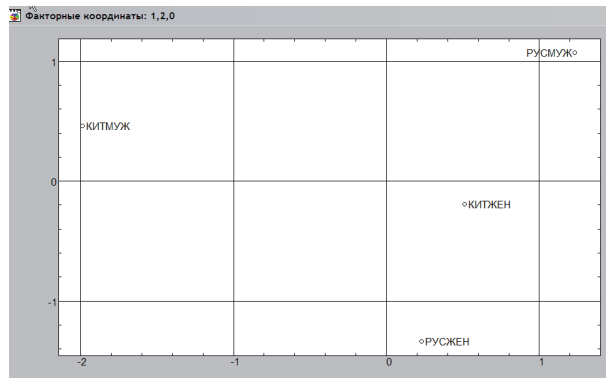

Рис. 3.

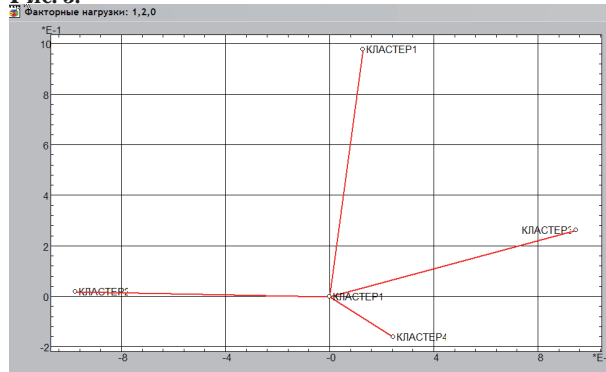

Таблица 2

Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа

Русский диктор-женщина (пересказ текста из Ж. Санд, t^2 , с5)

Длительность 2-ой фазы КЦР – t_2 (в мс)	Длительность 1-ой фазы КЦР – t_1 (в мс)	Длительность 2-ой фазы КЦР – t_2 (в мс)	Длительность 1-ой фазы КЦР – t_1 (в мс)
38		(продолжение таблицы)	
166	539	102	13
52	64	116	167
39	1091	77	166
103	115	321	103
218	744	39	303
13	77	26	52
346	1241	39	321
398	2984	102	500
39	718	102	770
77	77	39	39
128	552	13	1476
90	1125	38	128
90	64	128	1181
51	1322	270	1337
		1,2	77

Таблица 3

Оценка статистической значимости регрессионной связи дисперсий длительности t1 и t2 в речевом сигнале русского диктора-женщины

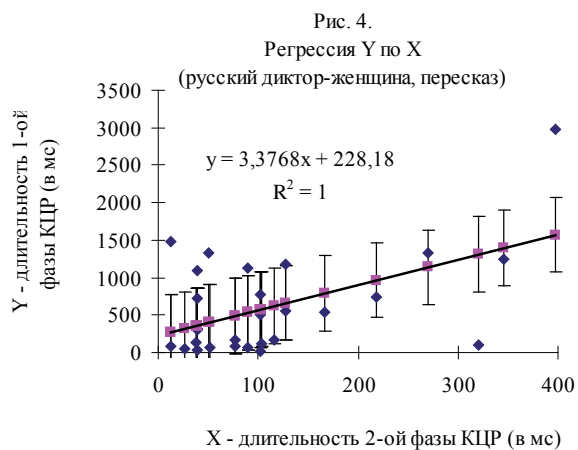
ВЫВОД ИТОГОВ*Регрессионная статистика*

Множественный R	0,520905
R-квадрат	0,271342
Н о р м и р о в а н н ы й	0,243317
R-квадрат	
Стандартная ошибка	90,12872
Наблюдения	28

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Знач. F</i>
Регрессия	1	78649,02	78649,02	9,682041	0,004481
Остаток	26	211202,8	8123,186		
Итого	27	289851,9			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>
t1-пересечение	65,51198	23,31938	2,809336	0,009301	17,5783
Переменная t ²	0,080356	0,025825	3,111598	0,004481	0,027273

Результаты анализа темпоральных параметров квазисегментной структуры речевых сигналов, полученных в результате прочтения и пересказа заданного текста как русскими, так и китайскими дикторами, приводятся ниже:

1. Статистически значимая регрессия длительности 1-й фазы КЦР и длительности следующей за нею по оси текущего времени 2-й фазы КЦР позволяет предположить, что текущие значения временной длительности 2-ой фазы КЦР в речевом сигнале обусловлены вегетативными импульсами в нервной системе человека при переживании им эмоциональных явлений, в рамках которых происходит порождение речи. В рассматриваемой модели речеобразования эти импульсы нарушают взаимодействие

нейронных систем, которые управляют параметрами речевого тракта.

2. Статистически значимая регрессия рядов текущих значений параметров t1 и t2, смещенных относительно друг друга на временной оси, позволяет определить виды эмоций дикторов, переживаемых ими во время прочтения текста или пересказе его содержания своими словами. Например, у русских дикторов мужского/женского типа голоса при пересказе содержания текста обнаружена статистически значимая регрессия между длительностью 2-ой фазы КЦР и длительностью последующей 1-ой фазы КЦР в их речевых сигналах. Поскольку регрессия имеет положительный наклон, когда увеличению длительности 2-ой фазы КЦР в речевом сигнале соответствует увеличение длительности последующей 1-ой фазы КЦР, то можно предположить, что вегетативные «отклики» у русских дикторов связаны с эмоциональным переживанием предвосхищения успеха (переживания, которые связаны с тем, что и как сказать). Напротив, у китайских дикторов обнаружена статистически значимая регрессия между 1-ой фазой КЦР и длительностью последующей 2-ой фазы КЦР. Поскольку эта регрессия имеет положительный наклон, когда увеличению длительности 1-й фазы КЦР в речевом сигнале соответствует увеличение длительности последующей 2-й

фазы КЦР, то можно предположить, что вегетативные «отклики» у китайских дикторов в процессе производства речи связаны с эмоциональным переживанием достигнутого успеха (переживания, которые связаны с тем, что и как сказано).

Эмоциональное явление, в рамках которого порождается речь, обусловлено определенными экстралингвистическими факторами: например, коммуникативным намерением хорошо прочесть текст или пересказать своими словами его смысловое содержание. Поэтому количественная оценка эмоционального напряжения диктора должна проводиться на основе учета параметров квазисегментной структуры речевого сигнала с максимальной факторной нагрузкой. Анализ показал, что такими параметрами являются центроиды кластеров в массивах

текущих значений 2-ой фазы КЦР (см. рис. 3). Например, для русских дикторов – это центроиды кластеров 1 и 2, а для китайских – 1 и 3.

В таблице 4 приведены значения этих центроидов для каждого диктора. В 1-й части таблицы показаны их абсолютные значения (в мс). Во 2-й части показаны их приведенные значения. В 3-й части таблицы приводятся рассчитанные по формуле (1) количественные оценки силы ощущения эмоционального напряжения диктором во время эксперимента с прочтением вслух текста и его пересказом. В 4-й части таблицы 4 на качественном уровне в первом приближении значения эмоционального напряжения диктора сопоставлены со шкалой значений уровней звукового давления и громкости звукового стимула с частотой 1000 Гц.

Таблица 4.

Часть 1	Значения величин центроидов – t^2 кластеров массивов текущих значений длительности 2-ой фазы КЦР – $\{t^2\}$ с максимальной факторной нагрузкой, характерные для речевых сигналов дикторов (в мс)			
	Кит. диктор-жен.	Рус. диктор-муж.	Рус. диктор-жен.	Кит. диктор-жен.
Чтение	157	120	111	92
Пересказ	–	118	58	95
Часть 2	Приведение значений центроидов – t^2 к длительности минимального порога скрытого времени слухового ощущения (34 мс)			
	Кит. диктор-жен.	Рус. диктор-муж.	Рус. диктор-жен.	Кит. диктор-жен.
Чтение	4,617647	3,529412	3,264706	2,705882
Пересказ	–	3,470588	1,705882	2,794118
Часть 3	Оценка силы субъективных ощущений эмоционального напряжения диктором по психофизической шкале Стивенса (в относительных единицах)			
	Кит. диктор-жен.	Рус. диктор-муж.	Рус. диктор-жен.	Кит. диктор-жен.
Чтение	11,04436	7,242569	6,408187	4,77227
Пересказ	–	7,053958	2,312917	5,018849
Часть 4	Преобразование метрики шкалы для силы субъективных ощущений эмоционального напряжения диктором в метрику шкалы уровней звукового давления стимула с частотой 1000 Гц в диапазоне от порога слышимости до порога болевого ощущения (в Дб) и громкостей (соответствие на качественном уровне)			
	Кит. диктор-жен.	Рус. диктор-муж.	Рус. диктор-жен.	Кит. диктор-жен.
Чтение	110 (шум авиатора)	72 (громкая речь)	64 (разговор группы людей – близко)	47 (разговор группы людей на расстоянии)
Пересказ	–	70 (громкая речь)	23 (шум капли)	50

В заключение следует отметить, что результаты анализа квазисегментной структуры речевого сигнала позволяют интерпретировать эмоциональное напряжение диктора в терминах речеобразования и психологии восприятия речи.

Список литературы

1. *Бойко Е. И.* Время реакции человека / Отв. ред. В. Д. Быков. – М.: Издательство «Медицина», 1964. – 439 с.
2. *Галунов В. И.* Психофизические шкалы // Распознавание слуховых образов. – Новосибирск, 1970. – 337 с.

А. А. Боронин

Проекция фикциональной коммуникативной ситуации (экспериментальное исследование)

В статье описывается эксперимент по интерпретации художественного текста испытуемыми. В частности, показано, какие трансформации возникают при этом. Кроме того, описывается психолингвистический эксперимент, целью которого стало выявление способности/неспособности непрофессиональных интерпретаторов к установлению дискурсивной тождественности персонажных субтекстов

Ключевые слова: фикциональная коммуникативная ситуация, художественный текст, интерпретация текста, дискурсивная тождественность, наивная текстология

В целях исследования специфики отражения фикциональной коммуникативной ситуации (термин *фикциональная коммуникативная ситуация / ФКС* / обозначает описание словесного общения персонажей / фикциональных субъектов / , представленное в художественном тексте) в сознании реципиентов текста нами был проведён психолингвистический эксперимент. Для участия в нём было привлечено 125 испытуемых (и.и.) – студентов Московского государственного медико-стоматологического университета. 80% и.и. – русские, 20% и.и. – представители других национальностей; родным языком для подавляющего большинства является русский (85,6%). Возрастной диапазон – от 17 до 31 года, средний возраст – 19,3 лет. 24,8% и.и. – юноши, 75,2% и.и. – девушки. Средний балл общей успеваемости по аттестату (или диплому о среднем специальном образовании) – 4,6. Средний балл по литературе по аттестату (или диплому о среднем специальном образовании) – 4,59.

В ходе данного эксперимента и.и. предлагалось выполнить задания, представленные в следующих формулировках: *Изложите все факты, связанные с содержанием текста*

(п. 8 анкеты)¹; *Опишите свои чувства, эмоции, ассоциации, связанные с текстом* (п. 9 анкеты); *«Как Вы оцениваете степень сложности текста для понимания всех его смыслов? Варианты ответов: 1 – очень простой; 2 – простой; 3 – в меру сложный; 4 – сложный; 5 – очень сложный»* (п. 10 анкеты) и *«Как Вы считаете, поняли ли Вы смысл этого текста? Оцените свое понимание текста в баллах. 1 – соответствует минимальному пониманию текста, 5 – максимальному пониманию текста (обвести нужное)»* (п. 11 анкеты).

Анализируя результаты проведённого эксперимента, приходится констатировать следующий факт: фикциональная коммуникативная ситуация отражается в сознании реципиентов таким образом, что во вторичных текстах они практически всегда фиксируют речевое событие (речевые события). Лишь в двух ответах, отличающихся предельной лаконичностью, отражаются подтема (первый ответ)/подтемы (второй ответ), то есть передаётся содержательно-фактуальная информация (термин И.Р. Гальперина [Гальперин 2005: 27-28]), лишённая коммуникативного обрамления. В остальных же случаях стержнем (частич-

1. См. Приложение 1.

но) овнешнённой проекции текста выступает именно фикциональная коммуникативная ситуация. При этом можно сделать наиболее обобщённый вывод об отчётливой тенденции к восстановлению ФКС с помощью трансформов (и гораздо реже – симулякров) персонажных субтекстов. Как вполне справедливо замечает С.В. Ионова, «аппроксимация содержания является естественным свойством вторичного текста» [Ионова 2007б: 13]. Возможность аппроксимации содержания связывается с деривационным компонентом «языковой способности» индивида, понимаемым как «способность к разного рода преобразованиям исходного текста» [Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение 2006: 63].

В 30 ответах доминирует моносубъектный нарративный план: ии. тяготеют к использованию косвенной речи, употреблению цитатных включений непредикативного или предикативного типов. Так или иначе, в группе «неиконических» ответов референциальный план персонажных субтекстов текста-источника подлежит восстановлению, хотя и происходит это с известной долей «размытости» (единственное исключение в этой группе ответов – краткая, обобщённая индикация речевого события *В тексте ведётся диалог*).

Возвращаясь к наиболее распространённым случаям воссоздания ФКС с помощью персонажных субтекстов, нельзя не отметить тот факт, что количество персонажных субтекстов в ответах ии. заметно варьирует (причём средний показатель использования персонажных субтекстов в общем массиве ответов – 6 единиц на один ответ). При этом вполне естественно, что, как правило, доминирование моносубъектного нарратива уменьшается пропорционально усложнению кортежной структуры.

При восстановлении кортежной структуры во «вторичном» полифоническом мезокортеже наблюдаются не только трансформация персонажных субтекстов, но и появление фантомных персонажных субтекстов (отсутствующих в «эталонном» тексте [10 единиц]), помещение кортежных единиц в несвойственный им контекст. Все

эти явления, вне всякого сомнения, свидетельствуют о наличии в сознании ии. регрессивной ментальной конструкции (подробнее о ней см. [Боронин 2007а: 101-107]).

Повышенная частотность воспроизведения во вторичных текстах тех или иных элементов кортежа, содержащихся в тексте-источнике, указывает на их отнесённость к трансгрессивной подструктуре проекции текста (см. табл. в Приложении 2) (о трансгрессивной ментальной конструкции см. [Боронин 2006; Боронин, 2007а: 95-101]). Персонажные субтексты, реже всего воспроизводимые в ответах ии., указывают на наличие в индивидуальных проекциях реципиентов зоны лакуарности: так персонажные субтексты № 20, 13, 19 используются реципиентами для построения «альтернативного» полифонического мезокортежа наиболее редко, то есть они представляются ии. нерелевантными (слаборелевантными) кортежными единицами.

При рассмотрении ответов ии., полученных в результате выполнения ими задания описать свои чувства, эмоции, ассоциации, связанные с текстом, становится возможным выделение двух групп ответов.

Ответы, выражающие отрицательную реакцию на предъявленную в ходе эксперимента ФКС. В подобных ответах текст показался ии. непонятным (*непонятно* (29), *запутанный текст* (6), *бессмысленный текст* (4), *тяжелый текст* (2), *спутанно* (2), *замысловатый текст* (1), всё происходящее в нём – *абсурд* (3), *бред* (2)), неинтересным (*равнодушие, безразличие* (19), *неинтересно* (8). Текст *не понравился* (12), он *глупый* (3), *странный* (3), *мрачный* (1), текст *не вызывает положительных эмоций* (4), напротив, реципиенты испытывают *негативные* (4), *отрицательные* (1) эмоции, они испытывают *недоумение* (2), *замешательство* (2), *раздражение* (2), *возмущение* (2), *недовольство* (2), *жалость* (1), читать текст *неприятно* (1).

Ответы, выражающие отрицательную реакцию на предъявленную в ходе эксперимента ФКС. Текст, содержащий мезокортеж, показался испытуемым *интересным* (29), смешным (*смешно* (2), *юмор* (1), *вызвал улыбку* (2), текст *юмористический* (1),

читать его забавно (1), смешной текст (2)), текст вызывает положительные эмоции (положительные эмоции (1), радость (2), весёлый текст (2)), текст понравился (2), читать его весело (1), но вместе с тем и непривычно (1), так как этот текст – фантастический (2), фантазмагорический (2), необычный (1), оригинальный (1), своеобразный (1), загадочный (1).

В редких случаях ии. оценивают качества актантов ФКС (4 ответа), а также упоминают о вызванных ею ассоциациях (14 ответов).

Ассоциативный ряд представлен креатонимами [11 единиц] (*Тургенев/Салтыков-Щедрин/стиль Стругацких*), названиями художественных текстов [9 единиц] (*Максим Горький «На дне»/«Поднятая целина»/«Сказка о тройке», «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких*) и фильма [1 единица] (*фильм «Собачье сердце»*), нарратоантропонимами [2 единицы] (*Скалозуб/Шариков*), а также общими, абстрактными указаниями на литературу (*классическая литература/тяжёлые, сложные большие произведения, которые читали в средней школе*) и другими ассоциациями (*провинциальная жизнь/холод, темнота и скука/выборы старосты деревни* и проч.).

В целом, как видно из ответов, ФКС вызвала у большинства ии. (условно) отрицательную реакцию, что объясняется заметной аномальностью референциального плана персонажных субтекстов, образующих полифонический мезокортеж, а также восприятием ФКС вне макроконтраста.

Анализ полученных в ходе эксперимента реакций позволяет выделить их 16 видов:

1. Экспликация отношения (внутренней установки) к фикциональному субъекту [1,47%]: *Уважение к Фёдору Кузьмичу, т.к. он и стихи пишет и указы сочиняет.*

2. Мнение (мы используем это обозначение вслед за А.И. Новиковым [Новиков 2003: 68; Новиков 2007: 208]) [0,98%]: *Я сама не люблю, когда мне указывают, да ещё так грубо.*

3. Ориентировка (мы также используем это обозначение вслед за А.И. Новиковым [Новиков 2003: 68; Новиков 2007: 208]) [0,98%]: *Недоумение по поводу его слов «мутант»*

и что он живёт уже 300 лет. Странно: это же, как я думаю, не фантастика.

4. Коррекция условий интерпретации [9,36%]: *Этот текст будет более интересен, если его прочитать полностью.*

5. Цитация [3,45%]: *Запомнилась фраза «Я тоже homo сапиенс».*

6. Атрибуция фикционального субъекта [2,46%]: *бурная фантазия Фёдора Кузьмича/грустные люди, недовольные жизнью.*

7. Генерализация (см. [Новиков 2003: 68; Новиков 2007: 208]) [0,98%]: *Все люди должны быть равны.*

8. «Семантически опустошённая» вербальная реакция (см. [Жестерева 2005: 90]) [2,46%]: *Очень важная и актуальная проблема./неожиданные речевые повороты (sic! – А. Б.)*

9. Имитация профессиональной интерпретации [1,97%]: *Смысл повествования понятен смутно, многие реплики не относятся друг с другом по содержанию и лексике. В целом повествование очень эмоционально, насыщено различными эпитетами, метафорами, но события развиваются непоследовательно, и поэтому сюжетная линия остаётся завуалированной.*

10. Приписывание коммуникативной интенции креатору текста [0,49%]: *Автор показывает своё негативное отношение к государственному строю.*

11. Экспликация внутреннего состояния интерпретатора [27,1%]: *радость по поводу встречи нового <...> интеллектуального текста/никаких эмоций, кроме раздражения/Мне было весело и интересно читать этот текст.*

12. Сравнение [5,92%]: *Сами же действия, описанные в тексте, напоминают какой-то шабаш нечистой силы.*

13. Атрибуция текста [26,61%]: *Текст очень своеобразный, не очень сложный. Смысл текста понять легко./Странный текст.*

14. Экспликация обобщенной аксиологической оценки текста [7,39%]: *Текст мне не понравился, смысл уловить не удалось.*

15. Номинация коммуникативного события [2,96%]: *оскорбление пожилого человека.*

16. Вербальный отказ от ответа [5,42%]: *нейтрально/эмоций никаких не вызвано.*

Большинство ии. считают, что ФКС в меру сложна для понимания всех её смыслов (48,3%), при этом значительная часть ии. оценила ФКС как сложную (38,3), а 6,8% – как очень сложную для понимания всех её смыслов. Только 5,8% ии. полагают, что ФКС проста для понимания всех её смыслов лишь 1 испытуемый (0,8%) указал на то, что ФКС очень проста для постижения всего её смыслокомплекса. Таким образом, когнитивная сложность приведённого текста («аномального» для ии.) представляется участникам эксперимента более очевидной по сравнению с прецедентным текстом, ставшим объектом интерпретации в другом эксперименте, проведённом нами ранее (о нём см. [Боронин 2007б]). Вероятно, прецедентность текста подразумевает его большую когнитивную освоенность.

Результаты самодиагностики ии. (п. 11) показывают: средний балл, оценивающий интерпретативные способности участников эксперимента, далёк от максимально возможного (2,63 балла). На абсолютное постижение смыслокомплекса ФКС претендуют лишь 2,5% ии. (ср. с ответами в аналогичном пункте анкеты, предложенной ии. в эксперименте 1 – см. с. 112), тогда как о низком уровне понимания текста (1 и 2 балла по пятибалльной шкале) заявили 35, 83% ии. В этом эксперименте о «минимальном» понимании ФКС ии. говорили в пять раз чаще, чем о «максимальном», что еще раз подтверждает факт когнитивной неосвоенности «аномального» текста.

Анализ реакций ии. показывает, что интерпретация текста, как правило, сопровождается преодолением дискретности – дискретности как сугубо «лингвистической» (имеется в виду план выражения: в микротекстах п. 9 апелляция к элементам мезокортежа – редкое явление), так и содержательной: формируются эмоционально-аксиологические субъективные поля, которые по определению не совместимы с излишней дискретностью, ибо в самом акте смыслопорождения личностное «я» почти всегда в значительной мере вытесняет, замещает разноплановые элементы фикциональной коммуникативной ситуации.

Одним из факторов, обеспечивающих целостность образа фикциональной коммуникативной ситуации в сознании реципиентов, является дискурсивная гомогенность кортежных и паракортежных единиц.

Мы провели ещё один психолингвистический эксперимент, целью которого стало выявление способности/неспособности непрофессиональных интерпретаторов к установлению дискурсивной тождественности персонажных субтекстов (то есть кортежных единиц). Под дискурсом понимается (и это определение кажется нам вполне «конкурентоспособным») некоторое *подмножество* имеющих *общие параметры* коммуникативных ситуаций, взятое в единстве непосредственно наблюдаемого (текст) и скрытого (внутренняя деятельность текстопорождающего субъекта).

Для участия в эксперименте было привлечено 213 испытуемых (ии.) – студентов Московского государственного медико-стоматологического университета. Все ии. – граждане РФ, 88, 26% ии. – русские, 11,74% – представители других национальностей; родным языком для подавляющего большинства является русский (92,95%). Возрастной диапазон – от 17 до 35 лет, средний возраст – 19,6 лет. 33,8% ии. – юноши, 66,2% ии. – девушки. Средний балл общей успеваемости по аттестату (или диплому о среднем специальном образовании) – 4,45. Средний балл по литературе в аттестате (или в дипломе о среднем специальном образовании) – 4,52.

Ии. предъявлялись два примера, взятых из произведений разных авторов и представляющих собой, соответственно, полифонический микрокортёж и персонажный субтекст, в которых моделируется, по сути, один и тот же дискурсивный тип [Стругацкие. С. 265; Толстая 2002: 67-68] (См. Приложение 3). После предъявления примеров ии. предлагалось ответить на вопрос, знакомы ли им произведения (произведение), из которых (которого) взяты отрывки. Лица, ответившие на этот вопрос положительно, к дальнейшему участию в эксперименте не допускались. Остальным ии. предлагалось выполнить задание, представленное в следующей формулировке:

Выберите правильный ответ:

Оба персонажных субтекста

1) относятся к одному и тому же произведению. Их произносит один и тот же персонаж;

2) относятся к одному и тому же произведению. Их произносят разные персонажи;

3) относятся к разным произведениям одного и того же автора;

4) относятся к разным произведениям разных авторов.

В конечном итоге ответы ии. распределились так: первый вариант ответа выбрали 3,3% участников эксперимента, второй вариант – 33,9% ии., третий вариант – 41,5% ии. и четвёртый вариант – 21,3% ии. Таким образом, 37,2% ии. восприняли персонажные субтексты из обоих примеров в качестве элементов одного кортежа, 78,7% ии. посчитали возможным считать оба фрагмента принадлежащими перу одного и того же автора. Лишь пятая часть ии. произвела правильную атрибуцию предъявленных отрывков.

Такая «наивная текстология» свидетельствует о том, что частью коммуникативной компетентности непрофессиональных интерпретаторов является, по-видимому, способность (далеко не всегда осознаваемая) к установлению тождества между текстовыми сегментами (в нашем случае – между персонажными субтекстами), связанного с моделированием в них единого дискурсивного типа. Эксперимент показывает, что дискурсивная однородность оказывается в «зоне восприимчивости» субъектов художественной коммуникации, что ещё раз убеждает нас в справедливости выделения интерпретативной процедуры «экспликация типов дискурса», которая входит в арсенал средств профессиональной (научной) интерпретации художественного произведения.

Описанный эксперимент позволяет диагностировать способность устанавливать дискурсивную гомогенность текстов на родном языке. Однако он, без сомнения, служит импульсом для постановки других вопросов – вопросов о диагностике соответствующей способности при обучении иностранному языку, о параметрах, служащих индикаторами дискурсивной гомогенности иноязычных текстов, и, наконец, о наборе

самих типов дискурса, сличаемых обучаемыми в процессе овладения иностранным языком. Способность устанавливать дискурсивную гомогенность текстов (текстовых сегментов) выступает как один из показателей *дискурсивной компетентности языковой личности* (ср. это понятие с другим понятием – «коммуникативная грамотность» [Стернин 1992: 20–21]), которая формируется на продвинутых этапах обучения родному либо иностранному языку. Сформировавшаяся дискурсивная компетентность предполагает, среди прочего, наличие онтологической грамотности в трактовке Д. А. Леонтьева [Леонтьев 2006: 51, 53]. В свою очередь, дискурсивная компетентность существует в качестве компонента коммуникативной компетентности (в структуре последней выделяют несколько компонентов, каждый из которых представляет собой «компетентность» того или иного типа [Neu 1990: 121; Rintell 1990: 75]).

Установление дискурсивной гомогенности текстов, создаваемых вне рамок художественной коммуникации, может происходить благодаря итеративному овнешнению / итеративной вербализации членами лингвокультурного сообщества тех или иных концептов (например, концепты *перестройка*, *реформы* в русском языке). В таких случаях не исключается появление особых словесных конструкций, имеющих текстодную природу. Эти конструкции не могут называться текстами в силу их предельной «антропологичности» – в основе их возникновения лежит интенция по овнешнению конкретного концепта. В то же время, именно это обстоятельство и придаёт этим конструкциям «осязаемость» и позволяет реципиентам рассматривать их в качестве дискурсивных меток, влияющих на атрибуцию интертекстуальных отношений.

Список литературы

1. Боронин А. А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы) [Монография] / А. А. Боронин. – М.: изд-во МГОУ, 2007а. – 349 с.
2. Боронин А. А. Ментальный образ художественного текста: о результатах психо-

лингвистического эксперимента // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2007б. – №2. – С. 7-13.

3. *Боронин А.А.* Трансгрессивная ментальная подструктура как часть проекции художественного текста (к анализу персонажных субтекстов) // Объединённый научный журнал. – 2006. – №20. – С. 58-61.

4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – 3-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

5. *Жестерева Е.В.* К вопросу о способах диагностирования уровня языковой способности выпускника средней школы // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты/Институт языкознания РАН; Московский гуманитарно-экономический институт. – Вып. 9. – М., МГЭИ, 2005. – С. 88-92.

6. *Ионова С.В.* Вторичная репрезентация текста: виды преобразований поверхностной структуры // Вопросы филологии. – 2007. – №1. – С. 6-14.

7. *Леонтьев Д.А.* От слова к реальности: возможности языка и онтологический статус сообщения // Вопросы психолингвистики/РАН, Институт языкознания. – 2006. – №4. – С. 47-53.

8. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение [Текст]: монография/Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.

9. *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты/Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – 224 с.

10. *Новиков А.И.* Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики/РАН, Институт языкознания. – 2003. – №1. – С. 64-76.

11. *Стернин И.А.* Концепт и языковая семантика // Филология и культура: Тез. II Международн. конференции 12-14 мая 1999 г./Отв. ред. Н.Н. Болдырев; редкол. Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко, В.Б. Гольдберг и др. – Ч. 1. – Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 19-21.

12. *Стругацкие А. и Б.* Избранное. – М.: Моск. Рабочий, 1989. – 527 с.

13. *Толстая Т.Н.* Кысь. Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2002. – 320 с.

14. *Neu J.* Assessing the Role of Non-Verbal Communication in the Acquisition of Communicative Competence in L2 // Developing Communicative Competence in a Second Language/Ed. by E.S. Andersen and S.D. Krashen. – Newbury House Publishers: A division of Harper Collins Publishers, 1990. – P. 121-138. 356 p.

15. *Rintell E.M.* That's Incredible: Stories of Emotion Told by Second Language Learners and Native Speakers // Developing Communicative Competence in a Second Language/Ed. by E.S. Andersen and S.D. Krashen. – Newbury House Publishers: A division of Harper Collins Publishers, 1990. – P. 75-94. 356 p.

Приложение 1

«Эталонный» текст, в котором воспроизводится фикциональная коммуникативная ситуация.

Тут Варвара Лукинишна робко голос подаёт:

– Федор Кузьмич, вот я спросить хотела... У вас в стихах все настойчивее превалирует образ коня... Поясните, пожалуйста, «конь» – это что?..

– Чой-то? – переспросил Федор Кузьмич.
– Конь...

Федор Кузьмич улыбнулся и головой покачал.

– Сами, значит, не можем... Не справляемся, ага... Ну-ка? Кто догадливый?

– Мышь, – хрипло вышло у Бенедикта, хоть он и положил себе помалкивать: так на душе криво было.

– Вот, голубушка. Видите? Вот голубчик справился.

– Ну а «крылатый конь»? – волнуется Варвара Лукинишна.

Федор Кузьмич нахмурился и руками пошевелил.

– Летучая мышь.

– А как понимать: «скребницей чистил он коня»?

– Ну, голубушка, вы ведь сырую мышь есть не будете? Шкурку сымете, правильно? Ежели суфле али бланманже с ее взбить, вы ж ее всю пообдерете, верно? Ежели, к при-

меру, вам с ее, с мыши, вздумалось пти-фри а ля мод на ореховой кулисе изготовить али запечь под бешамелью с крутонами? А то мышатак малых наловишь и давай шнель-клопс наворачивать, блинчатый, с волованчиками? Нешто вы их не почистите? – Федор Кузьмич посмеялся эдак недоверчиво и головкой покрутил. – А?! Что ж мне вас учить. Думаете, мне сочинять легко? Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды, ага. Забыли? Я ж об этом сочинял. Не спи, не спи, художник. Не предавайся сну. Да и окромя искусства дел невпроворот: день-деньской изобретаешь, крутишься-крутишься, ажио мозги вспухли. На мне ж все государство. Другой раз и не присядешь. Вот сейчас Указ сочинил, на днях получите, ага. Хороший, интересный. Спасибо скажете.

– Слава Федору Кузьмичу! Долгих лет жизни! Заранее благодарны! – закричали голубчики.

Тут отворились двери и вошел Никита Иваныч. Все на него обернулись.

И Федор Кузьмич тоже. А он вошел как к себе домой, недовольный, в бороде ржавь застряла, шапку не снял, на колени не повалился, не закатил глаза под лоб. Не зажмурился.

– Доброе утро, граждане. – Раздраженный такой. – Ведь неоднократно просил: поаккуратнее с печами. Следить надо. Старого человека постоянно гоняете.

– Истопник Никита, знай свое дело, разжигай печь! – закричал Шакал Демьяныч страшным и зычным голосом.

– Вот что, Шакал, вы мне тут не тычьте, – взвился Никита Иваныч. – И не указывайте!.. Мне триста лет, и я бюрократического хамства еще при Прежней Жизни навидался, благодарю покорно!.. Это ваша задача, ваша элементарная задача: поддерживать минимальный порядок! Ваши коллеги пьянствуют, а вы меня дергаете по пустякам. А в массовом алкоголизме, Шакал, отчасти и ваша вина. Да-да!!! Не первый раз вам говорю!!! Вы не склонны уважать человеческую личность. Как и многие, впрочем. И ваш ветеранский статус, – Никита Иваныч голос повысил и кривым пальцем по столешнице постучал, – попрошу не прерывать! ваш ветеранский статус не дает вам права меня третировать!!! Я такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант, как и вы! Как и вот, – рукой повел, – остальные граждане!

Все уж привыкли, знают, что Никиту Иваныча нечего слушать: несет Бог знает что, сам небось половину слов не понимает.

– Тута сам Федор Кузьмич, слава ему, присутствуют!!! – затрясся Шакал Демьяныч.

– Тута я присутствую, – кашлянул Федор Кузьмич. – Разжигайте печку, голубчик, ради Бога, ноженьки померзли. Разжигайте, чего зря сердчать.

[Толстая 2002: 69-71]

Приложение 2

Табл. Частотность выделения кортежных единиц.

№	персонажный субтекст (приводятся с субординатными паракортежными элементами)	Кол-во употреблений в ответах ии.
	Тут Варвара Лукинишна робко голос подаёт:	
1	– Федор Кузьмич, вот я спросить хотела... У вас в стихах все настойчивее превалирует образ коня... Поясните, пожалуйста, «конь» – это что?..	64
2	– Чой-то? – переспросил Федор Кузьмич.	35
3	– Конь...	30
4	– Сами, значит, не можем... Не справляемся, ага... Ну-ка? Кто догадливый?	49
5	– Мышь, – хрипло вышло у Бенедикта, хоть он и положил себе помалкивать: так на душе криво было.	69
6	– Вот, голубушка. Видите? Вот голубчик справился.	39
7	– Ну а «крылатый конь»? – волнуется Варвара Лукинишна.	62
8	– Летучая мышь.	64
9	– А как понимать: «скребницей чистил он коня»?	49
10	– Ну, голубушка, вы ведь сырую мышь есть не будете? Шкурку съмете, правильно? Ежели суфле али бланманже с ее взбить, вы ж ее всю пообдерете, верно? Ежели, к примеру, вам с ее, с мыши, вздумалось пти-фри а ля мод на ореховой кулисе изготовить али запечь под бешамелью с крутонами? А то мышаток малых наловишь и давай шнель-клопс навораживать, блинчатый, с волованчиками? Нешто вы их не почистите?	46
11	– А?! Что ж мне вас учить. Думаете, мне сочинять легко? Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды, ага. Забыли? Я ж об этом сочинял. Не спи, не спи, художник. Не предавайся сну. Да и окромя искусства дел невпроворот: день-деньской изобретаешь, крутишься-крутишься, ажио мозги вспухли. На мне ж все государство. Другой раз и не присядешь. Вот сейчас Указ сочинил, на днях получите, ага. Хороший, интересный. Спасибо скажете.	26
12	– Слава Федору Кузьмичу! Долгих лет жизни! Заранее благодарны! – закричали голубчики.	26
13	– Доброе утро, граждане.	11
14	– Ведь неоднократно просил: поаккуратнее с печами. Следить надо. Старого человека постоянно гоняете.	28
15	– Истопник Никита, знай свое дело, разжигай печь! – закричал Шакал Демьяныч страшным и зычным голосом.	32
16	– Вот что, Шакал, вы мне тут не тычьте, – взвился Никита Иваныч.	22
17	– И не указывайте!.. Мне триста лет, и я бюрократического хамства еще при Прежней Жизни навидался, благодарю покорно!.. Это ваша задача, ваша элементарная задача: поддерживать минимальный порядок! Ваши коллеги пьянствуют, а вы меня дергаете по пустякам. А в массовом алкоголизме, Шакал, отчасти и ваша вина. Да-да!!! Не первый раз вам говорю!!! Вы не склонны уважать человеческую личность. Как и многие, впрочем. И ваш ветеранский статус, – Никита Иваныч голос повысил и кривым пальцем по столешнице постучал, – попрошу не прерывать! ваш ветеранский статус не дает вам права меня третировать!!! Я такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант, как и вы! Как и вот, – рукой повел, – остальные граждане!	51
18	– Тута сам Федор Кузьмич, слава ему, присутствуют!!! – затрясся Шакал Демьяныч.	24
19	– Тута я присутствую, – кашлянул Федор Кузьмич.	12
20	– Разжигайте печку, голубчик, ради Бога, ноженьки померзли. Разжигайте, чего зря сердчать.	24

Приложение 3

(1) – Вот я и говорю, – сказал Хлебовводов. – Задавить его без разговоров... А то акты какие-то...

– Не-е-ет, товарищ Хлебовводов! Не позволим! Не позволим, пользуясь болезнью научного консультанта, вводить здесь и применять методы грубо административные вместо методов административно-научных. Не позволим вновь торжествовать волюнтаризму и субъективизму! Неужели вы не понимаете, что присутствующий здесь гражданин Говорун являет собой единственную пока возможность начать воспитательную работу среди этих остервенелых тунеядцев? Было время, когда некий доморощенный клопный талант повернул клопов-вегетарианцев к их нынешнему отвратительному модус вивенди. Так неужели же наш, современный, образованный, обогащенный всей мощью теории и практики клоп не способен совершить обратного поворота? Снабженный тщательно составленными инструкциями, вооруженный новейшими достижениями педагогики, ощущая за собой поддержку всего прогрессивного Человечества, разве

не станет он архимедовым рычагом, с помощью коего мы окажемся способны повернуть историю клопов вспять, к лесам и травам, к лону природы, к чистому, простому и невинному существованию? Я прошу комиссию принять к сведению все эти соображения и тщательно их обдумать.

(2) – Вот что, Шакал, вы мне тут не тычьте, – взвился Никита Иваныч. – И не указывайте!.. Мне триста лет, и я бюрократического хамства еще при Прежней Жизни навидался, благодарю покорно!.. Это ваша задача, ваша элементарная задача: поддерживать минимальный порядок! Ваши коллеги пьянствуют, а вы меня дергаете по пустякам. А в массовом алкоголизме, Шакал, отчасти и ваша вина. Да-да!!! Не первый раз вам говорю!!! Вы не склонны уважать человеческую личность. Как и многие, впрочем. И ваш ветеранский статус, – Никита Иваныч голос повысил и кривым пальцем по столешнице постучал, – попрошу не прерывать! ваш ветеранский статус не дает вам права меня третировать!!! Я такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант, как и вы! Как и вот, – рукой повел, – остальные граждане!

ДИСКУССИИ

Ю. Б. Грязнова, М. В. Рац

Как нам читать?

Обсуждаются исходные представления о чтении, схемы коммуникации и деятельности, необходимые для изменения неудовлетворительной ситуации с чтением в современной России. Для воссоздания утраченной культуры чтения предлагается схема (само) организации читателя и выделяются различные типы чтения и читательских установок

Ключевые слова: чтение, текст, деятельность, коммуникация, читательские установки, идеальные типы чтения

Чтение, коммуникация, деятельность

1. Вряд ли нужно доказывать, что в обществе новейшего времени чтение является одной из важнейших составляющих коммуникации. Между тем в последние годы у большинства специалистов сложилось убеждение, что ситуация с чтением в России неудовлетворительна. В «Национальной программе поддержки и развития чтения», разработанной Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом [Национальная программа... 2003] прямо написано, что «Россия подошла к критическому пределу пренебрежения чтением, и на данном этапе можно говорить о начале необратимых процессов разрушения ядра национальной культуры». Объясняется это по-разному, но мы хотим обсудить не сам по себе этот феномен и его истоки, а возможности и пути изменения сложившегося положения дел.

Можно ли, однако, управлять таким сложным социокультурным (и вместе с тем глубоко личным) явлением как чтение? Мы считаем, что можно, но для этого, прежде всего, нужны гораздо более развитые и дифференцированные представления о чтении, гораздо более рафинированные подходы и методы его анализа, чем используемые ныне. На этих представлениях, подходах,

методах, связанных с нашим видением коммуникации в целом, мы и сосредоточимся далее.

2. Многочисленные работы, посвященные чтению, обычно «проходят по ведомствам» литературоведения, эстетики, книговедения и выполняются нередко вне контекста коммуникации. Но коммуникативная, связующая роль чтения в обществе имеет первостепенное значение, и ее учет совершенно необходим. Другое дело, что, на наш взгляд, широко распространенные пока представления о коммуникации (КМ) не релевантны задачам анализа и работы с чтением. Этим объясняется непроработанность данной линии мысли, и поэтому мы обсудим специально альтернативные представления на сей счет (см. далее п. 3).

Вместе с тем коммуникативное представление чтения является необходимым, но недостаточным. Чтение приходится мыслить не только как одну из четырех основных техник вербальной КМ (говорение / слушание, письмо / чтение), но и как совершенно особое, едва ли не самоценное занятие. В этом смысле говорят о сфере чтения в обществе и ее состоянии (с чего мы и начали), а человек читающий (*Homo legens*) стоит в одном ряду с другими ипостасями *Homo sapiens*: человеком играющим, творящим и т.п. В рамках этих представлений чтение

категоризуется уже как особая деятельность и – по Г. П. Щедровицкому [1995] – мыследеятельность. Деятельность воспроизводится по нормам стандартным образом; мыследеятельность ситуативна и каждый раз требует сообразного ситуации мыслительного (и шире – интеллектуального) обеспечения. Понятно, что любые занятия могут реализоваться как в той, так и в другой форме, причем одна может переходить в другую. В частности, стандартной технике чтения, обеспечивающей воспроизводство этой деятельности, учат в школе. С чтением как мыследеятельностью мы связываем различные читательские установки и соответствующие типы чтения (см. далее).

3. Господствующая в массовом сознании схема коммуникации, хотя и считается среди специалистов устаревшей, не имеет достаточно четкой альтернативы. Она представляется в виде цепочки «источник информации – кодирование – канал передачи информации – декодирование – получатель информации» и препятствует содержательному анализу чтения, как минимум, по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, чтение далеко не всегда может быть сведено к получению информации – это сильная и в большинстве случаев недопустимая редукция: осмысленное чтение Канта или лирической поэзии мало напоминает пользование телефонной книгой, а только этот последний случай типологически сводится к передаче информации. Во-вторых, за техническими терминами «кодирование/декодирование» скрываются задействуемые при мало-мальски серьезном чтении интеллектуальные функции: понимание, рефлексия, мышление, работу которых применительно к чтению, собственно, и нужно анализировать. (Так называемые «культурные коды», с этой точки зрения, тоже не больше, чем метафора.) Подобные теоретические схемы, заведомо упрощая наше видение коммуникации, не только мешают развернуть более сложные представления о чтении и понимании, но «обратным ходом» сами приводят к упрощениям в практике образования и чтения.

4. По указанным причинам мы пользуемся другой схемой коммуникации, в которой

создание и получение текста сообщения связывается с двумя разными позициями, держатели которых (пишущий и читающий) находятся в разных ситуациях и обладают разными собственными характеристиками [Щедровицкий 1995]. Для нашего случая базовой будет схема, в которой с одним пишущим связано множество читающих, каждый из которых имеет собственную ситуацию и свои индивидуальные особенности. При этом само чтение рассматривается как сложный процесс, в котором передача информации выступает лишь как одна составляющая, поверх которой надстраивается работа упомянутых интеллектуальных функций. Мы, таким образом, становимся на сторону М. Куфаева в его историческом споре с другим выдающимся книговедом Н. Рубакиным. Книга не только «возбуждает мысль читателя», но до того и для того должна передать ему содержание, вложенное в нее автором [Куфаев 1927].

Как показано в статье одного из авторов [Рац 2006] такое представление коммуникации напрямую увязывается как со схемой мыследеятельности Щедровицкого, так и с бахтинской концепцией диалога. Мы считаем использование такого рода представлений чтения – более сложных и богатых по сравнению с господствующими – минимальным условием «инженерного» подхода к чтению сперва в своем ближайшем окружении («на расстоянии вытянутой руки»), а затем в случае успеха и шире: в перспективе применительно к сложившейся культурно-исторической ситуации в России.

5. Выделим две линии обсуждения: чтение как личное дело каждого, определяемое его запросами, а также наличным интеллектуальным и культурным уровнем; чтение как социокультурный феномен, связанный с особенностями текущей ситуации в стране и обществе, прежде всего с состоянием образования, СМИ и культуры в целом. Имея в виду обозначенную выше стратегию движения (начиная с самих себя и со своего ближайшего окружения), на данном этапе мы сосредоточим внимание на первой линии. Это значит, что прежде всего нас будет интересовать выработка и реализация в жизни тех или иных читательских установок,

а так же обратное влияние прочитанного на жизнь и деятельность читателя, а, в конечном счете и на его личность.

В большинстве случаев люди не вырабатывают сознательных установок: их читательские интересы, круг и техника чтения складываются практически неконтролируемым образом под влиянием тех или иных жизненных обстоятельств, «естественно». Если говорить о «глубине» чтения и понимания прочитанного, то эта глубина будет тогда зависеть преимущественно от коммуникативного окружения читателя. Понятно, что, как правило, она окажется при этом небольшой. Однако это, хотя и наиболее распространенный, но частный случай, которому противостоит чтение, управляемое сознательной, рефлектируемой установкой, вырабатывая которую, читатель «искусственно» определяет как круг, так и техники чтения. Такая установка (если она не воспитана и не «встроена» в человека с детства) чаще всего формируется у читателя, связывающего с чтением достижение каких-то жизненно важных целей и сталкивающегося при этом с трудностями понимания и освоения прочитанного. В отсутствие таких целей и связанных с ними трудностей читательское (само) управление становится ненужным, и искусственное чтение вырождается в естественное. Возвращаясь к этому случаю и утрируя для ясности, можно сказать: читать начинают, что и как попало, руководствуясь только привычками и критерием «интересности» (откуда берет начало массовое чтение). Имея в виду тесную взаимосвязь того, *что* и *как* читается, вопреки сложившимся традициям мы отдаем первенство вопросу *как*.

При этом, с нашей точки зрения, с учетом текущих культурно-исторических процессов в мире и особенностей ситуации в России предпочтительно, чтобы человек был способен сам управлять своим чтением: вырабатывать и реализовывать те или иные читательские установки, в частности повышать глубину своего чтения. Тогда естественно перейти к практике: как можно все это делать?

Наши предложения

6. Наши предложения опираются на опыт работы со студентами одного из авторов [Грязнова 2001] и личный опыт обоих, но надо сразу заметить, что нацеленный на саморазвитие и склонный к рефлексии читатель вполне может и без посторонней помощи научиться управлять своим чтением. Указанный опыт основан на ведущем представлении текста как действия и опирается на организацию чтения по упоминавшейся схеме мыследеятельности Г. Щедровицкого. Говоря упрощенно, читателю (в частности, студентам) предлагается при чтении модельных текстов ответить себе на ряд вопросов. А именно:

А. В какой жизненной ситуации предлагаемый текст может оказаться полезным и необходимым для Вас? Для чего и каким образом Вы сможете употребить результаты его прочтения? Изменит ли это что-нибудь в Вашей работе и жизни?

Б. Какой теме посвящен текст? Можете ли Вы указать или сконструировать объект, о котором в нем идет речь?

В. В какой ситуации автор писал данный текст? За что и против чего (или кого) он выступал? Каковы были его цели? Знаете ли Вы, чего он добивается (или добился)?

Г. Что общего и каковы различия между ситуацией автора и читателя данного текста (прежде всего, Вашей ситуацией согласно п. А.)? Что бы Вы сделали на месте автора? А что сделал бы он на Вашем месте?

Д. Какими средствами пользовался автор для достижения своих целей при написании текста? Как Вы можете оценить их успешность? К какому жанру Вы относите данный текст?

Ответы даются в «тексте понимания», выстраиваемом каждым студентом рядом с модельным текстом. Как показывает опыт, многие студенты осваивают стоящую за вопросами технику чтения и с ее помощью начинают понимать прежде недоступные им сложные тексты. Их общий интеллектуальный уровень при этом заметно повышается.

7. Формулировки вопросов, «удельный вес» каждого из них, а может быть, даже их перечень, являются мягкими и могут меняться в зависимости от ситуации. В целом

предлагаемый подход эффективен постольку, поскольку тексты для чтения имеют деятельностную ориентацию и соответствующее содержание, а таковы, по идее, все культурные тексты (как минимум, non-fiction): если автор не хочет ничего изменить вокруг себя и /или в себе, то незачем и писать. Возможно, поэзия, в особенности, лирическая (да и художественная проза) требуют дополнения данной схемы другими или, как минимум, дополнительных вопросов. Дело в том, что эмоциональная сторона чтения, которую Р. Барт обозначал как удовольствие /наслаждение от текста, нашей схемой не схватывается. Однако эта схема помогает и при чтении художественной литературы. В целом детализация данной методики, вопросы о границах ее применимости, о возможных и необходимых модификациях требуют, конечно, специального изучения.

8. Наряду с рассмотренной общей постановкой вопроса важнейшую роль в практике и культурной политике представляет тема о возможных читательских установках, реализуемых в тех или иных типах и техниках чтения. Для анализа всего многообразия возможных в связи с этим решений полезно выделить ряд *идеальных типов* чтения, представление о которых позволяет наметить некоторые конкретные направления дальнейшей работы.

Заметим, прежде всего, что различие чтения по глубине имеет богатую традицию (восходящую к архетипу сакрального vs профанного), обсуждавшуюся применительно к чтению по принципам «иметь» или «быть» (Э. Фромм), выделения «медленного» (М. Гершензон), или «пристального» чтения. Собственно, в углубленном, медленном (пристальном) чтении или чтении по принципу бытия реализуется полная мыследеятельность (бахтинский диалог или «многоэтажная» коммуникация). Ему противостоит более или менее поверхностное, редуцированное, «естественное» чтение – деятельность, воспроизводящаяся по нормам, не требующая работы понимания, рефлексии, мышления, идущая по схеме «одноэтажной» коммуникации (передачи и приема информации). Поскольку подобная полярность, как упо-

миналось, характерна для любых видов деятельности, предложено для простоты маркировать такие пары индексами –2 (мыследеятельность) и –1 (деятельность). Соответственно в данном случае можно говорить о чтении-2 (полном) и чтении-1 (редуцированном).

Но чтение-2 в полном объеме представляет собой напряженную и сложную интеллектуальную деятельность, которая необходима в системе образования, может требоваться затем, – да и то не всегда – от профессионалов (критиков, литературоведов, философов), но которая нужна не всегда и не везде. Важно лишь, чтобы она существовала как осознаваемая возможность, реализуемая полностью или частично в зависимости от ситуации и самоопределения читателя. На практике в большинстве случаев формируются разнообразные более или менее локальные читательские установки, так или иначе упрощающие чтение-2 и использующие возможности чтения-1, которое вовсе не надо сбрасывать со счетов. Рассмотрим примеры такого рода. Помимо всего прочего они позволяют придать нашим представлениям о чтении необходимую объемность.

Так, задаваясь вопросом о побудительных мотивах чтения, можно выделить целенаправленное, в частности, инструментальное (Р. Барт) чтение. Ему противостоит свободное (от целей) чтение, направляемое либо ценностями читателя, либо традицией и настроением. Говоря метафорически, чтение за столом (целевое) и на диване (свободное).

9. Рассмотрим конкретную типологию, использующую две указанные оппозиции. Если считать, что соответствующие пары, т.е. чтение-1 и –2, с одной стороны, и целевое и свободное чтение – с другой, взаимно независимы (а для этого есть основания), они могут представляться как ортогональные друг к другу. Тогда соответствующую типологию можно представить в виде матрицы.

	По мотивам	Целевое	Свободное
По глубине			
Чтение-1			
Чтение-2			

Попробуем дать этой типологии эмпирическую интерпретацию. Очевидно, что количественно в любом обществе абсолютно доминирует чтение-1. Это нормально, но не следует забывать, что качественные перемены в жизни общества (инновации, реформы, революции) связаны с чтением-2. Можно предполагать, что количественно доминирует также свободное чтение, поскольку целевое характерно в основном для учебно-производственных и проблемных, «творческих» ситуаций. Целевое чтение-1 представляет при этом характерные случаи получения нужной информации в справочниках и словарях или подготовки учебных заданий. Наиболее важными с общественно-политической точки зрения представляются из числа выделенных два типа. Это, с одной стороны, свободное чтение-1, которому соответствует эмпирическое массовое чтение, и, с другой – целевое чтение-2, которому отвечает эмпирическое чтение интеллектуалов (в отличие от свободного чтения-2, характерного для русской интеллигенции). Последнее по порядку, но не по важности: нужно подчеркнуть абсолютную прозрачность границ намечаемых типов для эмпирического читателя. Даже читая одну и ту же книгу, читатель может менять способ чтения, «перемещаясь» соответственно из одной клетки нашей матрицы в другую, например, сменив установку получить справку, на размышления по поводу полученной информации/знаний и т.п. Иными словами, выделенные типы чтения можно с равным успехом рассматривать как разные способы чтения.

10. Введение подобного рода различий и представлений резко расширяет пространство мышления о чтении, в качестве побочного результата открывая новые перспективы и возможности социологии и истории чтения. Мы можем теперь фокусировать исследования и строить представления о различных группах читателей не только на том, *что* читали (и читают) люди из разных социальных групп в разные исторические эпохи, но и на том, *как* они это делали (и делают). Для этого, правда, потребуется выработка соответствующих методик и техник, которые позволили бы определять эмпирические

аналоги намеченных (и других) идеальных типов. Точно так же в перспективе, после проработки, развертывания и обкатки предлагаемых идей можно будет ставить вопрос об обучении чтению (отдельно от литературы и родного языка) в школе. При этом могут быть выработаны представления о читательской компетенции как способности к чтению и рецепции текстов того или иного типа и уровня сложности. В целом резонно поставить вопрос о создании специальной программы исследований и разработок в указанном направлении. Вместе с тем эта работа могла бы органически вписаться в более широкую программу формирования (общественно-государственной) культурной политики.

11. Мы просим читателей задаться вопросами из п. 6 применительно к настоящему сообщению и примерить на себя различные типы чтения из п. 8 и 9. Будем признательны всем, кто сообщит о своих соображениях по адресу: ratzm@netvision.net.il

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. – М., 1994.
2. *Грязнова Ю.* Учебный курс «Аналитика текста», Атриум, серия педагогика. – №2, 2002 (http://v2.circle.ru/frontier/15/17/analitika_teksta.doc).
3. *Куфаев М.Н.* Книга в процессе общения. – М., 1927 (Переиздание: Куфаев М.Н. Проблема философии книги. Книга в процессе общения. – М., 2004).
4. Национальная программа поддержки и развития чтения [электронный документ]. (<http://www.fapmc.ru/news/info/item2003.html>).
5. *Рац М.В.* Коммуникация, общение, диалог // Книга в системе общения: сб. ст./ Авт. сост. Рац М. – М.: Наследие ММК, 2006, С. 364–395.
6. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995, 760 с.

НАШ АРХИВ

Е. Д. Поливанов

Рифмология Маяковского

РИФМОЛОГИЯ МАЯКОВСКОГО.

в К. Ч.

Кершен

Певцу и пророку ~~русской~~ Революции - Маяковскому ^{суждено} было ~~быть~~ и революционером в области поэтической техники.)
В настоящей заметке я постараюсь отметить то, что было создано им нового в одной только сфере поэтики - именно в эволюции рифмы, не касаясь его богатых ритмических новшеств. Нужно оговориться, что хотя новшества в области рифмы знаменующие русскую поэзию 10-20 годов, наблюдаются и помимо Маяковского и может быть у других даже ранее хронологически /напр. у Я. Година/ однако введение этих новых рифмидов как законного приема, их прививка к органическому развитию стихо-формы несомненно - дело Маяковского. Другие поэты в общем идут в этом отношении за ним и от него /имажинисты/. Тот факт, что русская рифма износила уже себя до банальности, что стало уже невозможным ~~уже~~ повторять "кровь" и "любовь", что готовы уже были рифмические словари, сковывающие творчество в такие же рамки, в каких напр. оказалась судьба китайского стихосложения, не нуждается в особых доказательствах и ~~подлинности~~ русской рифмы ~~подлежала~~ разрушению. Но важным является показать, что дело Маяковского не только в разрушении, иначе говоря не только в допущении создаваемых ^{или} несоответствующих, дефективных с точки зрения старого канона рифм, но и в каком-то новом плюсе поэтики, приносимом им взамен старых правил. Для этого следует остановиться на понятии рифмы, чтобы убедиться, ~~в том~~, что она - сложное явление, состоящая из совокупности нескольких моментов непосредственного акустического воздействия на эстетический-эмоциональный аппарат и что каждый из этих моментов может быть изолирован и выполнять свою функцию без других. Именно в рифме мы имеем явление повтора одинаковых звуковых представлений, разделенных друг от друга принципиально одинаковым отрезком времени /которое отсчитывается по звуковому составу произносимых отрезков/. Так мы наблюдаем на равных друг от друга расстояниях, в данном случае через две строки повтор комплексов авай-авой, ил-ил, в строфе:
"за то, что труд мне был забавой,
за то, что много я любил

Х. В. репродуцировано с сайта www.mayakovsky.ru

стр.

7+2=9 стр

И на алтарь войны кровавой
Я ни стиха не уронил."

Принцип звукового повтора, частный случай которого иллюстрируется здесь, основанный на непосредственном внесмысловом воздействии звуков на психику, по моему, чуть не единственное средство звуковой поэтики, отвечающее принципу симметрии в образительных искусствах. Но материалом повтора, повторяющимся составом корреспондирующих отрезков может быть разное, разные фонетические представления.

I/Повторяться может одно лишь, абсорбированное от своего фонемного субстрата /таких-то, и таких-то слогов, данных гласных и согласных/ представление ударения, ударенного слога, отделенное от следующего тождественного представления — другого ударенного слога, равным количеством неударенных слогов. В этом схематическая основа нашего русского, так называемого тонического стихосложения. Проходя через весь стих /как и через белые стихи/, а повтор ударенности констатируется также и на составе рифмы — корреспондирующим отрезке, которым является в указанном примере -авой /забавой, кровавой/ и ил /любил, уронил/. И этот момент является крайне существенным среди составляющих рифму моментов, ибо каноническая теория рифмы даже отсчитывает объем корреспондирующего отрезка /принимаемого во внимание в рифмическом словаре/, начиная с гласной последнего в стихе ударения /потребность в том, чтобы корреспондирующий отрезок был достаточно велик в связи с исторической зависимостью нашего стихосложения от польского, где ударение всегда на предпоследнем слоге стиха, и французского — породила даже ультра-педантную теорию о законности только женских риф типа "забавой" — "кровавой", но не "любил" — "уронил"/. Но сама допустимость белого нерифмованного стиха, а равно и соблюдения чередованности ударенных и неударенных слогов в этом

5 стр. 4+3=10 стр

части стиха, которая предшествует "рифме", доказывает изолируемость этого момента повтора, как имеющего свою поэтическую установку от прочих в составляющих рифму моментов. Обратное же явление, именно корреспонденция одинаковых гласных и согласных при смещении ударений, кажется с канонической точки зрения невозможным:

"Мы поехали в село,
То-то будет весело."

Но вот, попробовав отрешиться от завязшего в зубах канона, мы, пожалуй, и не будем отказываться в поэтической установке таким корреспонденциям, как "душу" - задушу" в строфе: ~~"но не носи душу на улицу. Она сердито мне говорит: задушу."~~

2 У Маяковского, напр., как подсобный ассонанс /к рифме "дочку" / фигурирует:

Встань на коробочку
Лучше на бочку. /Владимир Маяковский" трагедия - "Все" стр. 37 /.

Обращаясь к иностранным стихосложениям, мы находим в таком стихосложении, как эстонское, где языковой строй обладает гораздо меньшими, чем в русском, ресурсами для рифмы, довольно нормальную рифму из одних неударенных слогов:

"Mul piudub karandus ja raha,
Mu nimi mulle ainult piika."

Корреспондирующим стрезком является только неударенное *na*-факт, совершенно идущий в разрез с нашим каноническим определением рифмы, отсчитываемой с последнего ударенного гласного. А в таком случае, как: "Kas kaene hulgas olen ma,
Kas rändab ilma koduta."

Корреспондирует только *a*, при том в одном случае ударенное /*ma* / в другом неударенное /*noduta* /:

Мы видим полное игнорирование момента ударяемости в рифме. И это - лишнее доказательство того, что входящие в состав рифмы моменты повтора могут иметь поэтическую установку и в изоляции: в данном случае повтор согласного и согласного /или же только гласного / без участия ударения.

7+4=11 стр

2. Повтор ударений (на равных друг от друга расстояниях), характеризующий тоническую систему, в ряде стихосложений замечается повтором представлений долгих и кратких слогов, точно так же ритмически повторяющихся. Сюда относятся системы: древне-греческая и латинская ^{и персидская} с их богатым разнообразием составов ^и атонн /т.е. повторяющейся последовательности представлений кратких и долгих слогов/, а также древне-китайская (классическая) система стихосложения. Принадлежность последней к метрическим системам в филологической литературе, кажется, не воспринята. Обычно приходится слышать, что китайское стихосложение основано на "чередовании тонов" /т.е. музыкальной интонации, присущих отдельным слогам - морфемам/. Но фактически теория классического стиха базируется не на чередовании тонов, а на чередовании категорий тонов так за словом, имеющим любой из двух тонов, принадлежащих к одной категории /пар. тонов / и 3 по пекинскому произношению / чередуется с любым из принадлежащих к другой /II-ой/ категории /куда входят тоны 2 и 4 /. Иначе говоря представление I категории /именно нечто общее в представлениях обоих относящихся к ней тонов: I и 3/ чередуются с представлением II категории /представлением абстрагируемым из обоих относящихся к ней тонов: 2 и 4 / .И вот, поскольку удалось бы доказать, что в эпоху создания классического стихосложения, I категория обозначала долгий слог, а II - краткий метрический характер китайского стиха оказывается уже доказанным. Тут нужно оговорить, почему о моментах поэтической установки в китайских стихах нельзя говорить по данным современной их фонации, а непременно нужно воссоздать т.к. из классическую фонетическую систему, т.е. фонетическую систему эпохи сложения канона. Для современного китайского языка ^и канонические приемы поэтики в значительной мере мертвы: так, в стихе набираются рифмы по рифмическим словарям, которые уже не звучат рифмами в современных говорах - таков поразительный консерватизм стихотворной традиции также и древняя характеристика тонов подверглась разным модификациям в разных живых говорах.

которое, в эпоху создания канона, разгляделись, как долгие и краткие слогги.

$4 + 5 = 12 \text{ сл}$

2
 1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12

Так, например, по Пекинскому произношению труднее заключить о прошлом противополжении обеих указанных категорий /I: I и 3, II: 2 и 4/ по количеству, чем из такого /тоже северно-китайского и мандаринского/ говора, как Мукденский -Фын-тянский. В нем характеристика тонов сводится к следующему:

I тон: восходяще-нисходящая интонация.	2 тон: восходящая интонация.
3 тон: нисходяще-восходящая интонация.	4 тон: нисходящая интонация.

Из этой схемы видно, что тоны I категории заключают последовательность двух мелодических представлений, а тоны II-ой - только одно мелодическое представление. Следовательно, количественно тоны I-ой категории оказываются двойными /или долгими/ по сравнению с тонами II-ой - ординарными или краткими/ и именно: I-2+4, 3-4+2. Этот количественный принцип слого-различения может быть допущен и для диалекта той эпохи, когда создавалось каноническое правило "чередования тонов", хотя и не в буквально том виде, как в Мукденском говоре, - ибо вообще представление о древнем произношении нужно создавать из сравнения современных, доступных исследований говоров.

В Пекинском характеристике "тонов" я думаю менее показательна для древнего состояния /отличным от мукденского является, в сущности говоря, первый тон: но в связи с этим /1-2 4/ нарушено принципиальное понятие о составе долгих тонов из двух кратких/.

Повтор голых /абстрагированных от фонем/ количественных представлений слога, служащий основой метрических стихосложений, может также сочетаться с рифмой, как и тонический принцип. Сравнить спорадические рифмы у Овидия, и канонизованную рифму в китайском /интересно, что рифма в китайском заключает лишь гласный или гласный плюс согласный - в этом естественный результат закона об односложном составе морфемы - "слова"/.

Здесь мы видим значит сочетание составляющих нашу рифму моментов/повтора гласных и согласных/с особым совершенно повтором-повтором количественных представлений.

В существенных особенностях древнекитайской системы тонов, в том числе об источниках пятого тона /проще говоря-конечной гаммы южно-китайских диалектов/здесь говорить не место: во всяком случае общему количественному принципу различия тонов эти особенности не противоречат.

7+6=13077

III.

В третьих, можно констатировать, наконец, изолируемость и повтора отдельных фонем /гласных и согласных/, сохраняющих свою поэтическую установку и вне рифмы. Как показала статья О. Брика ϕ согласный повтор является главным из неканонизованных средств звукового рисунка стиха, и применение его существенно и отличает ненапрасный набор звуков /вне рифм/ в творчестве истинных поэтов от механического рифмоплетства.

Для того, чтобы иллюстрировать сущность согласного повтора /нормального но не канонизованного, в противополость рифме, приема у классических русских поэтов, хотя бы Пушкина и Лермонтова/ приведу несколько примеров: "Волги вал белоголовый" - согласные в л г в л б л г л в. Поскольку б/б/ допустим с точки зрения поэтической фонетики считать вариацией в, мы имеем здесь повторы типа: С В А /Волги-головый, т.е. согласные в обратном порядке: в л г - г л в/ и трехкратный А В /АВ-АВ-АВ: Вол вал бел/.

Пример насыщенного консонантными повторами отрывка:

"Красный огонь, раскрутись раскрутись

Красный огонь, взвейся в темную высь /Бальмонта/.

Корреспондируют здесь группы: крс и вз /-с/. ϕ

ϕ /Я говорю о главных повторах, бесспорно имеющих поэтическую установку, звуковой рисунок ими может не исчерпываться, но такие вопросы как функции повтора, во второй строке, принадлежит к спорным вопросам поэтики, о которых необходим был бы особый экскурс.

с /с /признаю за вариацию для в. Первая корреспонденция формулируется

АВС ВСАВСВСАВСА /крс рскрс рскрс крс/.

Вторая корреспонденция: АВАВ /А/АВ /вз в с / ϕ / в с /.

ϕ /В IV-ом выпуске Сборников по теории поэтического языка перепечатана Поэтике. Одновременно со статьей Брика в Сборник была направлена и моя статья, где я доказывал самоудовлетворенность согласного повтора не тем широким эмпирическим путем, каким идет Брик а, так сказать, дедуктивным.

Согласно тому, о чем говорю в статье, на эту тему - в сборнике или в журнале. Но что же? Брик, так Брик.

7 + 7 = 14 стр.

Таковы значит сложные звуковые рисунки, добавляемые к признанной за законное средство стихосложения рифме, которая исчерпывается здесь повтором *ись - ысь / - /раскрутись - высь/*. И для всякого ясно, что главное орудие звукового воздействия в этом двустишии не рифма, а именно эти неканонизованные согласные повторы. Положим, в этом Бальмонтском примере мы уже имеем несомненную сознательность в применении этого приема /чего вовсе нельзя подозревать за Пушкиным и Лермонтовым, которые гнали ряды звуков просто как хорошо звучащие и заменяли одно слово другим - просто как лучше звучащим в данной комбинации, а в чем собака зарыта наверное и не знали/. Во-вторых, согласные повторы употреблены здесь даже с исключительным намерением: им дано звукоподражательное задание /треск и завывание пламени/. Еще пример насыщенного повторами отрезка

На Неве синий снег

На Неве синева

И под снегом во сне

Синевет Нева.

Участвуют в корреспонденциях *н в с*, притом преобладающее в мягких вариантах /*н*, *в*, *с* или в виде полумягкого *с* в слове снег/: потому твердые заключены в скобки.

/А/ АВС АСА	Н Н в с н с н
%А/ АВС АВ	н н в с н в
СА /В/СА	с н в с н
САВАВ	с н в н в

Привожу, этот пример, как результат уже явно искусственного импертрофического пользования согласными повторами.

Что же такое наша каноническая рифма, чем она оказывается среди всех случаев повтора *с*. Рифма - это, во-первых, частный случай звукового повтора именно концовка типа *А в /с/*, плюс повтор гласного /иногда гласных/ умещенные на общем фоне ритмичности стиха в подчеркнутых этой ритмичностью как одинаковых, местах /именно на конце стихов/.

Ср. звукоподражанье слониди повтор в Огнессе:
 Entret'en akmotheto megan akmna endeto desmies
 Нетипичн т'т т'т д'т д'т Неполноценный звук каингу.

7 + 8 = 15 стр.

IV.

В стихосложениях основанных на рифме, закрепленным /за рифмой/ а след. за согласным повтором /является ритмически выделенное, а потому яркое для фонетического сознания место - конец стиха. Это и естественно с точки зрения поэта задачи: звуки, повтор которых имеет поэтическую установку размещены на ярких местах: акустически ярко освещены - на них надо тем самым обратить внимание - как раз то внимание, которое направлено не на смысл, а на звуки сами по себе. Узнавание знакомых согласных на нужных соответствующих местах дает ту игру, которой тежит человека поэт. Но эти места не обязательно конец стиха. И в тех языках, которые дают мало данных для рифмы, повторяющиеся согласные помещаются на первом конце стиха, а на таких ярких местах, акустическая яркость которых достигнута иначе именно в начале слова и стиха. На этом основана аллитерация, т.е. повтор начальных согласных в стихах и в отдельных словах на ритмически выделенных местах стиха /а иногда и просто: в начале ряда слов/. Аллитерация является характерным, эквивалентным по значению рифме приемом в таких стихосложениях, как финское /и Эстонское/ древне-германское, архаическое латинское /саатурнинский стих: вероятно и этрусское стихосложение, откуда - старо-латинское/, наконец в алтайских языках например в якутском.. Важно, что в большинстве языков, широко не пользующих /и даже канонизовавших аллитерацию/-место ударения постоянно, приходится именно на том слоге /финский, эстонский древне-германский латинский в определенную древнюю эпоху, этрусский/ об ударений в алтайских языках нужно было бы говорить очень много, но во всяком случае аналогичные факторы благоприятствующие аллитерации, во многих из них имеются и теперь, а в других должны быть допускаемы для прошлого состояния/. *Keda küll kirjandus kirandaks koostaks*

Привожу эстонский и киргизский примеры аллитерации.)

Итак мы видели, согласный повтор вполне самодовлекщее и изолируемое из рифмы, средство поэтики.

V.

Остается маленький вопрос: что изолируемыми гласный повтор из общего тела рифмы ϕ . Может ли корреспондирующий отрезок состоять только из гласного ϕ . - Да, бывает, что может: это будет самая "бедная рифма", как в вышеприведенном эстонском *ma - kedute* ..И некоторые каноны стихосложения, как напр. Караимский, допускают такие рифмы, как* нормальные. С точки зрения русского Каноны - это будут дефективные рифмы, но они

4 + 9 = 16 стр

фактически встречаются. Отмечу интересный пример дефективной рифмы из полуграмотных куплетов "Труба", где систематически допускались рифмы: труба-рога-беда, т.е. ударенное а с предшествующим звонким согласным, но не допустимо было бы труба-бока. Корреспондирующим представлением здесь служит, следовательно, представление звонкого смычного плюс ударенное а. Сказанного достаточно, чтобы показать, как разнообразны могут быть субстат повтора и насколько каноничная рифма-случайная фиксация входящих в нее моментов.

VI.

Имперически можно установить, что дефект в области рифмы компенсируется другими средствами / повторами/. Возьмем стихи *Жюль*:

*Удье, аби, Гдье, гродье
File, ma, qu'onille
File, sa corde au bontin
Qu'il s'effe dans le plan.*

В последнем двустишии рифмы, конечно, дефективные /корреспондирует только одно о /но это искупается следующим совпадением согласных:

Именно, если считать р вариацией для в, то все семь согласных повторяются в каждом стихе, а плавные / r d / по два раза - r в I-ом, - во 2 стихе: мы имеем здесь, следовательно, сложный повтор *SCABFB*. Этим сложным консонантным аккордом и искупается, очевидно, бедность рифмы.

И вот, обращаясь к рифмическим новшествам Маяковского, я буду рассматривать его рифмиды не только во-первых, как отступления от рифмического Канона - как дефективные рифмы /отрицательная характеристика/, но, во-вторых, постараюсь выяснить, чем компенсируется данный дефект. В настоящей статье я не пытаюсь повторить сделанные мною подсчеты рифмидов Маяковского /материалы остались в Петрограде/, позволявшие характеризовать различные приемы количественно /%-%-ных соотношением их функции/

7 + 10 = 17 стр

и установить хронологию для эволюции его поэтики /положим я не использовал 150.000.000, ограничившись "Все написанное Маяковским" 1919 г./ Я ограничусь только простым перечнем главнейших новшеств рассматривая их, повторяю, сначала лишь как отступления от корректной рифмы - употребляю в этом смысле слово рифмоид, как-то принято уже главным образом московскими поэтами и теоретиками. §/

VII.

Корреспонденция с нулем согласного. частным случаем ее является самый типичный для новой рифмологии вибрирующий согласный т.е. конечный согласный, имеющийся в одной из двух рифмующих строк. Примеры: рыжо-дирижер: вибрирующий согласный -р:

В ресторане было от электричества рыжо
Кресла облиты в дамскую мякоть
Обиженный выбежал дирижер,
Приказал музыкантам плакать.

Рифмоид:

И заверчен, как - из Аверченко /а/:
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко..... /Все, стр. 52 /

Вибрирующий согласный - кн.

Рифмоид: опоясан -мяса /Все, 58/, вибрирует н.
хула - кулак:

Ч тоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
Вибрирует :к.

2 рифмоида: не чета - читать

nihil -книги
Я великим не чета,
Я над всем, что сделано,
ставлю "*nihil*",

Никогда ничего не хочу читать

Книги § что книги § /Все, 76/

Вибрируют ть и /-ль или, если хотите, средне-европейскому /.

§/Признаюсь, будучи в 21 году в Москве, я не знал, кого там больше - поэтов или теоретиков стиха.

$7 + 11 = 18 \text{ стр}$

мскли - моноклем /Все, 82/

нарядив -впереди /Все, 82/

высморкал -Бисмарка /Все, 83/

Примеров можно было бы приводить до бесконечности, так как в некоторых вещах % этих рифмоидов достигает /а если считать с ними и другие новшества/, то превышает 50 % ^{по} сравнению с законными с старой точки зрения рифмами. Интересно, что прием вибрирующего согласного принимает право гражданства в творчестве Маяковского постепенно: до 1913 они проскальзывают точно не дозволенные /между прочим, на основании %-ного подсчета можно допустить, что трагедия "Вл. Маяковский" помещена в собр. соч: "Все..." не на своем хронологическом месте/ и до "Войны и Мира", где этот прием уже более нормален, чем рифма, целый ряд переходных ступеней.

Вибрирующий конечный согласный - не единственный случай корреспонденции с нулем согласного. Менее распространен и вероятно не осознан еще как элемент нового канона, нуль согласного внутри корреспондирующего отрезка: таков нуль в корреспонденции

на подмосток - с досок.

Рассказ о взрезших на подмосток

аршинной буквою графши

и зазывают в вечер с досок

Здачки малеванных афши.

Особое место /с фонетической точки зрения/

Нанимают в ряду этих /неконечных/ путей согласного нули й-ота:

Примеры: крови - коровьи

Они не тревожась картиной крови

и тем, что пожаром миг опоясан,

молоком богаты силы коровьи

и безмерно богатство бычьего мяса.

/Все, 13/

высей - крысьей.

Всунув копытом молитвы высей

арканом в небе поймали бога

и ощипавши, с улыбкой крысьей,

глумясь, тащили сквозь щель порога.

/Все, 13/

7+12 = 19 стр

19 стр

VIII.

Кроме нуля согласного в корреспонденциях Маяковского довольно часто нуля неударенного гласного: морде - городе:

Упынье у лошади на морде
и никто не поймет тоски Петда
Узника, закованного в собственном го-
роде. /Все, 52/

к примерке - в Америке:

эти брюки принес к примерке чего ты ради?
у тебя совершенно нету дядей/
а если есть, то небогатый, не ^{идет} ждет и не в Америке.
/Все, 59/

Еще пример где соединены ноль согласного /вибрирующий согл./ и ноль неударенного гласного:

в городе - орден:

Тяжко и чинно выстроились в городе,
будто сейчас набираться будет
хмурых монахов черный орден.

Для пренебрежения в поэтических установках неударенными гласными русского языка, есть хорошее фонетическое основание: в нашем стандартном /ищем/ говоре эти гласные близки к выпадению /стремятся к нулю, если поворотить языком исторической фонетики/.

И странно: если бы лингвист 25 или 28 века, когда эти гласные уже исчезнут, стал бы датировать это явление по стихам Маяковского, он бы совершил ошибку, отнеся выпадение неударенных гласных уже к нашей эпохе: фонетики языка поэтического /разумею звуковой состав, годный для поэтической установки/ опередила фонетическое развитие языка прозаического. Нельзя ли из этого примера сделать нота-бене и для историков фонетики латинского языка в их взглядах на *hiatus*.

Наконец, известные /хотя в общем и незначительные/ случаи рифмоидов состоят в сдвиге ударения: характерно для них только, что они употребляются не вместо рифмы, а как добавочная к рифме звуковая игра. Ср. вышеприведенные на коробочку - на бочку или еще в 1909 году зигзагом - загам /Все, стр. 7/.

7 + 13 = 20 стр / 3 стр

IX .

Так вот - что же эти отступления от корректной рифмы - просто ли минус поэтики, сознательно допущенный дефект, или что другое? В общем и целом - у Маяковского не отрицательные новшества, а перенос центра тяжести звуковых эффектов с старой заедженной позиции / тела рифмы / на новые позиции. Итогируя, укажу

1/ что даже такая лицензия, как вибрирующий согласный в значительном проценте случаев оказывается мнимым путем звука: согласный, являющийся конечным в одной строке, есть и в другой - только не на конце, а большей частью в начале - в предшествий корреспондирующему отрезку:

авиатор -Травиата

Француз, улыбаясь на штыке мрет
с улыбкой разбивается подстреленный авиатор
если вспомнят в поцелуе рот
твой Травиата / все, 107 /

р, конечно в авиатор, отсутствует на конце Травиата, но зато здесь оно в начале корреспондирующего отрезка авиата. Этим в данном случае повтор, однако, не исчерпан в отрезке: рот твой Травиата наблюдаем сложную игру согласными:

наконец еще ожидаемое для акустического восприятия р из авиатор.

2/ Приведенный случай сложного повтора / р т м в т р м / играет независимую от рифмы роль, что для Маяковского очень типично. Согласные повторы, из которых простейший смежный повтор пары согласных / ф т / : кофту - фата /, составляют, следовательно самостоятельную сферу поэтических установок / арена которых - весь стих, а не конец его / в общем подсчете компенсирующую, конечно, консонантные нули в рифме.

3/ нормальным для Маяковского нужно признать более длинный размер корреспондирующего отрезка, чем тело старой канонической рифмы. Туда входит нормально, и предударный слог, во всяком случае отсвечен предшествующий нажимному согласный :

караваны - рваной :

В зное пустыни вытянетс караваны
где львы на чеку
тебе под пылью ветром рваной
положу Сахарой горящую чеку.

ведь тело старой рифмы только аны -аной, здесь же сознательно дан повтор трех согласных: р в н

7 + 14 = 21 стр

Сплошь и рядом это расширение корреспондирующего отрезка ведет к участию в нем двух слов: раб,расти - храбрости:

А так

полсотни лет еще можешь ,раб,расти

Ложь я знаю,и в лаве атак

И буду первым в героизме,в храбрости.

/война и мир,пролог /.

Предел такого стремления повторять длинные отрезки - замена рифмы каламбуром.И с смысловой стороны - это особенно по плечу Маяковскому как по-эту комическому.Примером /утрированных /каламбурничанья может служить "Пустяк у Оки" /все,52/.

Шли камышами - Ока мышами,

вдев в ушко - девушка

И заверчен как - из Аверченко

Италию - и талию

меняете - у камыша итти.

Так,конспективно и ограниченно,я изложил то,что раньше написал подробно.

ПОЛИВАНОВ

РЕЦЕНЗИИ

Сигал К. Я., Юрьева Н. М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: Ключ-С, 2009. - 240 с.

Не знаю, как другим, но мне по душе работы, в которых ясно определяется их цель (я бы сказал даже, определяется жестко, без лишних слов) и четко указываются пути ее достижения. Именно такой и является, на мой взгляд, книга, написанная Кириллом Яковлевичем Сигалом и Надеждой Михайловной Юрьевой.

Знакомясь с этой книгой, я невольно вспомнил о З. Фрейде, высказавшем еще в 1927 году следующее соображение: «<...> предпринимались попытки радикальным образом обесценить научный труд рассуждением, что он, будучи связанным с условиями нашей собственной организации, не может дать ничего другого, кроме субъективных выводов, тогда как действительная природа вещей вне нас остается недоступной. При этом не считаются с несколькими моментами, имеющими решающее значение для понимания научной работы: что наша организация, то есть наш душевный аппарат, сформировалась как раз в результате усилий, направленных на освоение внешнего мира, и, стало быть, часть целесообразности должна была реализоваться в ее структуре; что она сама является составной частью того мира, который мы должны разузнуть, и что она вполне допускает такое исследование; что задача науки будет описана полностью, если мы ограничим ее показом того, каким нам должен казаться мир из-за своеобразия нашей организации; что окончательные результаты науки именно из-за способа их получения обусловлены не только нашей организацией, но и тем, что на эту организацию воздействовало, и, наконец, что проблема устройства мира без учета нашего воспринимающего душевного аппарата представляет собой пустую абстракцию, не имеющую практического интереса» [Фрейд З. Человек Моисей: психология религии. М., 2007. – с. 60-61].

Я не хочу сказать, что К. Я. Сигал и Н. М. Юрьева «полностью описали задачу/задачи науки» о речи, но одно несомненно: они успешно и убедительно показали нам строение и развитие *детского душевного аппарата (мира детства)* и тех межличностных связей, которые предопределяют его видоизменение и усложнение в процессе овладения речью.

Не менее важен, на мой взгляд, и тот факт, что результаты экспериментов, проведенных К. Я. Сигалом и Н. М. Юрьевой, позволяют наглядно представить, как формируются и развиваются те языковые/речевые функции, которые К. Бюлер считал изначально присущими человеческому языку (экспрессивная, аппелятивная и репрезентативная функции; см. по этому поводу: [Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. - М., 1993]. И что еще важнее – представить зарождение и укоренение в детской речи аргументативной – критической – функции, добавление которой к трем бюлеровским функциям позволяет, по мнению К. Поппера, осваивать – и не только детям – тот мир, который он назвал третьим миром (миром «продуктов человеческого сознания»; [Поппер К. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. - М., 2008. – с. 51]; см. также [с. 131-138]) и который есть не что иное, как мир экзосоматических мутаций, неизбежно осложняющих нашу ментальную жизнь.

Знакомясь с книгой К. Я. Сигала и Н. М. Юрьевой, нельзя не обратить внимание и на такое обстоятельство: они не относятся к людям, не помнящим своего родства. Они помнят о Ж. Пиаже, о его четырех «основных периодах, идущих непосредственно вслед за тем периодом, который характеризуется образованием сенсомоторного интеллекта» [Пиаже Ж. Избранные психологические труды. - М., 1969. – с. 177], привязывая диалогическое взаимодействие детей в совместной игровой деятельности к этим четырем периодам (см. раздел

третий в книге К. Я. Сигала и Н. М. Юрьевой), лишний раз подтверждая правомерность разбивки на такие периоды как универсальные этапы в развитии *любой* детской речи. Материалы, представленные в этом разделе, нельзя переоценить: они четко указывают на изменения, происходящие в детском игровом поле как совокупности *диалогем*, которыми обмениваются участники игр, осваивая смыслы, «прячущиеся» за вербальными знаками.

Если учитывать, что в разделе втором книги рассматриваются «Речевая организация сложных словосочетаний Adj. + (Adj. +N) в свете экспериментальных данных», а также «Словосочетание в зеркале ассоциативного эксперимента: от синтаксической структуры к лексической (на материале атрибутивных словосочетаний N+Adj.)», то результаты авторской экспериментальной работы становятся еще интереснее, показывая путь изживания того, что я назвал бы *логосической абулией* (т.е. логосическими недопущениями и запретами), характерной, по-видимому, для начального этапа развития детской речи, хотя и не только для него.

Самым интересным в этой книге мне показался раздел первый, состоящий из двух глав. И не только потому, что он информативен, но прежде всего потому, что он является убедительным свидетельством в пользу недопущения в исследованиях

детской речи, как и речи вообще, *любых идиофикциализмов* (т.е. априорно импрессионистических утверждений), какими бы интересными они ни выглядели. Я не сомневаюсь, что и К. Я. Сигалу, и Н. М. Юрьевой близка точка зрения К. Поппера, считавшего, что «...научные теории представляют собой подлинные предположения – высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы <...>, но могут быть подвергнуты стогим критическим проверкам» [Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. – М., 1983. – с. 317], как не сомневаюсь и в их недоверии к надежности общего концептуального каркаса: «<...>дискуссия между людьми, взгляды которых имеют много общего, вряд ли будет плодотворной, даже если сами участники считают ее весьма приятной и полезной. В то же время дискуссия между лицами, придерживающимися в корне различных каркасов, может быть в высшей степени плодотворной, даже учитывая то, что она бывает весьма трудной <...>» [там же, с. 560–561].

Нет сомнения в том, что книга К. Я. Сигала и Н. М. Юрьевой будет полезна тем специалистам в области экспериментальных исследований речи, которые заинтересованы в рефлексии над методологическими основаниями собственных научных изысканий.

Ю. А. Сорокин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ly Toan Thang (Вьетнам), доктор филол. наук, профессор Института лингвистики г. Ханой. E-mail: lytoanthang@yahoo.com

Балясникова Ольга Вениаминовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института языкознания РАН. E-mail: olg-balyasnikova@yandex.ru

Боронин Александр Анатольевич, канд. филол. н., докторант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации МГОУ.

Василевич Александр Петрович, д. филол. н., вед. н. сотр. сектора психолингвистики Института языкознания РАН; зав. кафедры лингводидактики МГОУ. E-mail: basilevich@mail.ru

Григорьев Андрей Александрович, д. филол. н., профессор МГОУ. E-mail: psyling47@gmail.com

Грязнова Юлия Борисовна, кандидат философских наук, ведущий преподаватель мастерской общественных коммуникаций Тольяттинской академии управления, консультант Минздравсоцразвития РФ. E-mail: projectplan2006@yandex.ru

Долотин Константин Иванович, д. филол. н., проф., вед. науч. сотр. ИЯ РАН. E-mail: dolotin²@rambler.ru

Елина Евгения Аркадьевна, д. филол. н., Саратовский государственный социально-экономический университет (СГСЭУ). E-mail: Elina@Ssea.runnet.ru

Журавлев Игнатий Владимирович, канд. психол. н., науч. сотр. Института языкознания РАН. E-mail: semiotic@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич, науч. сотр. МГУ. E-mail: a.nistratov@mail.ru

Ощепкова Екатерина Сергеевна, канд. филол. н., науч. сотр. Института языкознания РАН, доцент Университета РАО. E-mail: psyling47@gmail.com

Павлов Владимир Михайлович (Германия) д. филол. н., профессор. E-mail: pavlov.wdf@googlemail.com

Павлюк Николай Анатольевич, канд. филол. н., РЭА им. Г.В. Плеханова. E-mail: runik03@inbox.ru

Палкин Алексей Дмитриевич, канд. филол. н., Москва. E-mail: p-alexis@yandex.ru

Рац Марк Владимирович, д. геол.-мин. н., проф., консультант фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». E-mail: ratzm@netvision.net.il

Сорокин Юрий Александрович, д. филол. н., проф., глав. н. сотр. Института языкознания РАН. E-mail: psyling47@gmail.com

Тарасов Евгений Федорович, д. филол. н., проф., зав. сектором психолингвистики Института языкознания РАН. E-mail: eft35@mail.ru

Тарасов Александр Евгеньевич, канд. полит. н., доцент, Дипломатич. Академия МИД. E-mail: alexgarmisch@yandex.ru, alexgarmisch@rambler.ru

Уфимцева Наталья Владимировна, д. филол. н., проф., глав. н. сотр. Института языкознания РАН. E-mail: nufimtseva@yandex.ru

Ушакова Татьяна Николаевна, академик РАО, д. психол. н., проф., главн. н. сотр. Ин-та психол. РАН. E-mail: dv.ushakov@gmail.com

Яшин Павел Николаевич, Институт языкознания РАН, Москва. E-mail: Iashine@yandex.ru

ABSTRACTS OF ARTICLES

Evgeny Tarasov

The image of the world

The notions *picture of the world* and *image of the world* are often used interchangeably though groundless. The picture of the world is a scientific concept of objective reality whereas the image of the world is a person's body of knowledge serving as a means of perception.

Keywords: *picture of the world, image of the world, objective reality, perception.*

Vladimir Pavlov

On the relationship between linguistics and psychology

The article deals with the problem of relationship between language and speech. The history of the problem is outlined from the works by F. De Saussure to the modern linguistics and psycholinguistics. The fundamental units of language and speech are specified here. The scope of linguistic and psycholinguistic study and also its objects are defined.

Keywords: linguistics, psychology, psycholinguistics, language, speech.

Tatiana Ushakova

Polysemy as reflection of semantic processes of the verbal sphere.

The article is concerned with mental representation of polysemantic words. The author describes a method of polysemantic groups (fields) analysis. It is supposed to reveal semantic processes connected with such groups, to find a core content of a polysemantic field and also to estimate modifications in its elements.

Keywords: mental representation, polysemantic words, polysemantic groups, polysemantic field.

Yuri Sorokin

The text and its study using linguistic and psycholinguistic methods (retrospective overview)

The author reviews different approaches to text study and its main characteristics. He considers the specific subject of text linguistics and the difference between the latter and the text theory. He analyses methods of text study used in different approaches from the standpoints of linguistics and psycholinguistics.

Keywords: text study, characteristics of the text, text linguistics, text theory

Olga Balyasnikova, Alexander Nistratov, Ekaterina Otchepkova, Evgeny Tarasov, Natalia Ufimtseva

Universal values: Russian-Ukrainian parallels

The article deals with study of values as a method of country image analysis in autochthonous and allochthonous language consciousness. Use of semantic differential method for country image analysis is illustrated using the data collected in Kirovograd.

Keywords: values, universal values, country image, autochthonous and allochthonous language consciousness

Andrei Grigoryev, Alexander Nistratov

My and Other's values: comparative analysis of the semantic fields of the Russians and the Lithuanians

The article deals with the representation of values in the language consciousness of respondents from different places of the former USSR. The respondents were asked to estimate the significance of 30 values for «representatives» of different countries. The comparative analysis was conducted in terms of subjective semantic fields. It has revealed some certain similarities in the estimates of respondents belonging to different samples and some significant differences between them.

Keywords: values, language consciousness, subjective semantic fields, comparative analysis.

Alexander Tarasov

Image of Russia as an element of the foreign policy planning

The globalization necessitates forming a mechanism of cooperation in solving problems which are beyond jurisdiction of a single state. The cooperation of different states presumes intercultural communication in the form of generation and interpretation of political texts. Adequate interpretation of a text generated within a different culture needs forming knowledge with the text recipient compensating cultural differences. The problem is aggravated due existence of ethnic stereotypes reflecting historical experience of contacts between different nations. To solve this problem it is necessary to work out methods of analysis of hidden images consciousness and develop a program of foreign policy acts aimed at compensation of negative stereotypes and forming of positive image of the country.

Keywords: Image of Russia, foreign policy planning, political discourse, political text, analysis of different culture text, intercultural interaction, globalization.

Ignaty Zhuravlyov

Investigating the image of a man as a demonstration of methodological problems of consciousness images research

The article deals with basic methodological problems which arise at an attempt of investigating images of consciousness. These problems are connected with the fact of consciousness production as well as the impossibility to reflect the whole consciousness at once (the phenomenon of ideology). The main contradiction we face here is a contradiction between ontology and character of a reflection. Research of an image of a man discloses a number of tendencies and contradictions, characteristic for modern Russian culture.

Keywords: images of consciousness, ideology, image of a man, masculinity and femineity.

Ekaterina Otchepkova

The study of the image of Russia (social aspect)

The article is concerned with methodological grounds for the study of a country image and its representation in autochthonous language consciousness.

The sources proposed to be used in such a study include linguistic and associative dictionaries, data from opinion polls and surveys, and also texts by experts.

The social aspect of the image of Russia is analyzed as an instance.

Keywords: Image of Russia, autochthonous language consciousness, associative dictionaries.

Pavel Iashin

Comparative analysis of the images of life and death in the mind of Russians, British and Germans

This article attempts to analyse the way the images of life and death are perceived in the mind of contemporary Russians, British and Germans. Our research is based on the data from Russian, English and German associative dictionaries, which represent the results of a large-scale free association test. Life and death are the constitutive elements of the worldview of each human being and their representation in the mind of an average person is important for understanding his or her motives and intentions.

Keywords: associations, associative thesaurus, binary opposition, concepts, consciousness, comparative research, contrast, culture, image, life and death, mentality, mental representation, mind, national character, perception, psycholinguistics, reactions and stimuli, world view,

Alexei Palkin

Image of Wealth in Russian and Japanese Cultures

The image of wealth as it is perceived by Russian and Japanese native speakers is analysed in this article on the basis of association experiment. Three corpuses are taken into consideration, namely, those of Russian respondents of early 1990s and those of Russian and Japanese respondents of the early 21st century. In both cultures, the phenomenon of wealth is perceived in a similar manner. Rich people are believed to be mostly males and the attitude to rich people in both cultures is rather negative.

Keywords: image of wealth, Russian culture, Japanese culture.

Alexander Vasilevich

National colours and national flags as tokens of ethnocultural traditions

White, blue and red that compose the Russian flag, are the most salient colours for the present-day Russian mind. This fact is proved by the experiment described in the paper. On the other hand, choosing the three colours for the national flag in 17th century was stipulated by old Slavonic cultural traditions

Keywords: ethnocultural traditions, perception of colours, present-day Russian mind.

Ly Toan Thang — Nguyen Thi Thanh Huyen (Vietnam)

The Vietnamese way of viewing and thinking about the world (based on animal and plant puzzles)

The way that a native community perceives and conceptualizes things and situations of objective world is related closely with important theories and conceptions of psycholinguistics and cognitive linguistics, such as: the relations between language and cognition (perception, thinking, memory, attention, ...); the notions of the «world — picture», the «world — view» and the «inner form» of Humboldt and his students; the hypothesis «Linguistic Relativity» of Sapir-Whorf, ... Classifying and describing 800 puzzles of animals and plants, we can see that it is truly the way that Vietnamese people choose some attributes of the given animal in setting a puzzle, as well as the way that Vietnamese people compare him with another entity for orienting and helping the interpreters in finding the answer to solve the puzzle.

Keywords: Folk literature, puzzles; Humboldt's Linguistic Doctrines, Hypothesis «Linguistic Relativity»; Psycholinguistics, Cognitive Linguistics.

Evgenia Elina

Visual arts as 'reduplicated communication'.

The article deals with the problem of relation between icon-based and creolized texts. The author suggests classification and analysis of three classes of creolized texts. This allows to differentiate substantial features, communicative efficiency and esthetic specificity of each of three text types. Structural complexity of such texts and their double-coded organization reveal their visual, semantic and functional integrity, which has esthetic and communicative effect upon the recipient.

Keywords: visual arts, icon-based text, creolized text, communicative efficiency, esthetic specificity

Nikolai Pavliuk

The Grammatical Category of Gender in the Aspect of Etnopsycholinguistics.

The article deals with the study of correlation between the grammatical gender and subjective perception of gender in Russian, Lithuanian and Georgian language consciousness. It is demonstrated that those discrepancies between the grammatical gender and subjective perception of it, which might be identified as gender lacunae, occur quite rare.

Keywords: grammatical category of gender, ethnopsycholinguistics, subjective perception of gender, Russian language consciousness, Lithuanian language consciousness, Georgian language consciousness

Konstantin Dolotin

Announcer's emotional state evaluation by means of quasisegmental structure of speech signal (psychophysical scaling).

The paper contains quantitative evaluation of announcer's emotional state on the basis of cluster and factor analysis of parameters of speech signal.

Keywords: speech signal, psychophysical scaling, quasisegmental structure, announcer's emotional state

Alexander Boronin

The mental images of fictional communicative situations in the derived texts (interpreting the results of the psycholinguistic experiment).

The author's purposes are to show the wide perspectives of «text psycholinguistics» (this term was introduced by Professor A.I. Novikov) and to shed light upon the transformations taking place during the process of text derivation (i. e. secondary reproduction of a fictional communicative situation originally represented in literary prose). It is to be hoped that the results of the experimental study help the readers grasp the outlines of mental images formed in subjects under the influence of the fictional communicative situation.

Keywords: derived text, communicative situation, text psycholinguistics, mental images, psycholinguistic experiment.

Julia Griaznova, Mark Ratz

How should we read?

We discuss the initial notions of reading, as well as communication and activity schemes (patterns), all of which are crucial for changing the unsatisfactory reading situation in present-day Russia. In order to recreate the lost reading culture, we will present a scheme of a reader's (self) — organization and will mark out various types of reading and reading attitudes.

Keywords: reading, reader's (self) — organization, reading attitudes, communication and activity schemes.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

Электронное научное издание «Вопросы психолингвистики» предъявляет к авторским публикациям требования, изложенные в Положении о порядке регистрации электронных научных изданий. Все материалы, представляемые в электронное научное издание «Вопросы психолингвистики», подлежат обязательному рецензированию и, при условии положительного заключения рецензентов (внутреннее рецензирование), размещаются на данном сайте. Отбор экспертов-рецензентов – полномочия редакционного совета.

Редакция рекомендует авторам предоставлять отзывы на свои материалы от докторов филологических наук из организации, где работа выполнялась (внешнее рецензирование).

Материалы к публикации в электронное научное издание «Вопросы психолингвистики» представляются на бумажном носителе, а также на электронном носителе (или по электронной почте) на адрес ответственного секретаря редакции Екатерины Сергеевны Ощепковой (psyling47@gmail.com).

Редакционный совет оставляет за собой право редактирования и отбора материалов для публикации.

Требования к предоставляемым материалам:

Первая строка – индекс УДК.

Вторая строка – заглавие статьи (шрифт – Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1,5).

Третья строка – Ф.И.О. авторов (шрифт Times New Roman, курсив, размер 14; межстрочный интервал – 1,5).

Четвертая строка – Ф.И.О. авторов полностью, ученая степень, ученое звание, место работы (должность) или учебы (строчными буквами, шрифт – Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1); электронный адрес.

Аннотация статьи на русском языке (не более 800 символов).

Ключевые слова.

Основной текст статьи:

редактор – Word for Windows; шрифт – Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1,5; допустимый стиль – «обычный»;

объем представляемого материала до 40 тыс. знаков (1 п. л.);

ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная.

возможные иллюстрации должны быть предоставлены дополнительно в цифровом формате в виде отдельного JPG-файла или Gif-файла в электронном варианте.

Ссылки на литературу даются в тексте статьи в квадратных скобках, например [Текст как явление культуры 1989: 93].

Фамилия и имя автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке (аннотация 70-80 слов, около 10 ключевых слов).

Список литературы оформляется по образцу:

Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976. – №5 – С. 138-143

Национально-культурная специфика речевого поведения // Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М.: «Наука», 1977. – 352 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Отв. ред. Купина Н. А., Хомяков М. Б. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 595 с.

Обратите, пожалуйста, внимание на необходимость указывать страницы!

Сведения об авторе: Ф.И.О., город, место работы, адрес, контактный телефон, электронный адрес.